UNIV. OF
TORONTO
LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2017 with funding from
University of Toronto

https://archive.org/details/ocherkistoriinar00knia

Knyaz'kov, Sergei Aleksandrovich
(1873-) and Serbov, N. I.

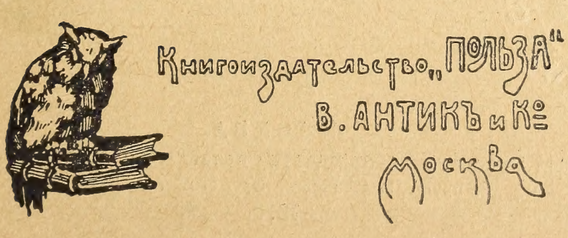
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМІЯ
ВЪ ОЧЕРКАХЪ И МОНОГРАФІЯХЪ.
(ВОСПИТАНІЕ въ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ).
Подъ общей редакціей проф. Алекс. Петр. Нечаева.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ въ РОССІИ

до эпохи реформъ Александра II.

СОСТАВИЛИ
С. А. Князьковъ и Н. И. Сербовъ.
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
проф. С. В. Рождественскаго.

Съ рисунками и портретами въ текстѣ.



442356
31.1.46

МОСКВА.

Типографія **Русскаго Товарищества** печатнаго и издательскаго дѣла.

Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телефонъ 18-35.

1910.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ народнымъ образованіемъ, обзоръ исторіи котораго до шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка пытается дать настоящая книга, здѣсь разумѣется та или иная школьная система низшаго образованія, служащаго потребностямъ самыхъ широкихъ слоевъ населенія. Исторія средней и высшей школы затрагивается лишь постольку, поскольку она связана съ низшей. Эта связь въ разные историческіе періоды выражалась различно: или низшая школа находилась въ учебной и административной зависимости отъ высшей и средней, или, что чаще, она питалась педагогическими силами, подготовляемыми средней школой, или, наконецъ, обѣ формы связи были на-лицо. Съ другой стороны, и питомцы низшей школы въ одни времена безпрепятственно допускались въ среднюю, а изъ послѣдней въ высшую, въ другіе моменты такой доступъ былъ болѣе или менѣе ограниченъ или совершенно закрытъ. Только для выясненія этихъ сторонъ судебъ народной школы изложеніе и касается средней и высшей школы. Лишь въ одномъ отношеніи сдѣлано исключеніе изъ этого правила, именно въ томъ, когда характеръ средней и высшей школы претерпѣвалъ принципіальныя измѣненія, которыя констатируются независимо отъ того, дошли ли эти измѣненія и новыя тенденціи до глубинъ школьнаго организма, до его низшихъ звеньевъ, или остались только на поверхности.

Дать полный и обстоятельный очеркъ исторіи народной школы—задача въ настоящее время едва ли осуществимая. Въ то время, какъ для исторіи высшихъ и среднихъ училищъ сохранился достаточно обильный матеріалъ, о низшей школѣ за болѣе отдаленныя времена подобнаго матеріала нѣтъ, или онъ дошелъ до насъ въ мало говорящихъ обрывкахъ. Правда, въ архивахъ есть не мало свѣдѣній, но гро-

мадное большинство ихъ касается предположеній, предначертаній, заключается въ трактатахъ, осуществившихся или оставшихся благими намѣреніями, и почти нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтó вышло изъ осуществлявшагося, о томъ, какимъ образомъ приняла реальная дѣйствительность кабинетныя соображенія лицъ, стоявшихъ во главѣ школьнаго дѣла. Если такія данныя изрѣдка и встрѣчаются, то онѣ зачастую грѣшатъ такимъ оффиціальнымъ оптимизмомъ, что пользоваться ими нужно съ большой осторожностью.

Народная школа, какъ система низшаго образованія съ значительнымъ масштабомъ, впервые появляется на русской почвѣ лишь со второй половины царствованія Екатерины II. До-петровская и петровская Русь знавала лишь частныя разрозненныя и ничѣмъ общимъ не охваченныя незначительныя училища, которыя нельзя разсматривать, какъ нѣчто цѣлое. Тѣмъ не менѣе, какъ зародышъ школьнаго дѣла, они не могутъ быть опущены при изслѣдованіи судебъ народной школы. Въ екатерининскую эпоху и въ началѣ царствованія Александра I народной школѣ посчастливилось обратить на себя исключительное вниманіе въ благожелательномъ смыслѣ, и въ теченіе этого времени не было недостатка въ различныхъ мѣропріятіяхъ, клонившихся къ ея пользѣ и возможному процвѣтанію. Наоборотъ, вторая половина царствованія Александра I и эпоха Николая I были временемъ скорѣе разрушенія, чѣмъ развитія школы. Подъ шумъ политической реакціи ее карнали и урѣзывали, на нее сыпались тяжелые и жестокіе удары, и если и терпѣлось еще ея прозябаніе, то лишь какъ необходимое зло. Изъ лелѣемаго дитяти превратившись въ угнетаемаго пасынка, школьное дѣло въ эту пору влачило очень скорбное существованіе. Только эпоха реформъ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка пробудила захирѣвшую жизнь народной школы, и только съ тѣхъ поръ она, получивъ развитіе вглубь и вширь, можетъ разсматриваться какъ факторъ, оказывающій серьезное вліяніе на жизнь широкихъ массъ населенія.

Русская школа до половины XVIII в.

Характеръ народной школы до конца XVII в.

Первыя извѣстія о школахъ и училищахъ въ древней Россіи совпадаютъ съ извѣстіями о принятіи и распространеніи христіанства въ русскихъ княженіяхъ и городахъ X вѣка. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 988 годомъ читаемъ, какъ Владиміръ „нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ. Пославъ, поча поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача въ ученіе книжное; матере же чадъ сихъ плакухуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся. Симъ же раздаянномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголюще: во оны дни услышатъ глусіи словеса книжная и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Си бо не бѣша слышали словесе книжнаго, но по Божью строю и по милости своей помилова и Богъ“. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1030 годомъ тоже упоминается, какъ Ярославъ, „пріиде къ Нову-городу, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ“. Были ли заведены настоящія училища для этихъ отданныхъ въ книжное ученіе дѣтей „нарочитой чади“ и дѣтей поповыхъ и новгородской старшины, или невольные ученики были розданы въ науку группами ихъ отцамъ духовнымъ—мы не знаемъ. То обстоятельство, что первыя извѣстія объ отдачѣ дѣтей въ книжное ученіе одновременны съ извѣстіями объ утвержденіи христіанства въ Кіевѣ и Новгородѣ, вскрываетъ какъ цѣль введенія ученія дѣтей книгамъ, такъ и возможный характеръ и направленіе этого ученія. Цѣлью могло быть желаніе на смѣну прибывшимъ съ Владиміромъ или выписаннымъ имъ греческимъ и южно-славянскимъ церковникамъ, создать кадръ своихъ русскихъ священниковъ, своихъ русскихъ по происхожденію пастырей и наставниковъ духовныхъ. По мнѣнію Забѣлина, это доказы-

вается и замѣчаніемъ лѣтописца, что матери оплакивали чадъ своихъ, отдаваемыхъ въ ученье, какъ мертвецовъ, потому что еще не утвердились въ вѣрѣ. Плачъ этотъ былъ вызванъ не только простымъ результатомъ отбираніемъ дѣтей въ школу: въ своихъ дѣтяхъ матери-язычницы видѣли будущихъ проповѣдниковъ новой вѣры и потому-то и плакали о нихъ. Первыми учителями, по всѣмъ вѣроятіямъ, были южно-славянскіе, болгарскіе и сербскіе церковники, ближе грековъ стоявшіе по языку къ тѣмъ, кого имъ приходилось обучать. Это назначеніе школы—воспитывать и пріучать къ подобающему имъ дѣлу церковнослужителей—надолго, до самаго конца XVII в., опредѣлило и характеръ обученія въ нашей древней школѣ, и тѣ педагогическіе идеалы, которыхъ школа стремилась достичь. Характеръ первоначальной русской школы и грамотности естественно сталъ церковно-религіознымъ. Обученіе началось съ долбежки букваря, за которымъ слѣдовало одолѣваніе часослова и, наконецъ, псалтири. Такъ какъ знаніе этихъ книгъ было наиболѣе необходимо въ церковномъ обиходѣ, то онѣ естественнымъ образомъ и легли въ основу школьнаго обученія и надолго сдѣлались первоисточникомъ книжной мудрости русскаго человѣка.

По мѣрѣ распространенія христіанства, число школъ росло и увеличивалось по городамъ Южной Руси, какъ это можно заключить изъ крайне отрывочныхъ и скудныхъ свидѣтельствъ нашихъ памятниковъ. Школы устраивались по монастырямъ, при церквахъ и при епископскихъ резиденціяхъ. Въ духовномъ уставѣ Владиміра упоминается о гостиницахъ и странопріимницахъ при церквахъ, какъ о необходимой ихъ принадлежности. „Не буквально ли соотвѣтствуютъ эти страннопріимницы византійскимъ ксенодохіямъ?—спрашиваетъ проф. Н. Лавровскій,—въ которыхъ, по закону христіанскому, какъ говорится въ одномъ житіи, совершается воспитаніе и образованіе дѣтей?“. „Мы ни мало не сомнѣваемся, — продолжаетъ проф. Н. Лавровскій, — что наши древнія страннопріимницы, учрежденія въ пользу сиротъ, появившіяся немедленно по водвореніи христіанства и, вѣроятно, впослѣдствіи распространившіяся, устроены были по образу византійскихъ и, слѣдовательно, имѣли учебно-воспитательный характеръ“. По правиламъ Василія Великаго, строго соблюдавшимся въ нашихъ первоначаль-

ныхъ монастыряхъ, предписывалось принимать сиротъ и тѣхъ дѣтей, которыхъ родители принесутъ въ присутствіи многихъ свидѣтелей, помѣщать ихъ въ особыхъ для того назначенныхъ келліяхъ, давать имъ благочестивое воспитаніе подъ надзоромъ пожилого опытнаго и испытаннаго въ терпѣніи мужа, немедленно знакомить ихъ со Св. Писаніемъ и т. д. Тѣ же предписанія монашествующимъ содержатся въ правилахъ св. Григорія Великаго.

Обиліе указаній, идущихъ къ намъ изъ XI и XII вв. относительно существованія въ южной Руси множества книгъ, показываетъ, что школа, какая бы она ни была, дѣлала свое дѣло—создавала читателя и любителя просвѣщенія; очень можетъ быть, что ихъ было немного, но они были и даже умѣли стать замѣтными своей книжностью. Еще объ Ярославѣ лѣтопись разсказываетъ, какъ онъ „собра писцы многы и прекладаше отъ грекъ на словѣньское письмо, и списаша книгы многи“... Изъ сыновей Ярослава славились, какъ книжные люди, Святославъ, наполнившій клѣти своего дворца книгами, и Всеволодъ, знавшій пять языковъ. Сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ, самъ пишетъ книги и является однимъ изъ первыхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей. Его сестра, Янка, основала училище при кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ. Въ лѣтописи подъ 1097 г. упоминается, что преподобный Несторъ ѣздилъ во Владиміръ на Волыни для обозрѣнія училищъ и наставленія учителей. Правнукъ Ярослава, князь Романъ Смоленскій (1180 г.), завелъ у себя въ городѣ что-то въ родѣ высшаго училища, гдѣ учили даже латинскому языку. Князь Романъ все свое имущество тратилъ на книги и училища, и когда умеръ, то смольнянамъ пришлось хоронить его на свой счетъ. Книга, ученіе книжное были вообще въ большомъ почетѣ, и послѣсловія многихъ письменныхъ памятниковъ тѣхъ временъ содержатъ восторженныя похвалы „ученію книжному“. „Велика бо бываетъ полза отъ ученія книжнаго,—гласитъ одна такая похвала.—Книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напояющи вселеную, и суть исходище мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, суть узда въ здержанью. Аще поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую ползу души своей“.

По мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ разныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ центры политической и общественной жизни перемѣщались съ Кіевскаго юга на Суздальскій сѣверо-востокъ, тамъ тоже насаждалось и утверждалось книжное ученіе. Во Владимірѣ на Клязьмѣ вел. кн. Константинъ, сынъ Всеволода Большое Гнѣздо, человѣкъ по тогдашнему очень образованный и просвѣщенный, завелъ въ своемъ городѣ школы, въ которыхъ „трудились иноки русскіе и греки, учаще младенцевъ". О такой школѣ, устроенной при церкви св. Михаила, лѣтопись упоминаетъ по случаю пожара этого храма и разсказываетъ, какъ при этомъ пожарѣ „погорѣли книги многіе, собранные симъ Константиномъ мудрымъ". На смертномъ одрѣ Константинъ Всеволодовичъ „домъ свой и книги вся въ училище по себѣ опредѣлилъ, и къ тому же на содержаніе немалыя волости далъ"...

Нашествіе татаръ, разорившее Русскую землю, погубило зачатки просвѣщенія, а слѣдовательно и школу, въ Кіевской Руси, подорвало въ самомъ началѣ школьное обученіе и на сѣверо-востокѣ. Въ первыя десятилѣтія господства татаръ было не до ученія, не до почитанія книжнаго русскимъ князьямъ и народу. Въ лѣтописяхъ почти совсѣмъ прекращаются упоминанія о школахъ, и школы, должно быть, дѣйствительно становятся рѣдки, грамотность ютится по монастырямъ, просвѣщеніе не идетъ дальше переписки книгъ и заучиванія наизусть ихъ содержанія. Даже среди князей становятся часты лица, „не гораздыя грамотѣ".

Но и вообще не слѣдуетъ, однако, очень преувеличивать размѣры распространенія школъ и книжнаго поученія въ Кіевской Руси и въ Суздальской. Упоминанія лѣтописей о школахъ, въ общемъ, довольно рѣдки, и, въ большинствѣ случаевъ, всегда это упоминаніе связано съ личностью основателя - князя, и всегда основаніе школы приводится какъ фактъ исключительный. Въ концѣ концовъ, утверждать относительно школьнаго дѣла въ Кіевской Руси можно только то, что школы были, что въ нихъ обучались будущіе церковники, что были люди, охотно занимавшіеся чтеніемъ книгъ и собираніемъ ихъ какъ для себя лично, такъ и на общую потребу, что учителями въ школахъ были и иноки, какъ свои, русскіе, такъ и греки. Вотъ собственно все, что мы можемъ достовѣрно знать о школѣ Кіевскихъ временъ.

Съ XIII в., послѣ татаръ, замираютъ и эти скудныя извѣстія, и лишь въ житіяхъ святыхъ XIII и XIV вв., составленныхъ, впрочемъ, позднѣе, много спустя послѣ того какъ жили эти святые, изслѣдователи находятъ отдѣльныя черточки, иногда очень живыя и яркія, указывающія, что школы были, что книжное наученіе происходило, что учителя скорбѣли о неуспѣвающихъ ученикахъ (житіе св. Петра митрополита), что ученики, выходя изъ школы по окончаніи уроковъ, играли и шумѣли на улицѣ (житіе св. Іоны).

Лишь съ самаго конца XV в. и въ XVI в., т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ сложилось Московское государство и стало устраиваться для прочной политической жизни, когда ему понадобились грамотные церковники, грамотные писцы, подъячіе и чиновники всякаго рода и назначенія, извѣстія историческихъ источниковъ о школахъ, ихъ бытѣ, устройствѣ и состояніи становятся обильнѣе и содержательнѣе. Что грамотныхъ людей не доставало церкви и государству, что ихъ къ концу XV и началу XVI вв. вообще было мало, засвидѣтельствовано двумя любопытными документами: посланіемъ новгородскаго архіепископа Геннадія къ митрополиту Симону и такимъ высоко оффиціальнымъ актомъ, какъ дѣянія Стоглаваго собора. Архіепископъ Геннадій, напоминая митрополиту, какъ онъ, Геннадій, уже билъ челомъ великому князю, „чтобъ онъ велѣлъ училища учинити", рисуетъ такое безотрадное положеніе дѣла грамотности въ своей архіепископіи—Новгородскомъ краѣ: „Приведутъ ко мнѣ мужика, — пишетъ Геннадій, — и язъ велю ему апостолъ дати чести, а онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати, и онъ и по тому едва бредетъ, и язъ его оторку (откажу ему въ посвященіи), и они (приведшіе ставленника) извѣтъ творятъ: Земля, господине такова, не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ; ино де вѣдь то всю землю излаятъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ бьютъ челомъ: пожалуй де, господине, вели учити; и язъ прикажу учити ихъ октеніи, а онъ и къ слову не можетъ пристати: ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они, поучився мало азбукѣ, да просятся прочь и не хотятъ ее учити... да хотя и учатся, а не отъ усердія..... а моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити. А язъ того для бью челомъ государю, чтобы велѣлъ училища учинити,

да его разумомъ и грозою и твоимъ благословеніемъ то дѣло исправится“. Архіепископъ Геннадій предлагаетъ и программу проектируемой имъ правительственной школы для подготовки церковниковъ. „А мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ: первое—азбука... да и подтительныя слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко, и коли то изучатъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати (вести последовательно церковную службу) и чести всякыя книги. А и мужики невѣжи учатъ робятъ да рѣчь ему испортитъ; да первое изучитъ ему вечерню, но то мастеру принеси каша да гривна денегъ, а заутреня также, а и свыше того, а часы то особно, да тѣ поминки опричь могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отыдетъ, и онъ ничего не умѣетъ, только-то бредетъ по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ“...

Итакъ, архіепископъ Геннадій прежде всего констатируетъ для своего времени и епархіи, одной изъ самыхъ богатыхъ и обширныхъ въ тогдашней Руси, отсутствіе хоть сколько-нибудь регламентируемой и покровительствуемой правительствомъ школы, а затѣмъ указываетъ, что та потребность въ грамотности, тотъ спросъ на нее, который существовалъ, удовлетворялся людьми, избравшими себѣ обученіе грамотѣ дѣтей и взрослыхъ, какъ профессію. Надо думать, что наблюденія и выводы архіепископа Геннадія являются вообще опредѣляющими для картины состоянія русской школы и книжнаго обученія въ началѣ XVI в.: школы, какъ таковой, въ томъ видѣ и формахъ, какія мы привыкли соединять съ понятіемъ школа, все равно что нѣтъ, не существуетъ, а грамотѣ учатся отъ случайныхъ, промышляющихъ этимъ людей, которые, какъ можно полагать по указаніямъ Геннадія, на высотѣ задачи далеко не стоятъ и свой трудъ цѣнятъ очень дорого; а это заставляетъ думать, что и такихъ профессіоналовъ-учителей было тогда очень мало. Вотъ эти случайные учителя да свои грамотные семейные и исполняли въ тогдашнее время тѣ задачи, которыя въ наше время исполняетъ школа.

Съ давнихъ поръ доходятъ до насъ отдѣльныя указанія на ту образовательную роль, какую имѣла въ смыслѣ распространенія грамотности семья. Въ Несторовомъ житіи св. Бориса и Глѣба разсказывается, какъ Владиміръ, отпустивъ взрослыхъ сыновей своихъ посадниками въ разныя области,

малолѣтнихъ Бориса и Глѣба „у себя держалъ“. „Бѣ же Глѣбъ,—читаемъ въ житіи,—велми дѣтескъ, а умъ старъ, а блаженный Борисъ въ разумѣ исполненъ благодати Божіей, взимаше бо книгъ и чтяше, бяше бо и грамотѣ наученъ, чтяще же житія и ученія святыхъ... а святый Глѣбъ послушаше его, сѣдя и не отлучашеся отъ блаженнаго Бориса, но съ нимъ день и нощь послушаше его“. О Михаилѣ Александровичѣ Тверскомъ въ Новгородской лѣтописи подъ 1341 г. читаемъ: „той же зимы пріѣха Михаилъ Александровичъ съ Твери въ Новгородъ ко владыкѣ, сынъ крестный, грамотѣ учиться“. „Свидѣтельство важное,—замѣчаетъ проф. Н. Лавровскій,—доказывающее, что крестный отецъ, которымъ у княжескихъ дѣтей большею частью бывало лицо высшаго духовенства, иногда принималъ на себя обязанность обучать своего крестника грамотѣ, подъ чѣмъ, конечно, разумѣлось не одно чтеніе и письмо“. Эта роль крестнаго отца руководить книжнымъ наученіемъ своего крестника до сихъ поръ сохранилась въ народныхъ обычаяхъ, и ребенка, отправляя въ школу или къ учителю, родители всегда заставляютъ просить благословенія у его крестнаго отца, и безъ совѣта съ нимъ такого важнаго дѣла не предпринимаютъ.

Лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ того, какъ написалъ свое скорбное посланіе архіепископъ Геннадій, тѣ выводы, которые мы можемъ сдѣлать изъ его посланія относительно состоянія русской школы къ началу XVI в., были подтверждены соборомъ всего духовенства Московскаго государства.

Въ 1551 г., когда царь Иванъ Васильевичъ „строилъ свои государства“, возникъ, конечно, вопросъ и о народномъ просвѣщеніи и образованіи. Соборъ духовенства, созванный царемъ Иваномъ, такъ называемый Стоглавый, установилъ, что, дѣйствительно, въ Московскомъ государствѣ учиться негдѣ: „Учителя, какіе есть, сами мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ. А прежъ сего въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ, и въ Великомъ Новгородѣ, и по инымъ городамъ многія училища бывали“. Соборъ духовенства, признавая, что такое „небреженіе“ нельзя больше терпѣть, постановилъ: „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ и со всѣми священники и діаконы, коемуждо во своемъ градѣ, по благословенію архіерея, избрать изъ

своей среды добрыхъ священниковъ и діаконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ наставлять грамотѣ, чтенію же, пѣнію и письму гораздыхъ, и у тѣхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ учинити въ домахъ училища, чтобы всѣ священники, діаконы и всѣ православные христіане каждаго города давали своихъ дѣтей на ученье грамотѣ, книжному письму, церковному пѣнію и чтенію; учителя должны были блюсти своихъ учениковъ, беречь и хранить ихъ, наказывать и поучать страху Божію и всякому благочинію по церковному чину, ничего не скрывая, чтобы ученики всѣ книги учили"...

Такимъ образомъ, правительство Московскаго государства задумало создать училища при источникахъ всего тогдашняго знанія и мудрости, т.-е. при церквахъ, а учителей думало найти среди тѣхъ, кто по самому своему занятію не могъ не знать грамотѣ.

Постановленіе Стоглаваго собора мало подвинуло впередъ дѣло школьнаго обученія. Кое-гдѣ школы устроились, но, большей частью, распоряженіе осталось неисполненнымъ: повсемѣстнаго открытія школъ не произошло: не было учителей, не было и общаго желанія учиться.

Но если такъ трудно обстояло дѣло со школой въ XV и первой половинѣ XVI вв., то нельзя утверждать, что такъ было и дальше. До насъ дошло много свидѣтельствъ, которыя говорятъ, что на Руси второй половины XVI и въ XVII в. школа не была совсѣмъ ужъ рѣдкимъ явленіемъ, и „школьные домы" имѣлись въ городахъ.

Жизнь съ ея властными требованіями, очевидно, сдѣлала свое дѣло. Разросшаяся изъ удѣльнаго княжества въ Московское государство страна слишкомъ ужъ нуждалась въ грамотныхъ людяхъ. Они были нужны не только въ церквахъ и монастыряхъ, но и въ приказахъ въ Москвѣ, въ земскихъ и воеводскихъ избахъ по городамъ; нужно было умѣть грамотѣ, чтобы написать просьбу или жалобу въ судъ, чтобы расписаться въ качествѣ свидѣтеля, прочесть присланную казенную бумагу, сосчитать и записать казенное добро, къ которому приставляли человѣка, обязывая его слѣдить за сборомъ этого добра. Тогда-то государственная и общественная нужда въ грамотѣ и грамотныхъ людяхъ и породила требованіе на школы.

Можно думать, что тотъ же приходъ, который содержалъ храмъ, выбиралъ священника и причтъ, посылая ихъ для посвященія къ архіерею, устраивалъ при своемъ храмѣ богадѣльню и школу. При жильѣ священника или одного изъ причетниковъ отводилась особая изба или клѣть, гдѣ бы „ребятамъ грамотѣ учиться". Учителемъ такой школы, содержимой на средства прихода, былъ кто-нибудь изъ причта. Кромѣ такихъ школъ, при церквахъ въ Московскомъ государствѣ были и вольные, такъ сказать, учителя, „мастера", какъ тогда говорили, которые кормились тѣмъ, что учили ребятъ. Такіе учителя выходили изъ неимѣющихъ мѣста причетниковъ, изъ отставныхъ подъячихъ, просто изъ любителей книжнаго и школьнаго дѣла. Учили они или у себя на дому, имѣя для того особое помѣщеніе, или ходили по дворамъ, нанимались въ домашніе учителя и учили только дѣтей тѣхъ, кто ихъ нанялъ.

По старому обычаю, начинали учить ребенка грамотѣ, когда ему исполнялось семь лѣтъ. Отецъ призывалъ двухъ-трехъ ближайшихъ родственниковъ, совѣтовался съ ними, не пора ли мальчика отдать въ „книжное наученіе". Рѣшивъ, что пора, звали отца духовнаго и служили молебенъ покровителю наукъ св. пророку Науму и тому святому, тезоименитъ которому былъ мальчикъ. Ребенка кропили святой водой, духовникъ благословлялъ его и говорилъ приличное случаю поученіе. Отецъ и мать благословляли мальчика и говорили ему тоже нѣсколько напутственныхъ словъ о пользѣ ученья, о томъ, чтобы онъ слушался учителя, учился бы хорошо и т. д. Затѣмъ всѣ, т.-е. отецъ мальчика, двое или трое призванныхъ отцомъ ближайшихъ родственниковъ и самъ отдаваемый въ науку мальчикъ, шли къ „мастеру". Здѣсь, положивъ уставные поклоны и поздоровавшись съ „мастеромъ", отецъ мальчика начиналъ рядиться съ учителемъ, уговариваться, чему мастеръ долженъ выучить ребенка, и какую плату и чѣмъ долженъ получить за науку. Сговорившись обо всемъ этомъ, отецъ ученика и мастеръ ударяли по рукамъ, и приведенный мальчикъ поступалъ въ распоряженіе учителя. Сдѣлавъ три поклона передъ образомъ и поклонившись въ ноги учителю, новый ученикъ получалъ букварь, вынималъ изъ-за пазухи нарядную указку, заботливо подаренную ему матерью или кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, садился на указанное ему учи-

телемъ мѣсто за столомъ и начиналъ трудное дѣло „книжнаго наученія".

Это былъ сухой и тяжелый трудъ, о которомъ теперешніе учащіеся и понятія себѣ составить не могутъ. „Старинная грамота, — говоритъ одинъ ученый, — являлась дѣтямъ не снисходительной и любящей няней, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она сухимъ и суровымъ дидаскаломъ съ книгой и указкой въ одной рукѣ и съ розгой въ другой".

Въ XV и XVI вв. буквари и книги были, конечно, рукописные, а въ XVII вѣкѣ уже печатные. Многія лица, какъ, напримѣръ, св. Гурій Казанскій, зарабатывали себѣ хлѣбъ тѣмъ, что писали „книжицы малыя, иже въ наученіи бываютъ малымъ дѣтямъ", т.-е. буквари. Въ XVII в. Московскій Печатный дворъ въ теченіе четырехъ лѣтъ (1647—51) напечаталъ 9600 букварей.

При рукописныхъ книгахъ, написанныхъ различными почерками, часто безъ соблюденія какихъ-либо знаковъ препинанія, въ строку, безъ отдѣленія одного предложенія отъ другого, со словами, поставленными слитно, научиться читать было страшно труднымъ дѣломъ. Читающему приходилось не только схватывать глазомъ буквы и механически соединять ихъ въ слога, а слога въ слова,—ему приходилось усиленно думать, что къ чему въ рукописи и какое слово относится прямо къ какому, гдѣ кончается, гдѣ начинается мысль автора. „Въ наше время,—говоритъ проф. В. И. Сергѣевичъ, — человѣкъ, выучившійся грамотѣ, можетъ читать всякую книгу. Не то было въ старину. Тогда мало былъ постигнутъ механизмъ чтенія, это не давало еще ключа къ пониманію написаннаго. Въ старину учитель долженъ былъ научить раздѣлять слова и предложенія, онъ долженъ былъ знакомить ученика съ содержаніемъ книгъ. Въ старину учились читать не книги вообще, а извѣстную книгу: псалтирь, часословъ и пр. Ученіе читать переходило въ заучиваніе книги на память. Выучившійся читать псалтирь, могъ не справиться съ другой книгой"...

Взявъ на зубокъ азбуку съ ея трудными названіями буквъ—азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть, живете и т. д., ученикъ приступалъ къ слогамъ или складамъ сначала изъ двухъ буквъ—согласной и гласной, а потомъ изъ трехъ, и

усердно долбилъ всѣ эти буки-азъ—ба, буки-есть—бе, буки-иже—би, вѣди-азъ—ва, вѣди-онъ—во, или буки-рцы-азъ—бра, глаголь-вѣди-азъ—гва, добро-цы-еры—дцы и т. д. безъ конца. Склады читались обыкновенно вслухъ, хоромъ, и гомонъ въ школѣ стоялъ отъ этого такой, что за нѣсколько домовъ было слышно, какъ учатся школяры.

Научившись складывать изъ слоговъ слова и прочтя съ толкомъ, „не борзяся“ первыя связныя фразы молитвеннаго содержанія и молитвы, напечатанныя или написанныя въ азбукѣ, постигнувъ всѣ слова подъ титлами, ученикъ со страхомъ и благоговѣніемъ приступалъ къ чтенію „Часослова“, той церковной книги, которая содержитъ въ себѣ основныя церковныя молитвословія—часы, павечерицу, полунощницу, утреню, кондаки и тропари праздникамъ. Начало чтенія часослова было какъ бы переходомъ въ слѣдующій классъ и сопровождалось особымъ торжествомъ. Наканунѣ, дома, служили молебенъ. Утромъ, передъ отходомъ въ школу, ученику вручался горшокъ каши и гривна денегъ „въ бумажкѣ“ — это онъ долженъ былъ передать учителю. Часословъ брался на зубокъ, какъ и букварь. За нимъ наступала очередь псалтыря, потомъ дѣяній апостольскихъ и, наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, св. Евангелія.

Изученіе часослова, псалтыря, и другихъ книгъ сопровождалось со стороны учителя различными воспитательно-образовательными поученіями.

Кромѣ названныхъ книгъ, въ рукахъ древне-русскаго ученика находился еще иногда „азбуковникъ“, гдѣ, помимо алфавита и складовъ, имѣлся цѣлый рядъ различныхъ свѣдѣній. Прежде всего здѣсь были помѣщены школьныя правила, учившія школьника благонравію и хорошему поведенію. Затѣмъ ученики читали здѣсь о дняхъ недѣли, объ ихъ названіяхъ, о субботѣ; имъ объясняли, что значитъ частое евангельское выраженіе „во едину отъ субботъ“ и т. д. Съ объясненіемъ дней недѣли связаны были первыя начала священной исторіи; дѣтямъ разсказывали о сотвореніи міра, о первыхъ людяхъ, о народѣ израильскомъ, царяхъ Давидѣ и Соломонѣ и т. д. Объясненіе дней недѣльныхъ приводило съ собой знакомство съ календаремъ и лѣтоисчисленіемъ, съ цыфирью и начатками ариѳметики. Затѣмъ въ азбуковникахъ слѣдуютъ основныя грамматическія правила, очень сбивчивыя, трудно изложенныя, безъ соблюденія какой бы

то ни было послѣдовательности, какого бы то ни было порядка. Такая грамматика изложена въ вопросахъ и отвѣтахъ — ученикъ спрашиваетъ, а учитель объясняетъ. Особенное вниманіе среди грамматическихъ правилъ посвящено вѣчному вопросу русскаго правописанія „како ять съ естемъ различати". „Сіе бо,—читаемъ въ азбуковникѣ,—вельми зазорно и укорно, еже ять вмѣсто ести глаголати, такоже и есть вмѣсто яти. Отъ сего бываетъ веліе несмыслъство ученію". Любопытны также правила, гдѣ указывается, когда и какія ударенія слѣдуетъ ставить на словахъ, когда *оксія* или *острая*, когда *варія* или *тяжкая*, когда *камора облеченная*, когда *краткое*, когда *исо*.

Перечисляя христіанскія имена, азбуковникъ попутно разсказываетъ о крещеніи Руси. Затѣмъ находимъ въ азбуковникѣ правила стихосложенія и ноты, наконецъ, толкованія о семи мудростяхъ философскихъ: грамматикѣ, діалектикѣ, риторикѣ, музыкѣ, ариѳметикѣ, географіи, астрономіи!

Конечно, всѣ эти науки описаны въ азбуковникѣ очень кратко, и дѣти развѣ только узнавали, что вотъ есть такія-то и такія науки, но какъ и гдѣ узнать ихъ подробнѣе— этого азбуковникъ не сообщалъ. Интересно, что геометріей называли тогда тѣ отрасли знанія, которыя мы называемъ землемѣріемъ, космографіей и географіей, какъ политической, такъ и физической. Діалектика рекомендовалась для изученія, какъ наука, необходимая „на соборахъ народныхъ и въ судѣ".

Такъ разнообразно и пестро было содержаніе азбуковника. Книга эта была предметомъ особаго изученія. Ее читали въ школѣ подъ руководствомъ учителя, такъ сказать, между дѣломъ, во время отдыха и перерыва занятій. Учитель, вѣроятно, дополнялъ и объяснялъ, какъ умѣлъ, сухія и краткія сообщенія азбуковника, и у школяровъ получался, такимъ образомъ, извѣстный запасъ знаній изъ всѣхъ областей, какія тогдашняя мудрость считала достойными для сокровищницы ума образованнаго человѣка. На этомъ курсъ школьной науки и кончался.

Попутно, но не ранѣе, какъ ученикъ приступалъ къ чтенію часослова, велось обученіе письму. Эта наука была тогда тоже не изъ легкихъ. Прежде всего, она была дорога, такъ какъ бумага въ то время была много дороже нынѣшней, а писали гусиными перьями, которыя нужно было выучиться

очинивать особымъ ножичкомъ. Плохо очиненное неумѣлой рукой перо спотыкалось и брызгало по шероховатой бумагѣ у неопытнаго писаки и доставляло ему не мало огорченій. Передъ учившимися писать всегда лежала „пропись“ или „надписи“, и онъ старательно списывалъ буквы, подражая прописи.

Суровый учитель, разъ показавъ, какъ надо читать или писать, не любилъ повторять сказанное два раза и помощью розги и подзатыльниковъ думалъ легче и скорѣе напомнить науку забывчивому ученику. Розга и „ремень плетной“ вообще были первымъ подспорьемъ тогдашняго педагога. Въ азбуковникахъ встрѣчаются цѣлыя стихотворныя похвалы розгѣ. Вотъ одна такая похвала, помѣщенная въ началѣ книги:

„Въ предисловія мѣсто сіе полагаемъ:
Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ,
Розга убо ниже мало здравія вредитъ.
Розга разумъ во главу дѣтямъ вгоняетъ,
Учитъ молитвѣ и злыхъ всѣхъ встягаетъ.
Розга родителемъ послушны дѣти творитъ,
Розга божественнаго писанія учитъ.
Розга, аще біетъ, но не ломитъ кости,
А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
Розгою, аще отецъ и мать часто біютъ дѣтище свое,
Избавляетъ душу его отъ всякаго грѣха.
Розга учитъ дѣлати вся присно ради хлѣба,
Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
Розга убо всякимъ добротамъ поучаетъ,
Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
Розгою отецъ и мати, еже дѣтище не біютъ,
Удаву на выю его скоро увіютъ.
Вразуми, Боже, матери и учители,
Розгою малыхъ дѣтей быти ранители.
Благослови, Боже, оные лѣса,
Иже розги добрыя родятъ, на долгія времена.
Малымъ дѣтямъ—розга черемховая двоюлѣтняя,
Сверстнымъ же брезовая къ воумленію,
Черемховая же къ страхованію ученія,
Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.
Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
Аще ли же безъ розги измлада возрастится,
Старости не достигнетъ, удобь скончится.

Придавая такое огромное значеніе розгѣ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, тогдашняя педагогія совѣтуетъ ученикамъ любить это средство:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте!

Школьный день начинался рано, часовъ съ семи утра по нашему счету. Добронравному ученику „Азбуковникъ" предлагалъ такія стихотворныя правила для начала дня:

Въ дому своемъ, отъ сна возставъ, умыйся,
Прилучившагося плата краемъ добрѣ утрися,
Въ поклоненіи святымъ образамъ продолжися,
Отцу и матери низко поклонися.
Въ школу тщательно иди
И товарища своего веди;
Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи...

Войдя въ школу, ученикъ крестился на образа и отвѣшивалъ низкій, даже земной поклонъ учителю, если тотъ былъ священникъ, а потомъ, положивъ установленные три поклона передъ образомъ, принимался повторять, не торопясь, „зады", т.-е. пройденное вчера. Уроковъ на домъ не задавалось, и все проходилось въ классѣ. Прочитать „зады", иной разъ, если учитель былъ недоволенъ, повторивъ ихъ два-три раза, ученикъ принимался читать и перечитывать новый урокъ, т.-е. слѣдующія страницы той книги, какую изучалъ. Учитель слѣдилъ за чтеніемъ, прерывалъ, заставлялъ повторять, добиваясь, чтобы ученикъ читалъ безъ запинки, ровнымъ голосомъ, слегка нараспѣвъ, „не борзяся", съ толкомъ.

Въ двѣнадцать часовъ наступалъ перерывъ для обѣда, и ученики шумной толпой, противъ чего напрасно ратовали строгія правила азбуковниковъ, торопились домой обѣдать. Послѣ обѣда спали, а къ двумъ часамъ дня всѣ снова были въ школѣ и снова долбили урокъ. Сидѣли всѣ за столомъ, на мѣстахъ, указанныхъ учителемъ; старшіе занимали мѣста получше, ближе къ учителю, сидѣвшему въ красномъ углу подъ образами, младшіе же сидѣли ближе къ дверямъ; кромѣ того, каждый ученикъ даннаго отдѣла занималъ мѣсто по своимъ успѣхамъ, и учитель часто пересаживалъ успѣвавшихъ и малоуспѣшныхъ, въ зависимости отъ ихъ стараній и плодовъ этихъ стараній.

Учитель вызывалъ учениковъ по очереди. Каждый вызванный выходилъ изъ-за стола, кланялся учителю въ ноги и начиналъ стоя „сказывать" свой урокъ. Если учитель

бывалъ недоволенъ ученикомъ, то приказывалъ ему сказывать урокъ стоя на колѣняхъ, въ виду спасительной лозы.

Выдолбивъ урокъ, ученикъ молился передъ образомъ, произнося особую молитву: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, содѣтелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писанія, и симъ увѣмъ хотѣнія твоя, яко да славлю тя во вѣки вѣковъ. Аминь!“ Сдѣлавъ затѣмъ три поклона передъ образомъ, онъ начиналъ новый стихъ урока.

Какъ только зазвонятъ къ вечернѣ, т.-е. часовъ около четырехъ дня, школьный день заканчивался; школьники вставали со своихъ мѣстъ и пѣли хоромъ молитву св. Симеона Богопріимца: „Нынѣ отпущаеши...“

Послѣ молитвы ученики должны были замкнуть на застежки свои книги, посмотрѣвъ, не осталось ли въ листахъ „указки“, „указательнаго древца“, какъ говорили, когда хотѣли выразиться понаряднѣе, и бережно клали книги на полки. Затѣмъ начиналась уборка школы; ученики выметали помѣщеніе, вытирали пыль, выносили лахань съ грязной водой отъ умыванья, приносили свѣжую воду. За всѣмъ этимъ дѣломъ слѣдилъ староста, т.-е. старшій ученикъ, назначенный на эту должностъ учителемъ.

Староста смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы ученики не листовали безъ толку книгъ, любуясь цвѣтными заставками, бережно клали бы ихъ на мѣсто, не шумѣли въ школѣ и при выходѣ изъ нея. Въ тѣхъ школахъ, которыя были устроены при церквахъ, находились общежитія для сиротъ, и тогда на обязанности старосты лежалъ надзоръ и за живущими при школѣ сиротами.

Прибравъ школу, ученики расходились по домамъ. Если это было наканунѣ праздника, то всѣ учащіеся обязательно шли къ вечернѣ, и учитель предостерегалъ ихъ, чтобы они стояли въ храмѣ благопристойно, „потому что,—прибавляетъ наставленіе,—всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ“. Отъ учениковъ школы требовалось вообще пристойное поведеніе. „Егда учитель отпуститъ васъ,—читаемъ въ одномъ наставленіи при азбуковникѣ,—то со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите: шутокъ и кощунствъ, пханія же другъ друга и біенія, и рѣзваго бѣганія, и каменноверженія, и всякихъ ненадобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ... Едва минуете святую церковь, и узритъ кто образъ Христовъ, не мини, еже не помолитися“... Запрещено было

также ученикамъ ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ почему-либо собиралась толпа. Пришедши домой, ученикъ долженъ былъ разсказать родителямъ, что онъ проходилъ въ школѣ, и прочесть тотъ урокъ, тѣ стихи или тѣ склады, которые выучилъ.

За всякій школьный проступокъ или неуспѣхи ребенка и дома ожидало наказаніе. Такимъ образомъ, страхъ наказанія, боль и стыдъ были средствами, которыя тогда считались необходимыми въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Когда не помогали эти средства, и наука плохо давалась мальчику, то призывали священника и читали особыя молитвы надъ „неудобьучащимся грамотѣ“ мальчикомъ, призывая святыхъ Сергія Радонежскаго и Александра Свирскаго уврачевать „скорбную главу“, дать ей пониманіе и способность къ ученію. Мальчику разсказывали—и учитель и родители—„просторѣчнымъ сказаніемъ“, какъ эти святые въ дѣтствѣ были косны на пониманіе, какъ они усердно молились Пресвятой Богородицѣ, чтобы Она отверзла ихъ „умныя очеса“, и какъ молитва ихъ была исполнена.

По воскреснымъ днямъ ученики послѣ обѣдни приходили въ школу и „здравствовали“ учителя, т.-е. поздравляли его съ праздникомъ, а учитель бесѣдовалъ съ дѣтьми о праздникѣ, разсказывалъ имъ „просторѣчно“, т.-е. своими словами, разговорнымъ языкомъ, о праздникѣ, о святомъ или священномъ событіи, память котораго чествовалась, и заключалъ свою повѣсть краткимъ поученіемъ, послѣ котораго, помолившись, всѣ расходились.

Въ воскресные дни при этихъ здравствованіяхъ учителя происходило подношеніе ему различныхъ даровъ, по большей части разныхъ съѣстныхъ припасовъ, кто что могъ. Учитель жилъ этими подношеніями, и когда они почему-либо оскудѣвали, тогдашній педагогъ писалъ родителямъ учениковъ почтительнѣйшее письмо, составленное самымъ витіеватымъ образомъ и каллиграфически написанное, въ которомъ учитель высокопарно обращался къ „государю“ такому-то, билъ челомъ и плакался, называлъ себя работничишкомъ и писалъ такъ: „Помяни благоутробіе свое ко мнѣ, работничишку, Господа ради и благоцвѣтущія отрасли благонасажденнаго древа, единороднаго своего любезнѣйшаго сына и пресладкаго ради божественнаго ученія, благоцвѣтущія ради отрасли твоей на поученіе, а тебѣ, госуда-

Хвалити Бга человѣкꙋ всякꙋ,
долгъ оучитися писме словесъ знакꙋ.
Оученіемъ бо благо разꙋмѣетъ,
в цртво нбно и стыми ꙋспѣетъ.
Тѣмже юніи в трꙋдѣ семъ бывайте,
време и часовъ въ гꙋлбѣ не теряйте.

Школа въ Московское время.
(Съ гравюры въ букварѣ Өедора Поликарпова 1701 г.).

рю, на душевное утѣшеніе; пожалуй мнѣ, работничишку твоему, на школьное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе; благоутробне, смилуйся!" Иной педагогъ могъ написать такое письмо превыспренними стихами и выражался такъ:

„Прикажи, государь, намъ отъ класорасленныхъ плодовъ запасцу дати,
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы говядъ и тинолюбящія свиніи преподати;
Со всѣми же сими желаемъ и птахъ водоплавныхъ,
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ млекъ сгущеннаго и отъ сѣмянъ изгнетеннаго масла,
Да въ приходящій праздникъ усладятъ наша брашна.
Воздари происходящимъ сквозь огнь и воду,
Да благопотребно будетъ нашему дому:
Высокорасленнаго огорченнаго пива добрѣйшаго,
Пчелодѣльнаго меду сладчайшаго.
Молимъ Бога, дабы о сихъ всѣхъ тебѣ, государю, извѣстилъ,
Насъ же, богомольцевъ своихъ, всѣми сими посѣтилъ"...

Очень многочисленны тогдашнія школы не были. Житія нашихъ святыхъ, хотя и упоминаютъ о „многихъ соученикахъ" или сверстникахъ того или иного подвижника, но придавать большое значеніе этому общему выраженію нельзя. Прежде всего, тогдашнія помѣщенія не позволяли собирать въ своихъ стѣнахъ много дѣтей. Надо думать, что число учениковъ въ школѣ колебалось отъ пяти-шести до двадцати-тридцати человѣкъ. Сохранилось до нашего времени житіе преп. Сергія съ картинками, написанное въ XVI в. На одномъ рисункѣ такъ изображена школа: на лавкѣ за столомъ сидятъ одиннадцать мальчиковъ съ книгами, а одинъ, самъ преподобный, стоитъ передъ учителемъ, который объясняетъ ему урокъ. Учились въ такой школѣ не одни малолѣтки, а порой и молодые люди очень на возрастѣ. Такъ, св. Никандръ Псковскій сталъ учиться грамотѣ лѣтъ двадцати, находясь уже въ услуженіи у одного купца. Сынъ князя Василія Голицына еле разбиралъ еще склады, когда подавалъ къ царю просьбы о земельномъ надѣлѣ, какъ взрослый полноправный человѣкъ.

Время обученія грамотѣ не могло быть продолжительно, несмотря на крайне трудные и грубые пріемы самого обученія. Способные мальчики, въ родѣ преподобнаго Іосифа Волоцкаго, кончали всю начальную школьную премудрость

года въ два. Біографъ преподобнаго разсказываетъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ передъ способностями святого, какъ онъ „учашеся разумно и всѣхъ сверстникъ превзыдѣ: единымъ годомъ изучи псалмы Давыдовы и на другой годъ вся божественная писанія навыче". Менѣе способные мальчики изучали все это, вѣроятно, года въ три, даже въ четыре.

Такъ учились въ древней Руси всѣ—и царскія дѣти, и боярскія, и священническія, и простыя, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ и достигали одного и того же: умѣнья читать и писать.

Научить читать и писать, „божественныя книги чести и церковное постатіе"—это была цѣль, ради которой создавало училища правительство, за этимъ посылали къ мастеру своихъ дѣтей родители, и древне-русская школа по преимуществу учила и въ меньшей степени воспитывала. Воспитаніе было дѣломъ не мастера, учившаго за приличное вознагражденіе книги чести, а отца и матери, поприщемъ воспитанія была не школа, а семья, гдѣ давно, отъ предковъ установился опредѣленный кругъ житейскихъ правилъ „порядливаго житія", и „христіанскаго жительства"; эти правила добрые родители и стремились внушить своимъ дѣтямъ примѣромъ личной жизни и путемъ поученія и наставленія. Жизнь свела эти правила, вырабатывавшіяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ церкви и литературы книгъ св. Писанія, въ опредѣленный кодексъ, дававшій отчетливыя предуказанія на всевозможные вопросы и затрудненія въ области житейскихъ соотношеній. Этотъ запасъ правилъ выработался главнымъ образомъ подъ вліяніемъ двухъ книгъ Ветхаго Завѣта—„Притчей Соломоновыхъ" и „Премудрости Іисуса, сына Сирахова". Изъ Новаго Завѣта много внесли въ складъ выработки древне-русскаго воспитательнаго идеала Посланія св. апостола Павла, а изъ твореній св. отцовъ церкви, главнымъ образомъ, творенія св. Іоанна Златоуста.

Подъ вліяніемъ этихъ твореній и книгъ сложился такой педагогическій идеалъ: во главѣ семьи стоитъ отецъ; онъ не только источникъ земного благополучія семьи, но и осново-положникъ вѣчнаго спасенія своихъ домашнихъ. „Дѣти! послушайте меня, отца,—читали древне-русскіе люди у Іисуса сына Сирахова,—и поступайте такъ, какъ я

вамъ скажу, чтобы вамъ спастись, потому что Господь возвысилъ отца надъ дѣтьми и утвердилъ судъ матерей надъ сыновьями... благословеніе отца утверждаетъ домы дѣтей, а клятва матери разрушаетъ до основанія. Слава человѣка— отъ чести отца его, и позоръ дѣтямъ—мать въ безславіи". Отецъ глава и владыка дома. Какъ владыка, онъ долженъ быть справедливъ и строгъ, долженъ внушать своимъ домашнимъ любовь и страхъ. „Отецъ, не бойся всячески учить и наказывать дѣтей своихъ",—учитъ Соломонъ;—суровое отношеніе къ дѣтямъ не только не противорѣчитъ отеческой любви къ нимъ, а, напротивъ, утверждаетъ родительскую любовь. „Изъ любви къ сыну не оставляй его безъ наказанія: если накажешь его розгою, онъ не умретъ. Ты накажешь его розгою и спасешь душу его отъ преисподней". Еще строже смотритъ на дѣло взаимоотношеній отца-домовладыки къ дѣтямъ Іисусъ, сынъ Сираховъ: „есть у тебя сыновья?—спрашиваетъ онъ, — учи ихъ и съ юности нагибай выю ихъ... Кто любитъ своего сына, тотъ пусть чаще наказываетъ его, чтобы впослѣдствіи утѣшаться имъ. Поблажающій сыну будетъ перевязывать раны его. Лелѣй дитя, и оно устранитъ тебя; играй съ нимъ, и оно опечалитъ тебя; не смѣйся съ нимъ, чтобы не горевать о немъ. Не давай ему воли въ юности, и не потворствуй неразумію его. Нагибай выю его въ юности и сокрушай ребра его, доколѣ оно молодо, дабы, сдѣлавшись упорнымъ, оно не вышло изъ повиновенія тебѣ". „Такимъ образомъ,—говоритъ П. Ѳ. Каптеревъ,—руководящій мотивъ ветхозавѣтной педагогіи въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ—самый полный и послѣдовательный родительскій эгоизмъ, выражающійся въ суровомъ до жестокости уничтоженіи дѣтской воли и полномъ подчиненіи дѣтей родителямъ, доходящемъ до потери дѣтьми личности и всѣхъ правъ передъ родителями".

Христіанство, конечно, вносило смягчающее начало въ эту ветхозавѣтную суровость, но не уничтожало ея. Св. Іоаннъ Златоустъ, отмѣтивъ, что родить дѣтей есть дѣло природы, говоритъ, что образовать дѣтей и воспитать ихъ въ добродѣтели—дѣло ума и воли. Онъ тоже поклонникъ страха и неустаннаго тѣлеснаго воздѣйствія при воспитаніи дѣтей въ добродѣтели. Юность,—поучаетъ Златоустъ,—неукротима и имѣетъ нужду во многихъ наставникахъ и учителяхъ, руководителяхъ, надсмотрщикахъ и воспитателяхъ.

Что конь необузданный, что звѣрь неукротимый—то же самое есть и юность. Не нужно позволять дѣтямъ дѣлать то, что имъ пріятно, потому что это пріятное есть въ то же время часто вредное; нужно вынуждать ихъ къ благочестію и послушанію волѣ родительской. Богъ поставилъ родителей владыками, попечителями, судіями дѣтей, онъ далъ родителямъ полную власть надъ дѣтьми, но на родителей же Господь возложилъ и всѣ заботы о воспитаніи дѣтей. Воспитаніе дѣтей самое важное въ жизни человѣка, главы семьи. Все должно быть второстепеннымъ въ сравненіи съ заботой о дѣтяхъ и съ тѣмъ, чтобы воспитывать ихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ. Если бы зло въ людяхъ было отъ природы, то всякій творящій зло по праву прибѣгалъ бы къ извиненію себя; но такъ какъ люди бываютъ развратны и честны по собственной волѣ, то какое благовидное оправданіе можетъ представить тотъ, кто допустилъ до разврата и нечестія сына, любимаго больше всего? Если бы отцы старались дать своимъ дѣтямъ доброе воспитаніе, то не нужны были бы ни законы, ни суды, ни судилища, ни казни. Палачи есть потому, что нѣтъ нравственности“. Цѣль воспитанія Златоустъ выставляетъ чисто аскетическую, суровую, монашескую; задачей воспитанія, по его мнѣнію, можетъ быть одно: „приготовлять Богу благочестивыхъ служителей и рабовъ, или, лучше сказать, ангеловъ. Земныя блага ничто. Нужно стараться не о томъ, чтобы сдѣлать дѣтей богатыми, а о томъ, чтобы сдѣлать ихъ благочестивыми, богатыми добродѣтелью. „Кто земное предпочитаетъ духовному, тотъ лишится того и другого, а кто стремится къ небесному, тотъ, навѣрное, получитъ и земное“. Поэтому „подлинно, немаловажное дѣло посвятить Богу дѣтей, данныхъ отъ Бога“. „Отцы,—поучалъ митрополитъ Даніилъ — имѣйте попеченіе о чадахъ вашихъ, воспитывайте ихъ всегда въ ученіи и наставленіи Господнемъ—бояться Бога и въ законѣ его поучаться день и ночь, не любить праздности, не творить кощунства, сквернословій, не красть, не лгать и избѣгать всякаго зла“.

Въ половинѣ XVI в. почерпнутые изъ ходовой ветхо- и новозавѣтной литературы—книгъ св. Писанія—принципы древне-русской педагогіи были сведены въ одно цѣльное поученіе, въ цѣльный сводъ правилъ идеальнаго воспитанія, въ опредѣленную педагогическую систему. Эта работа была сдѣлана попомъ Сильвестромъ — воспитателемъ такого

въ существѣ своемъ цѣльнаго и типичнаго великорусскаго человѣка, какимъ былъ внѣ своихъ болѣзненныхъ эксцессовъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Этотъ сводъ идеальныхъ древне-русскихъ педагогическихъ воззрѣній, по характеристикѣ проф. В. О. Ключевскаго, состоялъ „изъ трехъ наукъ или строеній: то были строеніе *душевное* — ученіе о долгѣ душевномъ или дѣло спасенія души; строеніе *мірское*,— наука о гражданскомъ общежитіи; и строеніе *домовое*—наука о хозяйственномъ домоводствѣ. Усвоеніе этихъ трехъ дисциплинъ и составляло задачу общаго образованія въ древней Руси. Школой душевнаго спасенія для мірянъ была приходская церковь съ ея священникомъ, духовнымъ отцомъ своихъ прихожанъ. Его преподавательскія средства— богослуженіе, исповѣдь, поученіе, примѣръ собственной жизни. Въ составъ его курса входили три части: богословіе—*како вѣровати*, политика — *како царя чтити*, нравоученіе—*како чтити духовный чинъ и ученіе его слушати*, *аки отъ Божіихъ устъ*... Ученіе, преподаваемое приходскимъ священникомъ, разносилось по домамъ старшими его духовными дѣтьми, домовладыками, отцами семействъ. Онъ не только дѣлалъ дѣло ихъ собственнаго душевнаго спасенія, но и училъ, какъ они, помогая ему, должны подготовлять къ тому и своихъ домашнихъ. Хозяинъ дома, отецъ семейства, былъ настоящій народный учитель въ древней Руси, потому что семья была тогда народной школой или, точнѣе, народная школа заключалась въ семьѣ. Это было не простое естественное семейство, а довольно сложный юридическій союзъ, чрезвычайно туго стянутый дружными вѣковыми усиліями церкви и государства. Домовладыка считалъ въ составѣ своей семьи, своего дома, не только свою жену и дѣтей, но и *домочадцевъ*, т.-е. жившихъ въ его домѣ младшихъ родственниковъ и слугъ, зависимыхъ отъ него людей, съ семействами тѣхъ и другихъ. Это было его домашнее царство, за которое онъ несъ закономъ установленную отвѣтственность передъ общественною властью: здѣсь онъ былъ не только мужъ и отецъ, но и прямо назывался государемъ. Этотъ домашній государь и былъ домашнимъ учителемъ, его домъ былъ его школой... Трудъ воспитанія древнерусскій хозяинъ дѣлилъ съ женой... Въ древне-русскихъ взглядахъ на жену можно найти очень тонкія черты, изображающія ея значеніе для мужа и дома. Она также госуда-

рыня для дома, только при мужѣ не отвѣтственная передъ общественною властью. Мужъ распоряжается въ домѣ, жена держитъ порядокъ. Онъ тратитъ, чтобы пріобрѣсти, онъ пріобрѣтаетъ, сберегая, чего можно не тратить. Онъ работаетъ весь день среди чужихъ людей, чтобы отдохнуть дома; она хлопочетъ, задавая и наблюдая работу своихъ домашнихъ, и не угаснетъ ея свѣтильникъ всю ночь... Мужъ такъ ведетъ дѣла въ обществѣ, чтобы была спокойна семья, жена такъ ведетъ домъ, чтобы мужъ внѣ дома былъ спокоенъ за семью... Дома мужъ—глава и государь своей жены; на людяхъ жена вѣнцомъ блеститъ на головѣ своего государя"...

Таковы были тѣ идеальныя представленія объ укладѣ семейной жизни, которыя рисовались уму и чувству древне-русскаго человѣка, когда онъ задумывался о задачахъ и назначеніи семьи. Конечно, это была теорія, отъ которой практика жизни, дѣйствительныя соотношенія отстояли болѣе или менѣе далеко, но все же эти теоретическіе взгляды создавали извѣстную идеальную нравственную атмосферу, которой, по выраженію В. О. Ключевскаго, „дышали и въ которой воспитывались дѣти по древне-русскому педагогическому плану". Содержаніе этого плана вытекало изъ преданія, сложившихся вѣками обычаевъ, изъ всего того уклада жизни, который образовался подъ вліяніемъ историческихъ особенностей жизни русскаго народа. Въ той сферѣ человѣческихъ отношеній, въ которой первое мѣсто занимаютъ интересы духовные, идеальные, русская жизнь складывалась подъ вліяніемъ церковнаго начала, какъ это начало вошло въ русскую жизнь со временъ утвержденія христіанства. Христіанской русская земля стала въ тотъ моментъ, когда Византія, крестная мать русской земли, всю остроту своей отточенной діалектически богословской мысли давно уже направила на обсужденіе вопросовъ, такъ сказать, внѣшняго богословія, на вопросы внѣшнихъ формъ богопочитанія, на вопросы обрядовые. Св. Григорій Богословъ говоритъ о Византіи своего времени, что она наполнена ремесленниками и рабами, глубокомысленными богословами, которые проповѣдуютъ въ своихъ мастерскихъ и на улицахъ. „Если ты придешь къ мѣнялѣ размѣнять серебряную монету, то онъ не упуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ, по его мнѣнію, въ Троицѣ отличается Отецъ отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стоитъ фунтъ хлѣба, онъ тебѣ отвѣ-

титъ, что Сынъ стоитъ ниже Отца, а на вопросъ — спеченъ ли хлѣбъ? — отвѣтитъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего". Такъ продолжало дѣло обстоять въ Византіи и послѣ. Возникали безчисленныя ереси, расколы; шли постоянные утомительные толки и споры, созывались соборы для рѣшенія недоумѣній, но, какъ только принималось соборное рѣшеніе по одному вопросу, сейчасъ же возникали тысячи новыхъ, и тогда на почвѣ религіозныхъ разногласій возникали преслѣдованія, казни, война однихъ противъ другихъ.

Понятно, что и на Руси пріобрѣли особую важность и значеніе въ дѣлѣ вѣроученія вопросы того же характера: что надо ѣсть и пить въ тотъ или иной день поста? какіе поклоны творить? очень ли грѣшно до обѣдни постучать яйцомъ о зубы? можно ли есть удавленину? можно ли служить обѣдню на одной просфорѣ? можно ли служить священнику въ одеждѣ, въ которую вшитъ женскій платокъ? Греки византійскихъ временъ не были уже греками временъ расцвѣта Эллады, когда греческая мысль, греческая образованность царили въ тогдашнемъ мірѣ, двигали впередъ науку и знаніе. Смѣшеніе съ другими племенами испортило самый языкъ греческій, увлеченіе религіозными и церковно-обрядовыми вопросами сосредоточило на нихъ всю мысль, заставило даже презирать прежнюю языческую образованность. „Не по незнанію того, чѣмъ восхищались древніе философы, но по презрѣнію къ такимъ безполезнымъ трудамъ, мы мало думаемъ объ этихъ вещахъ и обращаемъ душу къ лучшей дѣятельности"—говорилъ одинъ современникъ. Богатѣйшія собранія древнихъ рукописей просто сжигались. Плоды древней мысли и знанія признаны были ненужными. „Языческіе мудрецы,—говоритъ преп. Исидоръ,—хотѣли рѣшить, что такое справедливость, что приличное, что законное, что истинное на свѣтѣ? Но длинными противорѣчивыми сужденіями своими они водятъ какъ бы въ лабиринтѣ читателей своихъ и оставляютъ ихъ еще въ большихъ недоумѣніяхъ. Сколько ученѣйшій Платонъ написалъ разговоровъ, стараясь объяснить, что такое справедливость. Однако же не убѣдилъ никого. Сколько написалъ Аристотель противъ Платона, обращая въ шутку мысли его? Но и самъ не принесъ пользы, а только увеличилъ словопреніе. Какъ много писали другіе философы, опровергая Аристотеля, но и ихъ ученіе пало. Пусть считающіеся мудрыми срав-

нять со всѣмъ этимъ ясность божественныхъ словъ и да перестанутъ пустословить и да примутъ ученіе божественное, имѣющее цѣлью не удовлетвореніе тщеславію, но пользу слушателей". Сосредоточившись на вопросахъ церковныхъ и религіозныхъ, греческая мысль византійскихъ временъ почти совсѣмъ оставила другія области знанія, стала относиться къ нимъ пренебрежительно. „Разыскивать причины естественныхъ вещей,—говоритъ одинъ византійскій писатель тѣхъ временъ,—изслѣдовать: такъ ли велико солнце, какъ оно кажется; выпукла луна или вогнута; остаются ли звѣзды неподвижны на небѣ или плаваютъ свободно въ воздухѣ; какъ велико небо и изъ чего оно сдѣлано, остается ли оно въ покоѣ или движется; какъ велика земля, на какихъ основаніяхъ она повѣшена въ воздухѣ и находится въ равновѣсіи,—спорить и дѣлать предположенія объ этихъ предметахъ значитъ совершенно то же, какъ если бы мы стали разсуждать, что мы думаемъ о какомъ-нибудь городѣ въ отдаленной странѣ, о которомъ мы не знаемъ ничего, кромѣ его имени".

Подводя итоги своей оцѣнкѣ византійской образованности, знаменитый историкъ Гиббонъ говоритъ: „Константинопольскіе греки держали въ своихъ безжизненныхъ рукахъ богатства своихъ предковъ, не заботясь о пріобрѣтеніи того духа, который создалъ и облагородилъ доставшееся имъ сокровище знанія. Въ теченіе десяти вѣковъ они не сдѣлали ни одного научнаго открытія. Ни одно историческое, философское или поэтическое твореніе ихъ не было свободно отъ недостатковъ въ красотѣ языка, чувства, не страдало бы отсутствіемъ фантазіи".

Понятно, какъ и чему должны были поучать такіе учителя своихъ учениковъ; конечно, прежде всего и больше всего они вводили ихъ въ кругъ вопросовъ внѣшней церковной обрядности. И на Руси эти вопросы, среди людей, въ христіанской обрядности новыхъ, получили характеръ очень узкій, такъ сказать, упрощенный въ мѣру самой способности воспріятія этихъ людей и подготовки къ нимъ. Если византійская церковная образованность покоилась на унаслѣдованной отъ древности культурѣ, передавшей византійцамъ способность и умѣнье мыслить, разработанный языкъ, навыкъ и потребность къ мышленію, заставлявшіе ихъ творить въ этой области, создавать новыя и новыя со-

ченія,—то въ древней Руси, странѣ дикой, обитатели которой едва переставали жить „звѣринскимъ обычаемъ“, церковная образованность приняла другой характеръ—характеръ вѣры въ книгу, въ то, что написано „богомудрыми мужи“. Въ этомъ смыслѣ древняя Русь не поднялась выше ученика, принимающаго на вѣру все то, что говоритъ учитель, да еще по своему упрощавшаго слова учителя, доводя ихъ до уровня своего мало развитого пониманія. Если грекъ-византіецъ отметался отъ языческой философіи и ставилъ на ея мѣсто христіанское ученіе, то русскій его ученикъ проклиналъ эту философію и, кромѣ церковнаго ученія, знать ничего не хотѣлъ. Науки, даже церковной, богословской, такъ и не создалось на Руси до самаго конца XVII в., а религія, особенно въ простомъ народѣ, во многомъ и очень многомъ свелась лишь къ слѣпому выполненію обрядовъ, въ смыслъ и суть которыхъ почти совсѣмъ не вникали. Высшія истины вѣроученія, можно сказать, почти совершенно заслонились въ сознаніи тогдашнихъ рядовыхъ людей внѣшней стороной вѣроученія.

Поученія, какія древне-русскій человѣкъ слышалъ въ храмѣ отъ своего отца духовнаго, все то, чему училъ его отецъ родной дома, сводились къ строгому наказанію соблюдать тщательно и порядливо обряды православной церкви. „По вся дни,—говорится въ одномъ поученіи,—аще умѣеши книги, прави нощные и дневные часы, вечерни и утрени или литургію, аще ли не умѣетъ кто, да ходитъ по вся дни къ церкви“. Въ „Домостроѣ“, правда, вспоминаются евангельскія заповѣди о томъ, чтобы любить враговъ своихъ благотворить всякому просящему милостыни, благословлять клянущихъ, ударившему подставлять другую ланиту, и т. п. О себѣ, о своей семейной жизни Сильвестръ разсказываетъ, какъ онъ сиротъ и убогихъ призрѣвалъ и „обучалъ многихъ грамотѣ и писати и пѣти“. Но главная сила его міровоззрѣнія сосредоточивалась на заповѣдяхъ иного порядка: заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не погрѣши и не пропивай: повечерица и полунощница, и часы въ дому своемъ всегда, по вся дни, пѣти: то всякому христіанину Божій долгъ“.

Въ атмосферѣ, проникнутой повышенной обрядностью, и воспитывался ребенокъ, воспитывался именно не столько уроками и постоянными наставленіями на эти темы, а са-

мымъ существованіемъ этихъ темъ въ обиходѣ жизни, какъ непререкаемыхъ ея основоположеній. „Это было,—говоритъ В. О. Ключевскій,—не пятичасовое, а ежеминутное дѣйствіе, посредствомъ котораго дитя впитывало въ себя свѣдѣнія, взгляды, чувства, привычки. Какъ бы ни была неподатлива природа питомца, эта непрерывно капающая капля способна была продолбить какой угодно педагогическій камень. На это и разсчитанъ былъ порядокъ домашней жизни, какъ его рисовали въ идеальной схемѣ древне-русскіе моралисты. Это была извѣстная среда обычая и обряда, вѣками сложенная, плотная и чинная, массивная бытовая кладка. Все здѣсь было обдумано и испытано, выдержано, размѣрено и разграничено, каждая вещь положена на свое мѣсто, каждое слово логически опредѣлено и нравственно взвѣшено, каждый шагъ разученъ, какъ танцовальное па, каждый поступокъ предусмотрѣнъ и подсказанъ, подъ каждое чувство и помышленіе подведена запретительная цитата изъ писанія или отеческаго преданія; всѣ эти шаги, помышленія и чувства расписаны по церковному календарю,—и человѣкъ, живой человѣкъ съ индивидуальной мыслью и волей, съ свободнымъ нравственнымъ чувствомъ двигался по этому церковно-житейскому трафарету автоматическимъ манекеномъ“...

Кромѣ всей окружавшей ребенка семейной атмосферы, кромѣ личнаго примѣра родителей, воспитательное воздѣйствіе оказывалось на него неотдѣлимой ото всего этого уклада розгой, палкой и вообще „извѣстнымъ внѣшнимъ дѣйствіемъ со стороны воспитателя на умъ, волю и чувства воспитанника посредствомъ производимаго битьемъ нервнаго ощущенія“. Ветхозавѣтный принципъ, высказанный Іисусомъ, сыномъ Сираховымъ, поддержанный Соломономъ и воспринятый Златоустомъ, перешелъ, какъ особо рекомендуемое этими первыми авторитетами воспитательное средство, и въ практику древне-русскаго педагога, учителя и наставника. Во всѣхъ поученіяхъ, какія только дошли до насъ, какъ только заходитъ рѣчь о наставленіи юношества, выдвигается изреченіе Сираха о полезности жезла и розги въ дѣлѣ воспитанія, задающагося цѣлью „страхомъ спасати, уча и наказуя“.

„Наказуй отецъ сына измлада,—говоритъ одно старинное поученіе,—учи его розгами бояться Бога и творить все доброе

и да укоренится въ немъ страхъ Божій; а если смолода не научишь, то большого какъ можно научить". Розги были настолько же излюбленнымъ средствомъ воспитанія, насколько онѣ были необходимымъ орудіемъ въ дѣлѣ школьнаго обученія. Правила приличія запрещали отцу даже смѣяться и играть съ дѣтьми; онъ долженъ былъ всегда относиться къ нимъ сурово, недоступно, грозно. „Домострой" училъ не ослаблять ударовъ надъ младенцемъ; „если ты его бьешь жезломъ,—читаемъ тамъ,—онъ не умретъ, а еще здоровѣе будетъ, потому что, поражая его тѣло, ты избавляешь его душу отъ смерти... Изъ любви къ сыну учащай ему раны, чтобы потомъ порадоваться о немъ"...

Все воспитаніе стариннаго русскаго человѣка, покоившееся на такихъ жестокихъ основахъ, имѣло своей цѣлью возрастить въ людяхъ такія чисто-монашескія добродѣтели, какъ воздержаніе, безусловное повиновеніе старшимъ и полное отрѣшеніе каждаго отъ собственной воли. „Послушаніе—лѣствица на небо,—говорили тогда,—оно выше поста пустыннаго подвига. Ангелъ ходитъ за послушнымъ, считаетъ шаги послушанія и представляетъ ихъ Богу; если же видитъ капли пота у упражняющагося въ послушаніи, то приноситъ ихъ Господу, какъ кровь мученическую".

Такое воспитаніе должно было создавать людей опредѣленнаго склада мышленія, опредѣленныхъ поступковъ, опредѣленныхъ желаній. Идеаломъ такого человѣка могъ стать только церковный иноческій подвигъ. Въ древней Руси, конечно, далеко не всѣ жили, воспослѣдуя во всемъ суровому иноческому правилу, но о схимѣ вздыхали, какъ о предѣлѣ земныхъ мечтаній и чаяніи небесныхъ наградъ, даже люди такого склада, какъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Живя иной разъ очень и очень не въ соотвѣтствіи съ аскетическими требованіями монашеской жизни, древне-русскіе люди стремились умереть монахами, и когда то было можно, принимали схиму на смертномъ одрѣ. Монахами скончали животъ свой всѣ русскіе государи московскихъ временъ.

Этотъ житейскій иноческій идеалъ, создавшійся въ умахъ воспитаніемъ и книгой, необыкновенно суживалъ всѣ жизненные запросы и какъ бы загодя вгонялъ человѣческую мысль и стремленія въ схимническую келлію; откуда она вырывалась, правда, но уже это былъ „соблазнъ" и „иску-

шеніе дьявольское“ и стоило каждый разъ горькихъ слезъ покаянія, тяжелой эпитимьи, налагаемой отцомъ духовнымъ.

Интересы мысли и знанія сводились у древне-русскаго человѣка, прошедшаго суровую школу воспитанія, къ интересамъ пониманія книгъ Божественнаго Писанія. Эти книги надо было добывать самому, иногда самому для себя переписывать и каждую одолѣвать наединѣ. Чтеніе книгъ являлось единственной возможностью удовлетворить свои стремленія къ знанію у того, у кого эти стремленія пробуждались. Помощь или участіе въ этомъ дѣлѣ какого-либо случайно встрѣченнаго знатока и собирателя книгъ могли быть только очень рѣдки. Около такихъ знатоковъ устраивалось иногда нѣчто въ родѣ высшей школы или ученаго общества, участники котораго читали вмѣстѣ „священныя библіи, бесѣды евангельскія и апостольскія и разсуждали о высокомъ, лежащемъ въ оныхъ книгахъ разумѣніи“. Но въ общемъ, извѣстная ученость, т.-е. знаніе книгъ св. Писанія, могла быть пріобрѣтаема древне-русскими „любопытцами“ только ихъ личнымъ трудомъ, путемъ прилежнаго чтенія книги; „почасту умедливая дондеже до конца, поистинѣ уразумѣетъ о коемждо стисѣ словеса о чемъ чтетъ“.

Такой способъ пріобрѣтать ученость создалъ и особый типъ древне-русскаго ученаго, Это былъ всегда человѣкъ, уважавшій „книги“, много и прилежно читавшій всѣ существовавшія тогда на русскомъ языкѣ книги, и чуть не наизусть затвердившій ихъ, по крайней мѣрѣ пріобрѣтшій увѣренность говорить на память цѣлыя главы и отдѣлы, „паремьи и каѳизмы“, изъ прочитанныхъ книгъ. Такъ какъ вся тогдашняя литература состояла изъ книгъ св. Писанія и твореній отцовъ церкви, изъ лѣтописей, вообще книгъ, говорившихъ о предметахъ духовныхъ и божественныхъ, то начетническое уваженіе къ книгѣ вырастало часто въ глубокое преклоненіе предъ всѣмъ написаннымъ.

„Аще кто, не имѣя книги, мудрствуетъ, таковой подобенъ оплоту, безъ подпоръ стоящу“—говорилъ древне-русскій книжникъ-начетчикъ въ отвѣтъ и въ отпоръ на всякое стремленіе молодого или своевольнаго ума, стремившагося высказать свои мысли по тому или иному богословскому или обрядово-церковному вопросу и выразить ихъ своими словами. Своихъ словъ въ такихъ важныхъ вопросахъ имѣть не полагалось.

Характеръ народной школы въ первой половинѣ XVIII в.

По мѣрѣ роста Московскаго государства, руководители его все болѣе и все опредѣленнѣе ощущали необходимость въ людяхъ не только божественныя книги вѣдущихъ, но и „студерованныхъ“ въ тѣхъ наукахъ грѣшнаго Запада, соприкосновенія съ которыми заботливо избѣгало древне-русское благочестіе. Къ половинѣ XVII в. довольно-таки распространенная нелюбовь и даже презрѣніе къ Западу вообще стало довольно смягчаться. Тѣ знанія, та наука, которыя пріобрѣтались русскимъ человѣкомъ у „мастеровъ“ книжнаго ученія, у отцовъ и матерей, а также путемъ самостоятельнаго чтенія, оказывались недостаточны. Столкновеніе съ иностранцами въ области религіозныхъ споровъ, техническихъ знаній, умѣнья жить показывало это каждый день воочію съ тѣхъ поръ, какъ умудренное горькимъ опытомъ войны московское правительство открыло широко двери въ свое государство для иноземцевъ, которыхъ сотнями призывали на устройство арміи, заводовъ, лѣчебницъ, аптекъ и всего, всего,—потому что Москва не создала ничего въ отмѣченныхъ областяхъ, что могло бы стать вровень съ западными образцами, кромѣ удивительно дисциплинированныхъ и покорныхъ царской волѣ людей, изъ которыхъ призванный нѣмецъ не безъ успѣха выдѣлывалъ сносныхъ рейтаровъ, солдатъ, заводскихъ рабочихъ, аптекарей, переводчиковъ техническихъ книгъ, актеровъ и т. д. Всѣ эти работники различныхъ спеціальностей создавались путемъ выучки ихъ учителями съ показу, на практикѣ, и никакого общеобразовательнаго основанія въ эту выучку ихъ учители не клали. Потребность въ школьной подготовкѣ сказывалась тогда въ другихъ сферахъ.

Случившіяся замѣшательства въ церкви, вызванныя стремленіями правительства исправить старинные недостатки по указаніямъ ученыхъ кіевлянъ, особенно наполнившихъ Москву около времени присоединенія Малороссіи, вызвали желаніе имѣть свои источники новой науки, посвятивъ въ нее здѣсь же, у себя въ Москвѣ, своихъ людей. Такъ возникъ вопросъ объ устройствѣ школы на новыхъ началахъ, по образцу кіевской, слѣдовательно, европейской, такъ какъ

отъ послѣдней богословская школа Кіева отставала мало. Еще въ 1640 году самъ Петръ Могила, преобразователь кіевской академіи, предложилъ московскому правительству основать въ Москвѣ монастырь изъ монаховъ кіевскаго монастыря съ тѣмъ, чтобы эти монахи учили москвичей „грамотѣ греческой и славянской". Въ Москвѣ на это предложеніе промолчали, и правительство долго еще продолжало усиленно выписывать знающихъ богословіе и языки кіевлянъ и грековъ для предпринимавшагося печатанія и исправленія богослужебныхъ книгъ. Мысль Петра Могилы была осуществлена въ 1648—1649 гг. частнымъ человѣкомъ—окольничьимъ Ѳ. М. Ртищевымъ, большимъ любителемъ науки и чтенія. Подъ Москвой близъ Воробьевыхъ горъ онъ построилъ монастырь и пригласилъ въ него на жительство кіевскихъ монаховъ. Теперь „хотящіе внимати" новому ученію могли подъ руководствомъ монаховъ Ртищевскаго монастыря учиться грамматикѣ словесной и греческой, риторикѣ и философіи. Ртищевъ самъ былъ первымъ слушателемъ и ученикомъ кіевскихъ ученыхъ, за нимъ пошли другіе, и маленькое просвѣтительное дѣло жило полной жизнью. Двое изъ обучавшихся достигли такихъ успѣховъ и такъ увлеклись ученіемъ, что выхлопотали себѣ черезъ Ртищева позволеніе доучиваться по-латыни въ Кіевѣ.

Просвѣтительное дѣло братьевъ Ртищевскаго монастыря началось и продолжалось при большомъ идейномъ возбужденіи въ тогдашней русской интеллигенціи, имѣвшемъ два направленія. Одни были за новую науку и знаніе, другіе рѣшительно высказывались противъ. Эти сторонники древней „простоты" отрицали новую школу совершенно, какъ ненужное мудрованіе. „Полезнѣе ли намъ учиться грамматикѣ, риторикѣ, философіи и богословію и оттуда познавать божественныя писанія, или же, не учась этимъ хитростямъ, въ простотѣ Богу угождать и изъ чтенія познавать разумъ святыхъ писаній?" Вотъ какъ ставили вопросъ люди, отрицательно относившіеся къ наукѣ въ вопросахъ вѣры. „Не высокоумствуйте, братіе,—гласитъ одно поученіе, исходившее изъ этихъ круговъ,—но во смиреніи пребывайте... Если кто тебѣ скажетъ, знаешь ли философію, ты ему отвѣчай: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣды не бывахъ,—учусь книгамъ благодатнаго закона, аще бы можно

моя грѣшная душа отъ грѣхъ очистить"... Высотѣ науки и знанія эти люди противопоставляли, такимъ образомъ, христіанское смиреніе, а изученію богословія—дѣятельную заботу объ очищеніи души отъ грѣховъ. Люди этого закала сторонились отъ кіевскихъ „нехаевъ", видѣли въ нихъ еретиковъ, высокоумныхъ латынниковъ и сложили про любителей кіевскаго просвѣщенія поговорку: „Кто латыни научился, тотъ съ праваго пути совратился".

Сторонники науки далеко не представляли изъ себя единаго сплоченнаго ядра. Ихъ было и немного вообще, и эти немногіе, раздѣлившись, очень косо посматривали другъ на друга. Основой розни было исконное предубѣжденіе русскаго общества противъ „латынства", обостренное въ данное время воспоминаніями объ еще такъ недавно минувшей Смутѣ и питавшееся тѣми чувствами вражды, которыя возбуждались при постоянныхъ войнахъ съ латынщиками-поляками. Это предубѣжденіе было настолько сильно, что Петръ Могила въ своемъ упомянутомъ выше предложеніи московскому правительству, прекрасно зная, что высшая школа строится вся на основѣ латинскаго знанія, не упомянулъ о необходимости учиться и латыни, а говорилъ только о грамматикѣ словенской и греческой, чтобы не смущать чуравшееся латинства московское православіе. Противники латыни и сторонники знанія вообще думали пріобрѣтать научныя знанія изъ эллинскихъ источниковъ, избѣгая латинскихъ. Но кіевскіе монахи сразу стали доказывать, что безъ знанія латыни нельзя учиться, нельзя вооружиться оружіемъ, которое было бы равносильно тому, съ какимъ выступали проповѣдники папежскихъ, люторскихъ и кальвинскихъ заблужденій. На необходимость латыни указывалъ московскому правительству и образованный грекъ, митрополитъ города Газы, Паисій Лигаридъ, призывавшій царя Алексѣя создать школу греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ. Во главѣ латинскаго направленія сталъ южно-русскій пришелецъ Симеонъ Полоцкій, которому въ науку даны были правительствомъ четверо молодыхъ подьячихъ, чтобы учиться по-латыни и грамматикѣ. Для науки былъ построенъ даже особый домъ. Человѣкъ очень ученый и просвѣщенный, Симеонъ Полоцкій прошелъ къ 1668 году съ своими учениками весь курсъ тогдашняго богословскаго факультета или академіи и такъ увлекъ сво-

ихъ слушателей, что они изъ невольныхъ студентовъ стали охотными, и одинъ изъ нихъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, бывшій подьячій приказа Тайныхъ дѣлъ, бросилъ службу, отказался отъ карьеры, сулившей ему успѣхъ и большія выгоды, постригся въ монахи и сдѣлался ярымъ поборникомъ латинской школы въ Москвѣ.

Во главѣ сторонниковъ греческаго просвѣщенія стоялъ тоже воспитанникъ Кіевской академіи, но окончившій ее до того, какъ она стала работать по реформированной Петромъ Могилой на латинскій ладъ программѣ. Это былъ монахъ Епифаній Славинецкій, вызванный въ Москву для перевода съ греческаго богослужебныхъ книгъ. Около Епифанія создалась тоже небольшая школа, и изъ нея вышелъ не очень ученый, но очень ревностный сторонникъ эллинскаго начала въ школѣ, нѣкто Евфимій, чудовскій монахъ. И эллинисты и латинисты одинаково признавали, что въ Москвѣ должна быть высшая богословская школа: того требуетъ и величіе государства, и его роль единственнаго въ свѣтѣ свободнаго православнаго царства, и самое время, смутное и тяжкое для церкви, расколовшейся надвое; нужна высшая богословская школа и для общества, въ которомъ наступило „въ вѣрѣ колебаніе и ересей прозябаніе отъ неискусныхъ нашея вѣры, римскія, люторскія и кальвинскія книги на польскомъ языкѣ читающихъ".

Вопросъ сводился къ языку, на которомъ должно было вестись преподаваніе, а слѣдовательно, насаждаться опредѣленный типъ науки. Сторонники эллинскаго начала утверждали, что для русскихъ можетъ быть полезна и нужна только греческая школа, и вотъ почему: изъ Греціи пришло на Русь христіанство, по-гречески написанъ Новый Завѣтъ и большинство произведеній отцовъ Церкви; на греческомъ языкѣ написаны и труды великихъ философовъ; греческій языкъ „ближе" къ славянству и „свойственнѣе" ему, а потому и легче усваивается русскими, чѣмъ латинскій, который привелъ западныхъ братій нашихъ въ унію и вообще грозитъ искаженіями православному ученію, какъ языкъ папежскій. Сторонники латинскаго языка отвѣчали на это, что греческій языкъ, дѣйствительно, былъ когда-то языкомъ ученыхъ и философовъ, но что теперь и сами греки не могутъ обойтись безъ латинской науки; нѣтъ больше греческой науки, и на всемъ свѣтѣ у всѣхъ народовъ одна

только латинская наука и одинъ языкъ этой науки—латинскій; кто не будетъ его изучать, тотъ науки не постигнетъ, выучится только греческія книги читать.

Сильвестръ Медвѣдевъ „молилъ“ царя Ѳедора Алексѣевича построить въ Москвѣ академію, а пока выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе продолжать дѣло Симеона Полоцкаго въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, и здѣсь съ 1682 г. преподавалъ желающимъ „грамоту словенскаго ученія и латыни“. Въ 1686 г. у Сильвестра было 23 ученика. Эллинисты, съ своей стороны, открыли школу при типографіи и учили греческому языку; у нихъ было въ 1686 г. 67 человѣкъ учащихся, т.-е. въ три раза больше, чѣмъ у латиниста Сильвестра. И латинисты и эллинисты порознь стремились къ тому, чтобы именно ихъ школа была сдѣлана академіей. Чтобы добиться этого, пускалось въ дѣло все: и интриги, и подкупъ, и сплетня. Правительство то уступало одной сторонѣ, то слушало другую и, наконецъ, рѣшило такъ: ни латинисты, ни эллинисты во главѣ новой созидаемой школы не станутъ, а назначитъ въ нее преподавателей константинопольскій патріархъ. Въ 1685 г. и пріѣхали въ Москву рекомендованные патріархомъ ученые братья Іоанникій и Софроній Лихуды, прирожденные греки, но высшее образованіе получившіе въ Венеціи и Падуѣ. Они и начали обучать „греко-латинскому книжному писанію“ наиболѣе подготовленныхъ учениковъ школы при типографіи. Въ 1687 г. школа Лихудовъ была переведена во вновь отстроенныя палаты при Спасскомъ монастырѣ, и въ нее включены были и ученики Медвѣдева.

Новая высшая школа получила торжественное наименованіе: „Славяно - греко - латинская академія“. При своемъ учрежденіи, т.-е. въ концѣ 1687 года, академія имѣла 99 учениковъ, изъ которыхъ 23 находились въ подготовительномъ отдѣлѣ—въ школѣ славянскаго книжнаго писанія; самая академія дѣлилась на три курса, каждый—изъ двухъ отдѣленій; это были: нижняя школа—греческаго и латинскаго книжнаго писанія; средняя школа—„грамматичники“ двухъ статей; въ верхней школѣ преподавались риторика и богословіе. Среди учениковъ были представители всѣхъ сословій: священники, дьяконы, монахи, князья, спальники, стольники, подьячіе, даже челядинцы и сынъ конюха. Такъ въ Москвѣ возникла школа, руководимая греками по латин-

скимъ образцамъ. Въ этой школѣ наученіе словенской книжной мудрости, чѣмъ заканчивала обыкновенно старинная русская школа, было только подготовительной ступенью къ изученію „грамматичности“. Но и грамматика классическихъ языковъ служила только „основаніемъ и подошвой всѣмъ свободнымъ хитростямъ“, какъ гласитъ одна рукопись. Свободными хитростями или свободными знаніями называли тогда кругъ знаній, установившійся еще въ средніе вѣка подъ вліяніемъ классическаго преданія. За грамматикой по распорядку этого круга должны были слѣдовать діалектика и риторика; вмѣстѣ съ грамматикой эти три предмета составляли одну группу, такъ называемый trivium; послѣ прохожденія этихъ „тривіальныхъ“ знаній въ богословской школѣ проходили философію и богословіе. Такъ была намѣчена программа и Кіевской академіи и Славяно-греко-латинской. Надо замѣтить, что свѣтская школа Запада, проведя своихъ учениковъ черезъ тривіальныя знанія, вводила ихъ въ кругъ знаній математическихъ, которыхъ было четыре—quadrivium—ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка.

Основанная съ спеціальной цѣлью приготовить „своихъ“ борцовъ противъ насадителей разныхъ ересей и толковъ въ Россіи, зарождавшихся на почвѣ происшедшаго раскола церкви, и подъ вліяніемъ нахлынувшихъ въ Россію иновѣрцевъ, первая русская высшая школа была облечена самыми широкими правами духовной цензуры. Въ этихъ видахъ за ней было утверждено исключительное право обученія иностраннымъ языкамъ и „свободнымъ хитростямъ“. Было запрещено всѣмъ, подъ страхомъ лишенія имущества, нанимать и держать у себя домашнихъ учителей греческаго, латинскаго и польскаго языковъ безъ разрѣшенія академіи. Только окончившимъ академію позволялось держать у себя греческія, латинскія и польскія книги, лютеранскія и кальвинистскія сочиненія, разсуждать о вѣрѣ и вступать въ пренія на религіозныя темы; тотъ, кто не кончилъ академіи, не смѣлъ даже дома, въ частномъ своемъ кругу, разсуждать о вѣрѣ. Академія должна была имѣть строгое наблюденіе за „иностранными учеными свободныхъ наукъ“; только съ ея одобренія такіе ученые могли проживать въ Россіи, и лишь по одобреніи академіей они принимались на царскую службу. Подъ надзоръ академіи отдавались всѣ ино-

вѣрцы, принявшіе православіе, и всякое ихъ колебаніе въ вѣрѣ, установленное академіей, наказывалось ссылкой, за упорство же въ прежнихъ вѣрованіяхъ полагалось сожженіе въ срубѣ. Смерть огнемъ грозила за переходъ изъ православія въ другую вѣру, а также всѣмъ, державшимъ у себя „волшебныя, чародѣйныя, гадательныя и всякія отъ церкви возбраняемыя книги", порицавшимъ на пиру или гдѣ бы то ни было православную вѣру, относившимся критически къ почитанію св. иконъ, мощей, святыхъ.

Разъ академія устанавливала тѣмъ или инымъ образомъ одно изъ этихъ преступленій, „градской законъ" долженъ былъ вступать въ силу. По словамъ С. М. Соловьева, тогдашняя московская академія—цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ Западомъ; это не училище только, это страшный инквизиціонный трибуналъ. Произнесутъ блюстители академіи съ учителями слова: виновенъ въ неправославіи, и костеръ запылаетъ для преступника. Около 1689 г. нѣкто Квиринъ Кульманъ, иноземецъ, сталъ пророчествовать о своемъ призваніи водворить съ помощью Москвы на землѣ единую церковь, въ которой не будетъ ни властей, ни имущества. Академія нашла эти „мудрованія" еретическими, и Кульманъ былъ сожженъ. Такая же участь постигла и многихъ учителей древняго благочестія.

Такимъ образомъ, высшая школа, которую создала себѣ Москва, должна была вырабатывать истинныхъ богослововъ православія; попадавшіе въ стѣны ея ученики должны были становиться учителями и проповѣдниками истиннаго православія, борцами противъ люторскихъ, кальвинскихъ, папежскихъ и раскольщицкихъ заблужденій, но, выйдя изъ школы подготовленными къ этимъ благочестивымъ занятіямъ, они встрѣтили со стороны воцарившагося Петра совсѣмъ иныя требованія: новыя времена поклонялись уже другой наукѣ, государство хотѣло имѣть знающихъ корабельныхъ мастеровъ, хорошихъ офицеровъ и моряковъ, инженеровъ, и въ лучшемъ случаѣ равнодушно смотрѣло на людей, изучившихъ хитрость тонкословія греческаго и постигшихъ глубины философіи и богословія.

Петръ не только безъ риторики и діалектики, но даже и безъ грамматики, одолѣлъ аддицію, субстракцію, мулти-

пликацію, дивизію, научился пользоваться астролябіей, понялъ фортификацію и артиллерію, изучилъ въ Голландіи практически, а въ Англіи теоретически кораблестроеніе, въ Пруссіи же наново прошелъ курсъ артиллеріи и сталъ требовать того же отъ всѣхъ подданныхъ. Десятками стали отправляться молодые и на возрастѣ люди въ чужія страны учиться „навигаціи"; въ Москву, вмѣсто многоученыхъ па-

Петръ Великій.

дуанскихъ богослововъ, выписывается англичанинъ Генрихъ Фарварсонъ, профессоръ Эбердинскаго университета, знатокъ математическихъ наукъ и теоріи морского дѣла; вмѣстѣ съ Фарварсономъ пріѣхали еще два англичанина, Степанъ Гвынъ и Ричардъ Грызъ. И въ Москвѣ въ 1701 г., въ палатахъ Сухаревой башни, учреждается „школа математическихъ и навигацкихъ наукъ", гдѣ пріѣзжіе англичане и начинаютъ обучать „добровольно хотящихъ паче же съ принужденіемъ набираемыхъ" молодыхъ людей „математическимъ и навигацкимъ, т.-е. мореходнымъ, хитростнымъ искус-

ствамъ“. Въ школѣ проходили ариѳметику, геометрію, тригонометрію плоскую и сферическую, навигацію, морскую астрономію, и преподавали краткія свѣдѣнія изъ области географіи, по преимуществу математической. Для подготовленія учениковъ къ слушанію этого курса при школѣ были устроены два начальныхъ класса, изъ которыхъ тотъ, въ которомъ учили читать и писать по-русски, назывался русской школой, а тотъ, гдѣ проходили начальный счетъ, пользуясь уже арабскими цифрами, именовался „цифирной школой“. Кромѣ перечисленныхъ дисциплинъ, въ школѣ преподавалась еще „рапирная наука“ для желающихъ, т.-е. фехтовальное искусство.

Сухарева башня.

Ученики проходили всѣ науки послѣдовательно. Опредѣленнаго времени для экзаменовъ, переводовъ, выпусковъ не было, и учениковъ переводили изъ одного отдѣленія въ другое, или по-тогдашнему „изъ одной науки въ другую“, по мѣрѣ выучки; выпускали изъ школы по мѣрѣ готовности къ дѣлу и по требованію различныхъ вѣдомствъ. На освободившіяся мѣста сейчасъ же принимали или набирали новыхъ учениковъ. Ученье приравнивалось къ службѣ, и ученики получали кормовыя деньги, размѣръ которыхъ былъ, впрочемъ, очень невеликъ,— отъ трехъ алтынъ въ день до пяти, въ зависимости отъ степени изучаемыхъ наукъ: чѣмъ дальше подвигался въ наукахъ ученикъ, тѣмъ больше онъ получалъ. Ученикъ обнадеживался, что по окончаніи курса онъ „не только денежнымъ удовольствованъ будетъ немалымъ жалованьемъ, но улучитъ пріять и честь противъ мѣры дѣла своего“. Но одно дѣло обѣщанія, другое—ихъ выполненіе: при большой затруднительности денежнаго хо-

зяйства Петра, ученики навигацкой школы частенько не дополучали своего жалованья, а временами и совсѣмъ не получали. Въ 1711 г., когда отпускъ денегъ замедлился, многіе ученики разбѣжались; зимой 1714 г. ученики, не получая пять мѣсяцевъ кормовыхъ, по словамъ донесенія, „не только проѣли кафтаны, но, истинно босыми ногами ходя, просятъ милостыни у оконъ". Завѣдывавшій школой комиссаръ московской адмиралтейской конторы написалъ тогда рѣшительное письмо генералъ-адмиралу Апраксину, подъ высшимъ начальствомъ котораго находилась школа, гдѣ извѣщалъ, что такъ дѣла вести нельзя, что „ежели школѣ быть, то потребны на содержаніе ея деньги, а буде даваться не будутъ, то истинно лучше распустить, понеже отъ нищенства и глада являются отъ школяровъ многія плутости". Эти „плутости" доходили до того, что школяры, среди которыхъ были люди довольно взрослые, за двадцать лѣтъ слишкомъ и болѣе, организовывали цѣлыя шайки для „разбойныхъ" нападеній на обывательскіе погреба и кладовыя, обыватели же, въ свою очередь, гонялись за навигаторами съ дубинами и травили ихъ цѣпными собаками.

При поступленіи въ школу ученикамъ давались подъ расписку книги и учебныя пособія, которыя они по окончаніи курса обязывались вернуть въ цѣлости. Изъ математическихъ книгъ выдавали ариѳметику Магницкаго, логариѳмы и „книги морскихъ картинъ", т.-е. морскіе атласы, а изъ учебныхъ пособій—аспидныя доски, „каменныя перья", т.-е. грифиля, карандаши, бумагу же ученики должны были покупать свою; изъ математическихъ инструментовъ навигаторы получали различныя линейки—шкалы, радіусы, инструменты для опредѣленія времени по звѣздамъ, для опредѣленія широты и долготы, различные циркули и т. п. Часть инструментовъ выписывалась изъ-за границы, а часть изготовлялась дома, при школѣ, въ особой мастерской старшими навигаторами. Съ 1713 года „на покупку инструментовъ и на школьныя всякія починки" начали вычитать небольшой процентъ изъ жалованья школьниковъ, что, конечно, далеко не способствовало улучшенію ихъ быта и искорененію „плутостей".

Ученики жили частью въ самой школѣ, частью на наемныхъ квартирахъ неподалеку отъ школы. Надзирателемъ надъ учащимися былъ первый русскій математикъ, авторъ

перваго руководства ариѳметики, Леонтій Магницкій, на которомъ собственно лежало все преподаваніе. По своимъ знаніямъ онъ уступалъ только Фарварсону и очень превосходилъ Гвына и Грыза, которые, по словамъ современника, „хотя и навигаторы написаны, только до Леонтія наукой не дошли". Преподаватели-англичане держали себя довольно независимо, „временами загуляются, или по своему обыкновенію почасту и подолгу проспятъ",—тогда ихъ дѣло справлялъ Леонтій, какъ кажется, очень любившій и школу и преподаваніе. Въ 1711 г., когда число учениковъ выросло до четырехсотъ съ лишкомъ, въ помощь Магницкому для наблюденія за школярами было велѣно выбрать изъ учениковъ же „десятскихъ добрыхъ людей, и всякому изъ нихъ смотрѣть въ своемъ десяткѣ или отдѣленіи, чтобы школьники не пьянствовали и отъ школы самовольно не отлучались, дракъ ни съ кѣмъ и обидъ никому ни въ чемъ не чинили".

Петровская система угрозъ и страха, тяжкихъ наказаній и штрафовъ за провинности нашла себѣ примѣненіе и въ школѣ его временъ. За большіе проступки учениковъ били на школьномъ дворѣ плетьми солдаты, состоявшіе при школьной канцеляріи; за прогульные дни, или, какъ тогда говорили, „нѣты", по указу 1707 года, съ состоятельныхъ учениковъ изъ дворянъ взимались отчаянно большіе штрафы: за первый прогульный день—5 руб., за второй—10 руб., за третій и всѣ слѣдующіе—по 15 рублей. На наши деньги все это будетъ разъ въ 12 больше. Ученики, впрочемъ, штрафами не очень стѣснялись, и за первые пять мѣсяцевъ 1707 г. набралось за ними штрафныхъ денегъ 8.545 рублей! Деньги взыскивались строго: несмотря ни на какія отговорки, у виновныхъ брали ихъ холопей и били по ногамъ на правёжѣ до тѣхъ поръ, пока господинъ не найдетъ денегъ, чтобы уплатить за свой прогулъ и выручить своихъ рабовъ. Если у загулявшаго школьника рабовъ не оказывалось, то его ставили на правёжъ самолично, тутъ же, на школьномъ дворѣ, и били, пока родные не принесутъ денегъ, или товарищи, которые побогаче, не сложатся и не внесутъ штрафа. За побѣгъ изъ школы навигатору грозила смертная казнь, а роднымъ за одно только ходатайство у государя объ „отбывательствѣ" ихъ питомцевъ отъ школы—каторжная работа.

Ученики навигаціонной школы шли служить не только во флотъ; въ указѣ 1710 г. было особенно подчеркнуто, что „школа оная не только потребна къ единому мореплаванію и инженерству, но и артиллеріи и гражданству“. Кончившіе школу отправлялись для продолженія науки „за море“, или назначались прямо на службу во флотъ, „къ бомбардирскому дѣлу“, къ „инженерству“, куда въ 1711 г. было опредѣлено 170 человѣкъ, къ архитектурнымъ дѣламъ, къ геодезическимъ, „въ артиллерію“ и т. п. Когда стали учреждаться школы въ городахъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, учителями туда стали назначать тѣхъ же навигаторовъ. Кромѣ преподаванія науки, учителя школы привлекались къ дѣлу, каждый по своей спеціальности: имъ поручалось разсматривать со стороны пригодности для перевода книги математическія и навигацкія; въ 1709 г. они должны были изготовить и прислать въ Воронежъ трубы для наблюденій затменія солнца, вычислить самое время затменія и сдѣлать рисунокъ, какъ оно будетъ видимо; всей школѣ, учителямъ и ученикамъ, было поручено проложить линію дороги отъ Москвы въ Петербургъ. По типу навигацкой школы въ Москвѣ были основаны въ 1712 г. еще двѣ: инженерная и артиллерійская.

Кромѣ этихъ школъ, возникшихъ въ Москвѣ, большое значеніе пріобрѣла медицинская, основавшаяся въ 1706 г. при гошпиталѣ. Главнымъ докторомъ и преподавателемъ былъ здѣсь нѣкто Николай Бидлоо, очень опытный и знающій хирургъ, собравшій около себя для начала 50 человѣкъ учениковъ изъ русскихъ. Курсъ ученія въ медицинской школѣ длился около пяти лѣтъ, и Бидлоо въ одномъ своемъ донесеніи очень хвалилъ успѣхи своихъ учениковъ въ медицинскихъ наукахъ.

Кромѣ этихъ казенныхъ школъ высшаго типа, задававшихся цѣлями приготовленія изъ своихъ учениковъ знающихъ техниковъ-спеціалистовъ, зарождается въ Москвѣ 1700-хъ годовъ школа и общеобразовательная. Въ іюлѣ 1701 года „ректоръ“ школы при нѣмецкой церкви въ Новонѣмецкой слободѣ, Николай Швимеръ, назначенъ былъ въ посольскій приказъ переводчикомъ свейскаго, латинскаго, нѣмецкаго и „галанскаго“ языковъ, при чемъ ему велѣно было учить тѣмъ же языкамъ и „русскихъ всякихъ чиновъ людей и дѣтей, кто къ тому ученію ему будутъ даны, и

учить съ непрестаннымъ прилежаніемъ". Въ ноябрѣ ректору Швимеру дали русскихъ учениковъ, и онъ началъ учить ихъ латинскому и нѣмецкому языкамъ. Черезъ годъ Швимеръ далъ хорошій отзывъ объ успѣхахъ своихъ учениковъ, которыхъ у него было шесть человѣкъ. Все это были, по его отзыву, „ребята добрые, изрядные, радѣтельные и учителю послушные". Первымъ ректоръ аттестовалъ нѣкоего Василія Кудрявскаго. „Училъ я его,—пишетъ ректоръ,—понѣмецки сначала читать и писать, такъ что обоя уже изрядно умѣетъ, много научился говорить по-нѣмецки и полатынѣ отъ меня, и тѣмъ способно возможетъ разговаривать по-нѣмецки; латинскому языку такъ безпрестаннымъ навыканіемъ научилъ, что уже и съ ученымъ можетъ полатинѣ разговорится. Сверхъ того, училъ его книгѣ, имянуемой „Входъ латинскаго языку"; изъ сей книги много реченій латинскихъ и нѣмецкихъ себѣ получилъ. Сей трудъ ученикамъ моимъ прибыленъ и надобенъ былъ, и я много времени и радѣнія къ тому приложилъ". Успѣхъ ректора частью объясняется тѣмъ, что ему были даны ученики, немного подготовленные, „навыкшіе", вѣроятно, у знавшихъ языки приказныхъ посольскаго приказа. За свои успѣхи Василій Кудрявскій сдѣланъ былъ старшимъ надъ остальными учениками, съ порученіемъ смотрѣть за ними прилежно; а затѣмъ и ему, и всѣмъ его товарищамъ прибавлены были кормовыя деньги. Швимеръ зналъ плохо русскій языкъ, и Василій Кудрявскій сталъ, какъ онъ послѣ писалъ, „учителю Швымѣру въ словенороссійскомъ языкѣ всякіе способы чинить", т.-е. помогать.

Въ 1703 году школа Швимера была закрыта, и ученики его были отданы новому учителю „апту Эрнсту Глику". Это былъ знаменитый маріенбургскій пасторъ Эрнстъ Глюкъ, взятый въ плѣнъ войсками Б. П. Шереметева и присланный имъ въ Москву. Это былъ человѣкъ рѣдкой дѣятельности, очень образованный, прирожденный проповѣдникъ и борецъ за просвѣщеніе. Въ Лифляндіи онъ жилъ съ 1680 года и усердно заботился объ умноженіи школъ въ краѣ, какъ среди мѣстнаго населенія, такъ и среди пришлаго, особенно среди поселившихся здѣсь русскихъ ревнителей древляго благочестія, бѣжавшихъ сюда, „подъ шведскую корону", отъ огненной смерти въ срубѣ, отъ пытокъ и насилій на родинѣ. Въ 1684 году Глюкъ представилъ королю свои

соображенія о переводѣ на русскій языкъ учебниковъ, что король и одобрилъ, но за смертью его дѣло остановилось: нужныхъ средствъ не давали. „Я, однако,—писалъ Глюкъ въ 1699 г.,—не оставался празднымъ и съ упованіемъ на милость Божію изготовилъ уже на русскомъ языкѣ школьныя книги и содержу въ домѣ у себя, хотя съ немалымъ иждивеніемъ, русскаго пожилого священника, который служитъ мнѣ помощникомъ при переводѣ славянской библіи на простой русскій языкъ, и твердо уповаю, что Господь благословитъ, къ славѣ Его и спасенію людей, и сіи труды по примѣру подъятыхъ на пользу латышей, а къ сему поощряютъ меня письмами и изъ Германіи, и изъ Москвы, особливо Головинъ, царскій посланникъ“...

И Петръ слышалъ о трудахъ и знаніяхъ Глюка еще до войны, поэтому, когда Глюкъ вышелъ изъ осажденнаго Маріенбурга съ славянской библіей въ рукахъ, его не тронули. Въ Москвѣ Глюка подержали недолгое время за карауломъ, а потомъ освободили и велѣли ему учить нѣмецкому, латинскому и другимъ языкамъ нѣсколькихъ русскихъ юношей. Это было въ началѣ 1703 г. Въ 1704 г. къ ученикамъ Глюка присоединили учениковъ Швимера, и начало педагогической дѣятельности маріенбургскаго пробста, или „начальнѣйшаго пастора“, стало на твердыя основанія. Для школы Глюка были отведены въ Москвѣ, на Покровкѣ, на углу нынѣшней Маросейки и Златоустинскаго переулка, палаты умершаго боярина Василія Ѳеодоровича Нарышкина. Сдѣлано это было очень просто. По распоряженію боярина Ѳ. А. Головина, послали изъ посольскаго приказа подъячаго строго сказать вдовѣ Нарышкина, что великій государь по именному своему великаго государя указу велѣлъ огородить ей себѣ дворъ рядомъ изъ огромнаго нарышкинскаго участка, и строить ей себѣ на томъ дворѣ хоромы и, построя, переходить въ оныя изъ палатъ „безъ мотчанія“, палаты же отходятъ подъ школу. Боярыня подчинилась, но медлила. Школа переселилась, а боярыня все продолжала ютиться въ двухъ комнатахъ старыхъ палатъ, пока бояринъ Головинъ не погрозилъ, что скажетъ царскому величеству о замедленіи. Тогда боярыня уѣхала.

25-го февраля 1705 года въ Ижорской канцеляріи объявленъ былъ царскій указъ „для общія всенародныя пользы учинить на Москвѣ школу на дворѣ В. Ѳ. Нарышкина, на По-

кровкѣ, а въ той школѣ бояръ, и окольничьихъ, и думныхъ, и ближнихъ, и всякаго служилаго и купецкаго чина дѣтей ихъ, которые своею охотою приходить и въ тое школу записываться станутъ, учить греческаго, латинскаго, итальянскаго, французскаго, нѣмецкаго и иныхъ разныхъ языковъ и философской мудрости; а за то ученье съ тѣхъ учениковъ денежаго и никакого въ его государеву службу неволею взятья не будетъ, и о томъ по грацкимъ воротамъ прибить указы". Школа „во всякомъ управленіи" должна была состоять въ Ижорской канцеляріи, т.-е. подъ рукой Меншикова, и на содержаніе ея предполагалось выдавать 300 руб. тогдашнихъ въ годъ. Въ особомъ указѣ объяснялось, что желающіе учиться должны явиться къ „препозиту", который, записавъ, будетъ учить безъ всякой платы „кто какихъ наукъ похочетъ".

Отъ себя Глюкъ написалъ особое „приглашеніе къ россійскимъ юношамъ, аки мягкой и къ всяческому изображенію угодной глинѣ". Въ этомъ приглашеніи Глюкъ сначала привѣтствуетъ юношество: „Здравствуйте, плодовитые, да токмо тычинъ и подпоръ требующіе младые ростки. По указу державнѣйшаго монарха вашего полюбится мнѣ... о изъясненіи разума вашего обучати... Врата умудренія нынѣ отпираются, сирѣчь врата къ торговлѣ добрыхъ наукъ... Вы сами въ своей пазухѣ обрящете причины, для которыхъ вамъ достоитъ покорно сіе призваніе внимати и послушно остроуміе свое приклонити, что полезно вліется принимати... Того ради внидите въ тайное пріятилище премудрости и къ благоухищреннымъ и паче злата драгоцѣннымъ сокровищамъ и къ приготовленію различныхъ наукъ и вѣдомостей; внидите наипаче по монархскому государя вашего царя указу, который прозорливымъ желаніемъ и попеченіемъ воструждается тьму неискусства отъ очей своихъ подданныхъ вытирати, и того ради полаты Нарышкина къ сему употребленію благодатно установилъ"... Далѣе Глюкъ указываетъ, что десница учителей готова немощныхъ водить плавающимъ помогать и заблудившимся свѣтило преподносить; въ школѣ учащійся цѣлъ будетъ и отъ заблужденія „ниже со Иксіономъ, яко въ притчахъ поэтическихъ читаемъ, облако вмѣсто богини Юно будете обнимати, но прямую и истинную премудрость добудете". Далѣе слѣдовалъ „каталогъ учителей и наукъ", при чемъ послѣднія

рекомендовались, какъ полезныя—„на пользу и красоту; науки эти не пыльные черви суть, которыхъ отроки въ бобахъ находятъ, ниже кропивы, которыми гряды разума засоряются“. Подписано воззваніе такъ: „Ернстъ Гликъ, лифляндскій препозитъ, нынѣ полонянникъ“. Каталогъ учителей и наукъ гласилъ: 1) Іоаннъ Рейхмутъ учитъ географію и изъ философіи дѣлательную итику и политику, такожде и вышнимъ ученикомъ латинскій языкъ реторскимъ изъясненіемъ располагаетъ; отъ историческихъ авторовъ Курція и Іусина, отъ поетискихъ же Виргилія и Горація истолкуетъ и своихъораціотворенію производитъ; 2) Христіанъ Бернардъ Глюкъ учитъ философію картезіанскую, когда угодные ученики будутъ, такожде языкъ греческій, еврейскій, сирійскій и халдейскій въ пользу всѣмъ охотникамъ ѳеологическихъ сладостей; 3) Іоаннъ Мерла, французскаго языка учитель, всѣмъ охотникамъ онаго языка доброхотнѣ помогаетъ; 4) Іоаннъ Густавъ Вурмъ вестибулъ (преддверіе) латино-нѣмецкій ясно научаетъ и грамматическія основанія непрестаннымъ приложеніемъ полагаетъ; 5) Отто Бирканъ учитъ первыхъ зачальниковъ по-нѣмецки и по-латински читати и писати и ариѳметискую науку изъявитъ; 6) Стефанъ Рамбуръ, танцовальный мастеръ, тѣлесное благолѣпіе и комплементы чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ научаетъ; 7) Іоаннъ Штурмевель, конскій учитель, охотниковъ отъ первыхъ дѣтей научаетъ каваліерскимъ чиномъ ѣхати, и лошадей во всякихъ школахъ и маніерахъ умудрити“.

Старику Глюку не пришлось долго преподавать: въ маѣ 1705 г. его уже не стало, но школа не погибла, и во главѣ ея сталъ сначала нѣкто Іоганнъ Вернеръ Паусъ, но скоро „за его многое неистовство и развращеніе“ ему отъ школы черезъ годъ отказали, и тогда завѣдовать ею сталъ Іоханнъ Биштнеръ. Кромѣ перечисленныхъ учителей, были еще и другіе: шведъ Нордгренъ—для шведскаго языка и „гисторій“, итальянецъ Гагинъ—для итальянскаго языка, и еще трое, преподававшихъ латынь разныхъ степеней. Ученики собирались въ школу часовъ около 6 утра, а могли приходить въ классы и ранѣе, но ученье, собственно, начиналось не позднѣе 8 утра. Начинали съ того, что читали отрывки Новаго Завѣта. Съ 9 до 10 час. въ разныхъ классахъ изучали „Orbis pictus“ Коменскаго; съ 10—11 грамматика,

Корнелій Непотъ, изученіе постройки фразъ и вокабулы; съ 11—12 языки нѣмецкій, французскій; въ 12 ученики освобождались до часу для завтрака. Отъ 1 до 2 время посвящалось правописанію и приготовленію уроковъ. Съ 2 до 3—упражненія письменныя въ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ и каллиграфія; съ 3 до 4 читался Вергилій и Корнелій Непотъ, преподавалась ариѳметика, переводились пословицы, а старшіе упражнялись въ риторикѣ и фразеологіи. Съ 4 до 5 младшимъ преподавали французскій языкъ; съ 5 до 6 былъ урокъ исторіи и приготовленіе домашнихъ работъ, при чемъ часть учениковъ отпускали домой, а старшіе слушали до семи часовъ риторику, ариѳметику и философію или готовили уроки; такимъ образомъ, учебный день длился съ 8 утра до 8 вечера и почти весь былъ посвященъ изученію языковъ. Мы не знаемъ, какъ обстояло дѣло съ танцами и верховой ѣздой,—кажется, учили, потому что для надобностей школы было пріобрѣтено 4 лошади. Ученики, число которыхъ велико не было, и въ лучшее время школы не достигало 50 человѣкъ, жили частью при школѣ, частью по домамъ; кажется, имъ дана была особая форма: шляпа пуховая съ пуговицей жемчужной, оленьи перчатки и галстукъ флеровой. Въ большой части это были довольно великовозрастные юноши, которые умѣли постоять за себя, если случалась драка съ торговцами всякаго съѣстного припаса на Красной площади, у которыхъ они всегда завтракали, но, кажется, не всегда платили за завтракъ, отчего и происходили драки. Любопытно, что обыватели всегда были противъ школяровъ и не отказывали себѣ въ удовольствіи поколотить франта въ пуховой шляпѣ и оленьихъ перчаткахъ, изучавшаго Orbis pictus и разныя „поетискія верки", если онъ, съѣвъ у блинщика пару-другую блиновъ, думалъ улизнуть, не расплатясь.

Такимъ образомъ въ 1700-хъ годахъ возникли въ Москвѣ школы трехъ типовъ: высшая богословская—славяно-греко-латинская академія, высшая техническая—навигацкая и общеобразовательная, гуманитарная—гимназія Глюка.

Въ 1715 году, съ тѣхъ поръ, какъ царь сталъ думать о „гражданствѣ", и въ судьбѣ всѣхъ трехъ школъ происходитъ переломъ, въ силу котораго все дѣло школьнаго просвѣщенія принимаетъ болѣе широкіе размѣры и приводится въ извѣстную систему. Въ 1715—1716 гг. ученики нѣмец-

кой школы или гимназіи были частью переведены въ Петербургъ, частью посланы за границу, двое отосланы въ академію, а четверо—въ „наборное ученіе“ въ типографію, въ наборщики гражданскихъ книгъ; одинъ изъ этихъ наборщиковъ ушелъ потомъ охотою въ солдаты. Навигацкая школа была переведена поближе къ морю, въ Санктъ-Петербургъ, т.-е. переведена была не вся, а высшіе ея классы, изъ которыхъ 1 октября 1715 г. и была образована въ Петербургѣ морская академія, по отношенію къ которой навигацкая школа въ Москвѣ становилась въ положеніи подготовительнаго учебнаго заведенія. Въ морской академіи предполагалось держать 300 учащихся, а въ навигацкой школѣ—500 чел. Изъ учителей въ Петербургъ были переведены Фарварсонъ и Гвынъ. Во главѣ учителей московской школы остался Магницкій съ нѣсколькими помощниками изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ; учить ему было велѣно только ариѳметикѣ и геометріи.

Морскую академію помѣстили въ домѣ, бывшемъ Кикина, тамъ, гдѣ теперь стоитъ Зимній дворецъ, наскоро пристроивъ къ довольно небольшому дому нѣсколько мазанокъ. Директоромъ академіи былъ назначенъ французъ Сентъ-Илеръ, рекомендованный царю, какъ большой знатокъ теоріи морского дѣла. Въ 1716 году Сентъ-Илера уволили, и директоромъ сдѣлали сначала графа Андрея Артамоновича Матвѣева, а потомъ капитана Александра Львовича Нарышкина, который за границей хорошо изучилъ морское дѣло, былъ одобренъ въ своихъ знаніяхъ царемъ, очень полюбившимъ 27-лѣтняго директора за его дѣловитость и энергію и звавшаго его попросту Львовичемъ.

Кромѣ изученія наукъ, Нарышкинъ водилъ своихъ питомцевъ въ походы на эскадрѣ, заставляя ихъ практически изучать морское дѣло; по его почину ученики построили модель корабля; онъ же ввелъ обученіе стрѣльбѣ, завелъ госпиталь при академіи. Науки проходились въ академіи по преимуществу математическія: ариѳметика, начала алгебры, геометрія и тригонометрія, и морскія: морская астрономія, навигація и морская съемка. Ариѳметику проходили по книгѣ Магницкаго, что было очень не легко, благодаря невозможному языку, способамъ и пріемамъ выраженія. Тогдашніе учебники были изложены катехизически — въ вопросахъ и отвѣтахъ, и отъ учениковъ требовалось, чтобы

они заучивали наизусть и вопросы и отвѣты. Всѣ теоремы, относящіяся къ морскимъ и математическимъ наукамъ, проходились безъ доказательствъ, и учащіеся, заучивъ эти теоремы, должны были просто навыкнуть прилагать ихъ выводы къ различнымъ частнымъ случаямъ и задачамъ.

Какъ и ученикамъ навигацкой школы, ученикамъ морской академіи или, какъ ихъ стали называть, „морской гвардіи", полагалось жалованье—до трехъ рублей въ мѣсяцъ, съ вычетомъ на мундиръ „съ рубля по полуполтинѣ". Такъ же, какъ и ученикамъ навигацкой школы, жалованье морской гвардіи выдавалось неаккуратно и съ большими задержками, а самое зданіе академіи временами вопіяло о ремонтѣ, но починки произвести было не на что. Осенью 1717 г. комнаты верхняго этажа стояли безъ половъ и безъ печей, и „42 гвардейца не ходили въ ученье затѣмъ, что стали наги и босы". Дровъ купить тоже было не на что, и зубрить ариѳметическія и астрономическія премудрости плохо одѣтымъ морскимъ гвардейцамъ приходилось, еле попадая зубомъ на зубъ отъ холода. „Воистину не могу описать, какія несносныя докуки отъ бѣдныхъ нужныхъ (нуждающихся) людей,—писалъ про своихъ „гвардейцевъ" директоръ академіи,—безотступно просятъ у меня денегъ и уже весьма наги и босы". Въ 1724 г. царь, присутствуя на урокахъ въ академіи, замѣтилъ нѣсколько учениковъ, одѣтыхъ въ рубище, и на вопросъ, почему они такъ скаредно выглядятъ, получилъ отвѣтъ, что жалованье выдается съ недоимками, да и то часто не деньгами, а товаромъ. Было произведено слѣдствіе, которое подтвердило бѣдственное состояніе учащихся: 85 учениковъ „за босотою и неимѣніемъ дневного пропитанія" не ходили въ школу вотъ уже четыре и даже пять мѣсяцевъ; 55 человѣкъ изъ нихъ „кормились вольною работой", а остальные побирались, „волочась межъ дворъ".

Воспитанники академіи раздѣлялись на шесть „бригадъ", по 50 человѣкъ въ каждой, и должны были учиться ружью и строю, держать караулъ у воротъ, въ залахъ, при денежной казнѣ, у часового колокола. Осенью и зимой въ седьмомъ часу утра, а лѣтомъ въ шесть, били „тапту"—зорю, и всѣ ученики послѣ завтрака собирались въ общій залъ на молитву, а затѣмъ шли въ классы и должны были, согласно инструкціи, садиться по своимъ мѣстамъ „со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостью, безъ всякой конфузіи,

не досадя другъ другу". Въ классахъ строго запрещалось чинить какой-либо крикъ и шумъ. По приказанію самого царя, въ каждый классъ былъ посаженъ особый дядька изъ старыхъ солдатъ съ приказомъ „имѣть хлыстъ въ рукѣ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, несмотря какой бы фамиліи ученикъ ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ". Великовозрастные ученики придерживались чарочки, всегда не прочь были подраться съ матросами и солдатами, поколотить обывателя, забраться къ нему въ кладовую за съѣстнымъ, разобрать заборъ, забить входную дверь такъ, чтобы обыватель не могъ выйти изъ своего дома, и т. п. Пойманные съ поличнымъ или на мѣстѣ, ученики платились, впрочемъ, за свои безчинства жестоко: виновныхъ били по два дня нещадно батогами или, по молодости лѣтъ, вмѣсто кнута, драли нещадно же кошками, какъ называлась короткая плетка, связанная изъ морскихъ снастей; за значительные проступки гоняли сквозь строй, послѣ чего оставляли „по прежнему въ ученьи".

Обѣ академіи—„морская" въ С.-Петербургѣ и „славяно-греко-латинская" въ Москвѣ—послужили двумя исходными пунктами для цѣлой сѣти низшихъ школъ по городамъ Россійскаго государства. Въ томъ же году, когда изъ старшихъ классовъ навигацкой школы была сформирована морская академія въ Петербургѣ, велѣно было разослать въ губерніи по два ученика школы, выучившихъ геометрію и географію, „для науки молодыхъ ребятокъ изъ всякихъ чиновъ людей". Въ 1716 г. открыты были школы въ 12 городахъ, а къ 1722 году школы существовали уже въ 42 городахъ; такъ какъ въ новой школѣ обучали по преимуществу ариѳметикѣ и геометріи, то ее стали называть „цыфирной школой". Цифирныя школы предназначались для обученія „ребятокъ" изъ всякихъ чиновъ людей, туда и стали приказывать итти учиться всѣмъ, но сейчасъ же поднялись протесты: завопили духовные люди—имъ не къ чему учить своихъ дѣтей цифири, надо де имъ знать четье-пѣнье церковное, завопили посадскіе торговые люди—ихъ дѣтямъ надо сидѣть за прилавкомъ, навыкая отцовскому дѣлу, и въ цифирную школу имъ ходить некогда. Въ 1720 году посадскіе были освобождены отъ обязательнаго обученія, а такъ какъ дворянскихъ дѣтей брать въ цифирныя школы было запрещено

еще въ 1716 г., то въ этихъ школахъ стали учиться дѣти „солдатскія", дѣти приказныхъ. Научившись читать, писать и считать, они оканчивали на этомъ свое ученье и шли потомъ на должности писарей, канцеляристовъ, въ помощники корабельнымъ мастерамъ и архитекторамъ, въ аптекарскіе „гезели"—помощники. Высшая наука все больше опредѣлялась какъ достояніе шляхетства: разъ отъ него требовалась бо́льшая служба, естественно, что для этого была нужна и бо́льшая подготовка, и потому „шляхетный" мальчикъ, окончивъ низшую школу, понуждался итти въ высшую. Если первое время, когда еще „немногіе дворяне поступали охотно" въ школу и на службу, правительство съ охотой принимало въ науку людей всѣхъ сословій, то потомъ, къ 1715 г., когда установился весь распорядокъ „шляхетной" жизни, и шляхетный человѣкъ, обязанный всю жизнь служить, долженъ былъ начинать свою службу со школьной выучки, высшая петровская школа стала выглядѣть сословной дворянской школой.

Въ 1721 году, когда былъ изданъ духовный регламентъ, архіереи прочли въ немъ обязательное для нихъ правило, приказывавшее имъ открыть школы при своихъ домахъ „для дѣтей священническихъ или прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ". „Дабы не было роптанія отъ родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ на учителя и на покупаніе книгъ, тако жъ на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся, подобаетъ, — говоритъ регламентъ,—чтобы ученики и кормлены и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ". Предвидя, что епископы начнутъ жаловаться на убыточность для нихъ содержанія школъ, регламентъ совѣтуетъ архіереямъ, во избѣжаніе убытковъ, лишнихъ служителей при себѣ не держать, не нужныхъ строеній не дѣлать, а только строенія прибыльныя — мельницы, напримѣръ; не слѣдуетъ себѣ дѣлать и многаго роскошнаго платья и ризъ, а главное, надо правильно вести свое хозяйство, не бросать денегъ зря и представлять во всемъ отчетъ въ духовную коллегію.

Все устройство преподаванія, какъ и выборъ самихъ предметовъ, направлены были къ тому, чтобы воспитывать будущихъ духовныхъ, такъ что школы при архіерейскихъ домахъ тоже сразу пріобрѣтаютъ сословный характеръ. Въ первыя пять лѣтъ по изданіи духовнаго регламента откры-

то было около 50 школъ, такъ что къ послѣднему году царствованія Петра почти въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ городѣ образовалось по двѣ школы—одна духовная при епископскомъ домѣ, другая свѣтская—цифирная. Впрочемъ, рядомъ обѣ школы долго не уживались: духовная школа взяла изъ навигацкой всѣхъ дѣтей духовенства, оставивъ ей только дѣтей свѣтскихъ лицъ; такъ какъ посадскіе были уволены отъ обязанности учить своихъ дѣтей, а духовные ушли, дворяне же совсѣмъ не поступали, то въ цифирныхъ школахъ остались только дѣти приказныхъ, а гдѣ таковыхъ было мало или не оказывалось совсѣмъ, тамъ цифирныя школы закрылись: четырнадцать цифирныхъ школъ закрылись сейчасъ же, какъ только были основаны рядомъ съ ними школы архіерейскія. Петръ хотѣлъ было и остальныя соединить съ архіерейскими, но противъ этого возстало духовенство, указывавшее на неумѣстность учить въ архіерейской школѣ „свѣтской навигаторской наукѣ", какъ не духовному дѣлу.

Школы при архіерейскихъ домахъ были отданы въ полное завѣдованіе мѣстныхъ архіереевъ, и не только содержаніе, самое существованіе ихъ зависѣло порой отъ доброй воли преосвященнаго. Судьба отдѣльныхъ школъ мѣнялась вмѣстѣ съ перемѣной архіереевъ. Такіе дѣятельные и просвѣщенные пастыри, какъ Іовъ новгородскій, Питиримъ нижегородскій, Димитрій ростовскій, Гавріилъ рязанскій, тщательно пеклись о содержаніи, развитіи школъ и доводили число учащихся въ нихъ до двухъ и трехсотъ человѣкъ. Программа преподаванія въ такихъ школахъ расширялась и приближалась къ программѣ московской академіи, въ большинствѣ же школъ дѣло ограничивалось только грамматикой и риторикой.

Странно какъ-то читать, межъ тѣмъ, широкіе планы духовнаго регламента относительно устройства академій, семинаріумовъ при нихъ, гдѣ бы ученики могли жить, отрѣшенные отъ міра и родительскаго дома подъ надзоромъ „префекта" или инспектора, которому предполагалось быть хотя и не ученому, только бы не весьма свирѣпому и не „меланхоликусу", лѣтами отъ 30 до 50. Мѣсто для постройки академій проектировалось выбирать „веселое", въ сторонѣ отъ города и подальше отъ народнаго шума, ибо все это „обычно мѣшаетъ ученію и находитъ на очи (развлекаетъ),

похищаетъ мысли молодыхъ человѣкъ и прилежать ученіямъ не попускаетъ". Каждымъ 8—9 ученикамъ, живущимъ въ семинаріумѣ, предполагалось, по регламенту, дать отдѣльную комнату, а въ комнатѣ каждому особое мѣсто, „при стѣнѣ мѣсто собственной конторы, гдѣ его стоитъ кроватка складная, чтобъ въ день (т.-е. днемъ) логовища знать не было,—строго замѣчаетъ регламентъ, — тако жъ шкафа на книжки и иныя вещицы и стуликъ для сѣданія". Для разогнанія скуки, неизбѣжной при строго отрѣшеннымъ отъ міра житіи, „истинно плѣнническомъ", какъ сознается регламентъ, ученикамъ разрѣшаются „регулярныя" прогулки и игры: „Таковыя, напримѣръ, есть водное на регулярныхъ судахъ плаваніе, геометрическіе размѣры, строеніе регулярныхъ крѣпостей и проч." Отъ скуки можно одинъ или два раза въ мѣсяцъ лѣтомъ съѣздить на острова, въ поля, на загородныя государевы дачи. Надо читать больше „ово исторіи воинскихъ, ово церковныхъ", ибо „слышаніе ихъ и сладко есть и къ подражанію мудрыхъ оныхъ людей поощряетъ тако же", затѣмъ отъ скуки помогаютъ: „гласъ музикійскихъ инструментовъ, нѣкіи акціи, диспуты, комедіи и риторическія экзерциціи". Составитель этихъ правилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ завелъ въ Петербургѣ школу на рѣчкѣ Карповкѣ, и тамъ, по мѣрѣ возможности, какъ кажется, старался поставить все по сочиненнымъ имъ правиламъ, но всѣхъ остальныхъ архіерейскихъ школъ эти правила не коснулись, и жизнь ихъ складывалась въ тѣхъ грубыхъ и удушающихъ формахъ, какія впослѣдствіи получила достопамятная бурса, какъ извѣстно, очень далекая по всей своей постановкѣ отъ семинаріума по образцу іезуитскихъ коллегій, какой рисовался Ѳеофану, какъ идеалъ школы, и правилами котораго онъ сильно пользовался, оставляя свои правила о школахъ въ духовномъ регламентѣ.

Такъ возникла въ Россіи школа, какъ учрежденіе государственное, нужное государству, имъ покровительствуемое и идущее къ цѣли, поставленной государствомъ же. Время и обстановка, въ которой возникала и завоевывала свое право на жизнь первая русская школа въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ наше время, наложило на нее свой отпечатокъ, придало ей опредѣленный характеръ. Школа петровскихъ временъ, въ цѣломъ и общемъ взятая, не ставитъ своей задачей цѣли воспитанія и общаго образованія. Она

возникла и создалась прежде всего, какъ школа техническая, преслѣдующая одну опредѣленную выучку въ области тѣхъ знаній, какія тогдашнему государству были нужны. Государству прежде всего были нужны мастера и техники всякаго дѣла—корабельные инженеры, артиллеристы, просто инженеры, мореходы, опытные офицеры: школа къ этой службѣ и подготовляла юношество. А такъ какъ на службы раз-

Школа въ первой половинѣ XVIII в.
(Съ современной гравюры).

ныхъ качествъ брались и должны были служить люди опредѣленныхъ общественныхъ слоевъ, то петровская школа явно становилась сословной, самая же выучка, забиравшая подъ свою эгиду вѣчно обязанныхъ, вѣчно прикрѣпленныхъ къ опредѣленной службѣ людей опредѣленнаго происхожденія, тѣмъ самымъ сама становилась службой; вотъ почему тогдашній ученикъ получаетъ за свое ученье жалованье, а за неисполненіе своихъ обязанностей подвергается серьезнымъ служебнымъ взысканіямъ, какъ за преступленіе противъ долга службы.

Общеобразовательное значеніе петровская школа давала лишь постольку, поскольку тогдашняя техническая выучка

основывалась на общихъ принципахъ науки и знанія. Въ школахъ епархіальныхъ общеобразовательное основаніе было шире, въ школахъ цифирныхъ у́же; практически Петръ требовалъ отъ школы знающихъ извѣстныя отрасли дѣлъ профессіоналовъ.

Чтобы онъ ихъ оттуда достаточно получалъ, нельзя сказать. Родители дѣтей въ школы не отдавали, дѣти изъ школъ бѣгали. Родителей за потачку дѣтямъ штрафовали и даже сажали подъ арестъ, пока дѣтей своихъ не сыщутъ; за бѣглыми дѣтьми впрочемъ великовозрастными посылались воинскія команды. Все это не могло способствовать ни особому процвѣтанію школъ, ни пробужденію въ народѣ и обществѣ любви къ школѣ или даже простого сознанія въ ея необходимости. Скудныя, правда, цифровыя данныя, которыми мы обладаемъ для характеристики состава и количества учащихся, отрадной картины какого-либо процвѣтанія петровскихъ школъ не даютъ. Прежде всего этихъ школъ было мало для огромнаго пространства Россіи, и онѣ отстояли очень далеко одна отъ другой: такъ каргопольцамъ приходилось ѣздить учиться въ Новгородъ, калужанамъ въ Москву и т. д. Въ 1727 г. въ цифирныхъ школахъ значилось всего 2000 человѣкъ съ небольшимъ. Изъ нихъ дѣтей духовнаго званія было 931, т.-е. безъ малаго половина, солдатскихъ дѣтей 402 (19,6%), приказныхъ 374 (18,2%), посадскихъ 93 (4,5%) и дворянскихъ—53 (2,5%) Когда посадскіе отпросились отъ школы, а дѣти духовенства ушли въ свои духовныя школы, цифирныя школы захирѣли совсѣмъ.

Послѣ смерти Петра Великаго цифирныя школы были отданы въ вѣдѣніе адмиралтействъ-коллегіи на томъ единственно основаніи, что Морская академія, этой коллегіи подвѣдомственная, поставляла учителей для цифирныхъ школъ. Затѣмъ попробовали соединить цифирныя школы съ духовными, но св. Синодъ отказался отъ нихъ, заявивъ, что „тѣ школы до духовнаго правительства не принадлежатъ", и тогда пришлось оставить ихъ въ вѣдомствѣ адмиралтействъ-коллегіи. Въ 1744 г. цифирныя школы присоединили къ полковымъ гарнизоннымъ школамъ, вкупѣ съ которыми и скончали животъ свой, пріявъ кончину мирную и незамѣтную, исчезли, какъ-то выродившись, вслѣдствіе отсутствія учениковъ и неимѣнія учителей.

Какого-либо общаго центральнаго учрежденія, которое объединило бы въ своемъ завѣдованіи школьное дѣло, не создалось при Петрѣ Великомъ, и школы разныхъ наименованій зависѣли въ своемъ содержаніи и устройствѣ отъ разныхъ вѣдомствъ—отъ Ингерманландской канцеляріи до Монастырскаго приказа. При ближайшихъ наслѣдникахъ Петра Великаго какихъ-либо общихъ мѣръ по народному образованію не предпринималось вовсе. Въ этомъ отношеніи русскія правительства той поры жили крохами предуказаній Петра Великаго и о школѣ заботились лишь постольку, поскольку школа обезпечивала государству контингентъ нужныхъ ему профессіоналовъ и спеціалистовъ. Такъ, въ 1755 году распорядились дѣтей гражданскихъ чиновниковъ съ измалѣтства обучать въ особыхъ школахъ приказному дѣлу. Въ 1758 г. сенатъ распорядился, чтобы дѣти штабъ-лекарей, лекарей и аптекарей, подлекарей и прочихъ аптекарскихъ служителей опредѣлялись не иначе, какъ въ медико-хирургическую и фармацевтическую науки. Школа продолжаетъ быть преддверіемъ къ службѣ, и школьное обученіе разсматривается какъ подготовка къ службѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ службой считается.

При рѣдкости школъ, ихъ страшномъ для тогдашнихъ людей служебномъ назначеніи главными источниками народнаго образованія, грамотности и просвѣщенія продолжаютъ оставаться прежніе мастера, учителя-профессіоналы, заработывающіе книжнымъ поученіемъ отроковъ себѣ пропитаніе. Отставные приказные, дьячки, дьякона, отставные солдаты—вотъ тѣ общественные слои, изъ которыхъ учителя-мастера выходятъ. И учатъ они по прежнему, по старой вѣковой программѣ—отъ складовъ къ псалтирю. Воспитательнаго значенія казенныя школы тоже имѣли мало, и воспитаніе по прежнему складывалось въ семьѣ, и въ основу его ложились прежнія, еще XVI и XVII вв. вѣдомыя начала. Въ этомъ смыслѣ въ воспитаніи и обученіи русскаго народа большихъ перемѣнъ до самой половины XVIII вѣка не произошло. А тѣ перемѣны, которыя произошли, вытекали изъ тѣхъ внѣшнихъ измѣненій, которыя принесло съ собой еще въ XVII в. начавшееся сближеніе съ Европой и нужда правительства въ нѣкоторыхъ европейскихъ знаніяхъ и профессіяхъ. Тотъ общественный слой, который по долгу своему былъ обязанъ поставлять

солдатъ, офицеровъ и чиновниковъ всякаго рода и, слѣдовательно, больше другихъ долженъ былъ имѣть прикосновенія къ европейскому знанію, болѣе другихъ внесъ новшествъ въ систему образованія и воспитанія своихъ сочленовъ. Для постиженія тѣхъ началъ западно-европейскаго знанія, которыя нужны были будущему офицеру или чиновнику, требовалась посторонняя помощь, которую можно было получить отъ учителя-иностранца. И вотъ, въ дворянскихъ семьяхъ, на ряду съ учителями-мастерами изъ своихъ, приходскихъ дьячковъ и священниковъ, появляются учителя-иностранцы, которые учатъ дворянскую молодежь иностраннымъ языкамъ и „людскости", „вѣжеству", „политичному житію"—танцамъ, на шпагахъ биться, „куплиментамъ" и т. п. Эти черточки западно-европейскаго лоска только очень внѣшне ложились на воспитанные псалтирью и часословомъ души и въ обиходѣ тогдашняго человѣка доставляли ему скорѣе больше неудобствъ, чѣмъ удобствъ, и порой были ему такъ же досадны и неудобны, какъ и казенное платье, и онъ спѣшилъ ихъ забыть, оставляя службу, гдѣ эти черты людскости все же были нужны, какъ спѣшилъ сбросить съ себя европейское платье, поселяясь, по окончаніи службы, въ деревнѣ.

Начала европейской просвѣщенности такимъ образомъ туго проникали даже въ верхніе слои общества. Но все же проникали, усваивались, и скоро, ко второй половинѣ XVIII в., почувствовалось и въ обществѣ и въ правительствѣ, что дѣло народнаго, въ широкомъ смыслѣ, образованія и просвѣщенія должно быть поставлено иначе, что узко-утилитарная профессіональная школа петровской закваски съ ея принудительнымъ характеромъ отжила свое время, что школа должна быть отдѣлена отъ казармы и канцеляріи, что помимо удовлетворенія нуждъ казармы и приказа у ней есть свои великія задачи воспитанія и образованія человѣка.

Уже въ концѣ царствованія Петръ Великій сталъ относиться къ вопросамъ образованія нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. Если прежде единственно важными и единственно нужными онъ почиталъ школы профессіональныя, дающія техническую выучку, то теперь, подъ вліяніемъ новыхъ поѣздокъ по Европѣ, онъ сталъ склоняться къ мысли о необходимости „размножать науки въ имперіи", для чего должны

быть устроены учрежденія двоякаго рода: одни, вѣрнѣе — одно, которое разрабатывало бы и двигало науку впередъ, и другія, которыя эту науку, ея выводы распространяли бы въ населеніи. Отсюда возникла идея объ устройствѣ, съ одной стороны, академіи наукъ и съ другой—университета и гимназіи при немъ. Обсужденная еще при Петрѣ, вся эта система первыхъ въ Россіи общеобразовательныхъ учрежденій начала дѣйствовать годъ спустя послѣ его смерти.

Уже съ первыхъ шаговъ обнаружилось, что университетъ для тогдашней Россіи былъ излишней роскошью, не имѣющей никакой почвы для процвѣтанія. Профессора, выписанные изъ нѣмецкихъ государствъ, должны были составить ядро академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ читать лекціи и въ университетѣ. Они обнаружили полную готовность исполнять добросовѣстно свои обязанности, но наткнулись на непредвидѣнное обстоятельство — полное отсутствіе слушателей. Трагикомичность положенія была еще усугублена тѣмъ, что и слушателей, въ числѣ 8 человѣкъ, тоже выписали изъ нѣмецкихъ государствъ. Образовалась академическо-университетская корпорація изъ 17 профессоровъ-нѣмцевъ и 8 студентовъ-нѣмцевъ. Такъ какъ профессорамъ нечего было дѣлать при такомъ числѣ слушателей, то, чтобы выполнить требованія устава, они стали ходить на лекціи другъ къ другу.

Немного удачнѣе начала свою дѣятельность открытая при университетѣ гимназія. Въ первые 4 года существованія число учениковъ въ ней доходило до 75 (преимущественно дѣти иностранцевъ, жившихъ въ Петербургѣ), но затѣмъ оно стало быстро падать. По обычаю времени, чтобы остановить это паденіе, были предприняты искусственныя и принудительныя мѣры: въ гимназію стали вербовать сначала дѣтей солдатъ, мастеровыхъ и крѣпостныхъ, но такъ какъ и этотъ элементъ далеко не всегда досиживалъ до окончанія полнаго курса, то позже перешли къ укомплектованію числа слушателей обязательными учениками-стипендіатами. Въ 1735 г. было учреждено 20 такихъ стипендій, и ихъ замѣстили вытребованными слушателями изъ Московской славяно-греко-латинской академіи (въ числѣ ихъ былъ и Ломоносовъ). Еще позже, къ 1760 г., число стипендій было повышено до 60, но бѣда была въ томъ, что обучаться въ гимназіи даже на „казенный коштъ“ не находилось доста-

точнаго числа охотниковъ. Къ мѣрамъ привлеченія слушателей путемъ стипендій и принудительнаго ихъ вербованія съ 1747 г. обратился и академическій университетъ, но и онѣ не дали осязательныхъ результатовъ, и лекціи, то прерываясь, то возобновляясь, въ 1753 г. прекратились совершенно. Дѣятельность гимназіи, однако, продолжалась, хотя и съ прежними незначительными успѣхами.

Новая попытка привить на русской почвѣ общее образованіе была сдѣлана въ царствованіе Елизаветы Петровны—графомъ И. И. Шуваловымъ, который въ 1755 г. основалъ

Графъ И. И. Шуваловъ.

въ Москвѣ университетъ и при немъ двѣ гимназіи: одну для дворянъ, другую для разночинцевъ. Москвѣ было отдано предпочтеніе предъ Петербургомъ умышленно. Предполагалось, что въ старой столицѣ число учащихся окажется значительно больше, благодаря ея центральному положенію въ странѣ, обилію живущихъ въ ней дворянъ и купцовъ и обнаружившейся несомнѣнной потребности въ образованіи, о чемъ свидѣтельствовало „великое число домашнихъ учителей, содержимыхъ помѣщиками въ Москвѣ“. Тѣмъ не-

менѣе, чтобы болѣе обезпечить привлеченіе учащихся, имъ были даны разныя льготы, напримѣръ, годы ученія зачитались въ военную службу, студентъ выходилъ изъ университета съ оберъ-офицерскимъ чиномъ и проч. Въ дворянской гимназіи главное вниманіе было обращено на науки, „пристойныя шляхетству", особенно на иностранные языки, въ разночинной же гимназіи преобладали предметы техническихъ наукъ.

Гимназіи, особенно дворянская, имѣли несомнѣнный успѣхъ. Привлекаемыя льготами самыя родовитыя дворянскія семьи отдавали туда дѣтей. Поощренный этимъ успѣхомъ, Шуваловъ мечталъ покрыть всю Россію подобными гимназіями и привлечь въ ихъ стѣны дѣтей всего русскаго дворянства. Въ незначительныхъ городахъ проектировалось завести элементарныя школы для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ, и въ крупныхъ городахъ—гимназіи на подобіе Московской, въ которыя принимались бы окончившіе элементарныя школы и которыя подготовляли бы контингентъ слушателей для Московскаго университета. Изъ этого проекта, набросаннаго Шуваловымъ въ 1760 г., была осуществлена лишь гимназія въ Казани, имѣвшая, однако, значительно меньшій успѣхъ, чѣмъ Московская.

Если шуваловскія гимназіи имѣли еще успѣхъ, то основанный имъ Московскій университетъ на первыхъ порахъ велъ весьма печальное существованіе. Изъ гимназій въ университетъ переходили лишь немногіе, такъ что вакантныя мѣста приходилось заполнять принудительными учениками духовныхъ семинарій и академій. Тѣмъ не менѣе, бывали годы, когда на цѣломъ факультетѣ, медицинскомъ или юридическомъ, насчитывалось всего 5—6 слушателей, а въ 1765 г. на юридическомъ и въ 1768 г. на медицинскомъ факультетахъ оказалось всего по одному студенту. Числу слушателей на первое время, впрочемъ, соотвѣтствовало и число профессоровъ: долгое время на упомянутыхъ факультетахъ было также всего по одному профессору; получалась незнакомая намъ идиллія — одинъ профессоръ и одинъ студентъ; положеніе обоихъ было, вѣроятно, не изъ пріятныхъ.

И опытъ Шувалова ввести общеобразовательныя учебныя заведенія оказался, слѣдовательно, удачнымъ болѣе или менѣе на половину, въ отношеніи только гимназій, да и то съ примѣненіемъ героическихъ средствъ въ видѣ разныхъ

привилегій; въ отношеніи же университетовъ неудача была явная. Спрошенные по этому поводу въ 1765 г. московскіе профессора объяснили ее недостаткомъ средствъ, не дозволявшимъ замѣстить вакантныя каѳедры, отсутствіемъ самостоятельности университета, угнетавшагося директоромъ,—начальникомъ его по назначенію правительства, который, „не будучи собственно изъ ученаго званія", склоненъ „больше препятствовать, чѣмъ споспѣшествовать" развитію университета. Указывали они на разныя мѣры къ поднятію уровня преподаванія и пр., но совершенно не коснулись причинъ, почему такъ незначительно число слушателей. Эта причина была внѣ воздѣйствія разными мѣрами, она лежала въ индифферентности самого населенія, въ безразличномъ, скорѣе отрицательномъ отношеніи его къ высшему образованію. Почему это такъ, будетъ выяснено при аналогичномъ явленіи, встрѣчающемся во второй половинѣ царствованія Екатерины Второй, когда по тѣмъ же причинамъ населеніе избѣгало оставлять дѣтей до окончанія курса даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, „главныхъ" школахъ.

Шуваловская школа явилась переходной ступенью отъ петровской къ екатерининской; изъ петровской она отбросила профессіональность, но сохранила сословность, каковымъ признакомъ она отличается отъ екатерининской, но сходится съ нею общеобразовательнымъ характеромъ. Петровская школа была профессіональной и сословной, шуваловская — сословной и общеобразовательной, екатерининская—общеобразовательной и безсословной, по крайней мѣрѣ въ принципѣ.

Источники и пособія.

Н. Лавровскій, О древне-русскихъ училищахъ. *Д. Мордовцевъ,* О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в. *Ѳ. Леонтовичъ,* Школьный вопросъ въ древней Россіи. *И. Забѣлинъ,* Характеръ начальнаго образованія въ до-петровское время. *А. Соболевскій,* Образованность Московской Руси XV—XVII вв. *В. Иконниковъ,* Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. *В. О. Ключевскій,* Два воспитанія. *П. Н. Милюковъ,* Очерки по исторіи русской культуры, вып. II. *Владимірскій-Будановъ,* Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. *С. М. Соловьевъ,* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. *П. Пекарскій,* Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. *Л. Н. Пыпинъ,* Исторія русской литературы. *С. А. Бѣлокуровъ,* О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в. *С. Смирновъ,* Исторія славяно-греко-латинской академіи. *Н. Ѳ. Каптеревъ,* О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII в. до открытія славяно-греко-россійской академіи. *Веселаго,* Очеркъ русской морской исторіи и др. соч.

Школа въ царствованіе Екатерины II.

Главнѣйшія особенности екатерининской школы.

Царствованіе Петра Великаго впервые опредѣленно установило принципъ *государственной школы*. До того времени государство не ощущало потребности сдѣлать школу необходимымъ средствомъ для собственнаго благополучія и процвѣтанія, и потому или мало или вовсе не заботилось объ ея судьбахъ. Если высшія училища, содержавшіяся преимущественно на средства монастырей и епархій, еще получали нѣкоторую поддержку изъ государственной казны, то низшее образованіе, образованіе широкихъ народныхъ слоевъ, поскольку оно тогда вообще существовало, всецѣло было предоставлено частной инициативѣ, а послѣдняя проявлялась только тѣми немногими лицами („мастерами", дьячками и пр.), которыя въ преподаваніи грамоты искали средствъ существованія,— другими словами, иниціатива эта проявлялась случайно и, конечно, не могла гарантировать хотя бы самыхъ минимальныхъ успѣховъ народнаго образованія. Съ ясновидѣніемъ, свойственнымъ только великимъ реформаторамъ, Петръ прозрѣлъ важную роль, которую можетъ и должна играть школа въ цѣляхъ и задачахъ государства, будучи упорядочена и урегулирована въ своихъ функціяхъ крѣпкими руками послѣдняго, и превратилъ ее въ государственный институтъ. Съ тѣхъ поръ *государственная школа* навсегда осталась незыблемымъ началомъ, перешедшимъ всецѣло и въ царствованіе Екатерины II. Въ этомъ принципѣ лежитъ внутренняя связь школьной политики Екатерины II съ эпохой Петра I.

Въ до-петровское время на образованіе извѣстныхъ слоевъ населенія смотрѣли какъ на *средство* для удовлетворенія нѣкоторыхъ государственныхъ потребностей. Самымъ существеннымъ изъ нихъ была подготовка грамотнаго духовенства отъ высшаго до низшаго, и только третьестепенную роль играли заботы объ обезпеченіи неизсякающаго

источника грамотныхъ людей для государственной службы, ибо вербовать послѣднихъ допускалось возможнымъ изъ категоріи получившихъ нѣкоторое обученіе дома или въ частныхъ небольшихъ школахъ. И надо признать, что нужды государства, при томъ уровнѣ знаній, который требовался тогда для государственной службы, могли вполнѣ обслуживаться данной категоріей. Существовавшія болѣе или менѣе организованныя школы, достойныя этого имени, являлись, такимъ образомъ, мѣстомъ для подготовки почти исключительно духовенства, были, употребляя современное выраженіе, *духовными* школами и, слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ—*профессіональными*. Петръ Великій, включивъ школьное дѣло въ число важнѣйшихъ государственныхъ задачъ, въ разрѣшеніи его пошелъ совершенно иными путями, чѣмъ предшествовавшее ему время. Духовной школѣ, которая и до него уже довольно устойчиво стояла на собственныхъ ногахъ, онъ не оказывалъ какой-либо серьезной поддержки, скорѣе даже наносилъ ущербъ ей, отнимая ея воспитанниковъ для своихъ нуждъ.

Въ преслѣдованіи своихъ цѣлей создать изъ Россіи могущественное государство Петръ сталъ насаждать *свѣтскую* школу. Но какъ средства, которыми царь хотѣлъ поднять и поднялъ государство на ступень великой державы, были средствами исключительно практической политики, такъ и школа подъ его указкой приняла *практическій*, *профессіональный* характеръ. Петру, этому первому работнику въ государствѣ, нужны были дѣльные и дѣятельные помощники въ практическихъ дѣловыхъ отрасляхъ государственной жизни, при томъ во всѣхъ областяхъ, и онъ создаетъ рядъ школъ, преслѣдующихъ задачу подготовки именно такихъ работниковъ,—создаетъ школы военныя, морскія, корабельныя и др. И Петръ смотрѣлъ на эти школы не только какъ на *средство* удовлетворенія уже существующихъ потребностей, но какъ на *орудіе*, *рычагъ* для достиженія далеко впереди стоящихъ цѣлей, какъ на *лабораторію*, гдѣ создаются и выковываются знающіе—разъ—и обладающіе иниціативой—два—дѣятели для завершенія начатаго имъ переворота во внутренней жизни государства и развитія всѣхъ практическихъ отраслей послѣдняго до возможнаго максимума, до уровня ихъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Воинъ, мореходецъ, инженеръ, плотникъ, слесарь—Петръ думалъ о прак-

тическихъ нуждахъ и о практическомъ ихъ удовлетвореніи, мало заботясь объ *образованіи вообще.*

Какъ въ эпоху Петра свѣтско-профессіональное образованіе, такъ въ эпоху Екатерины II доминирующую роль играло именно это *образованіе общее,* преслѣдующее только цѣли знанія, но не практическія соображенія. *Общеобразовательная школа,* преслѣдующая исключительно педагогическія, а не профессіональныя цѣли, является первымъ принципомъ, отличающимъ школьную политику Екатерины II отъ петровской. Раньше шла рѣчь объ извѣстной выучкѣ въ какой-либо практической дѣятельности, и обученіе общимъ предметамъ давалось лишь въ той мѣрѣ, въ какой это безусловно необходимо для пониманія и разумнаго усвоенія прикладныхъ знаній; съ момента же возникновенія общеобразовательной школы получается возможность говорить уже о служеніи ея цѣлямъ *просвѣщенія.* При этомъ надо оговориться, что принципъ общеобразовательной школы, введенной въ русскую жизнь впервые екатерининской эпохой, еще не означалъ отказа отъ школы профессіональной. Первая является общимъ фундаментомъ образованія, и только на немъ можетъ уже воздвигнуться зданіе спеціализаціи въ той или другой практической области,—такъ нужно понимать взаимоотношеніе этихъ школъ. Практически при Екатеринѣ дѣло конструировалось даже нѣсколько иначе. Профессіональная школа продолжала существовать сама по себѣ, насколько она нужна была для удовлетворенія практическихъ нуждъ государства, но она потеряла то исключительное положеніе, которое занимала при Петрѣ, переставъ быть важнѣйшей, единственной и заботливо лелѣемой школой. Преимущественная роль теперь переходитъ къ общеобразовательной школѣ, которая съ тѣхъ поръ навсегда и сохраняетъ свое главенствующее положеніе, профессіональная же занимаетъ подобающее ей мѣсто, служа цѣлямъ спеціализаціи.

Второй особенностью екатерининской школы и отличіемъ ея отъ петровской является ея *безсословность,* по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Хотя лично Петръ одинаково любовно цѣнилъ таланты, знанія и энергію, безотносительно къ тому, какую сословную оболочку имѣлъ на себѣ ихъ носитель, и низкороднаго Меншикова отличалъ даже болѣе, чѣмъ потомковъ Рюрика, тѣмъ не менѣе, по тогдашнимъ соціальнымъ условіямъ, помощниковъ себѣ, дѣятелей на

различныхъ государственныхъ поприщахъ онъ могъ вербовать только изъ среды господствовавшаго сословія—дворянства. По своему положенію, по своимъ жизненнымъ условіямъ оно болѣе всѣхъ другихъ сословій было пригодно для воспринятія новой культуры и для выдѣленія изъ своей среды требовавшихся новыми условіями дѣятелей. Поэтому Петръ, искавшій скорыхъ практическихъ результатовъ, основанныя имъ профессіональныя школы наполнилъ дѣтьми дворянскими. Екатерининская же школьная политика приняла за основной принципъ допускать въ школы дѣтей безъ различія сословій. Мы увидимъ потомъ, какъ часты и рѣзки были отступленія отъ этого основного начала то въ видѣ прямого недопущенія въ извѣстныя училища нѣкоторыхъ сословій, то въ формѣ устройства разныхъ школъ для разныхъ сословій. Но въ самомъ главномъ и важномъ школьномъ памятникѣ екатерининской эпохи, въ народныхъ школахъ, учрежденныхъ по уставу 1786 г., этотъ принципъ былъ формулированъ и практически осуществленъ во всей чистотѣ по отношенію къ населенію городовъ, гдѣ эти школы только и имѣли распространеніе.

Итакъ, екатерининская школа можетъ быть характеризована тремя эпитетами: государственная, общеобразовательная и безсословная. Первое свойство было унаслѣдовано отъ эпохи Петра Великаго, остальныя же два составляютъ ея самостоятельныя черты, конечно заимствованныя изъ западно-европейской жизни, но на русской почвѣ появившіяся впервые. Эти два важныхъ и для Россіи новыхъ школьныхъ начала болѣе чѣмъ достаточны, чтобы екатерининское время назвать особой, самостоятельной эпохой въ исторіи русской школы вообще.

Но екатерининская эпоха важна еще въ одномъ отношеніи,—въ томъ значеніи, которое она имѣла для *народной школы*. Признанный необходимымъ принципъ безсословности школы достаточно уже говоритъ, что ея услугами могли пользоваться всѣ классы населенія, включая и самыя низшія широкія народныя массы. Но это было возможно лишь тогда и въ томъ случаѣ, если имѣлись налицо такія школы, которыя доступны массамъ. Въ предшествовавшее время такихъ школъ не было, если за таковыя не считать частныя, кое-гдѣ разбросанныя и стоявшія на низкомъ

уровнѣ училища. Екатерининская эпоха впервые сдѣлала попытку разрѣшить этотъ важнѣйшій изъ важныхъ вопросъ, создавъ по уставу 1786 г. народныя школы и даже названіе имъ давъ именно такое. Можно сказать, что единственнымъ практическимъ результатомъ долгихъ исканій въ педагогической области въ эту эпоху была только народная школа; широкій размахъ первыхъ начинаній, пытавшихся разрѣшить грандіозную задачу переустройства людей и ихъ взаимоотношеній, въ концѣ концовъ свелся къ учрежденію народной школы. Насколько успѣшно было разрѣшеніе этого великаго дѣла, мы увидимъ впослѣдствіи, но здѣсь важно отмѣтить, что народная школа, какъ самостоятельный государственный институтъ, ведетъ свое происхожденіе отъ царствованія Екатерины II.

Что же служило причиной перехода къ общеобразовательной и безсословной школѣ? Для насъ ясно, напримѣръ, что профессіональная школа Петра была вызвана непосредственно новыми государственными потребностями и необходимостью обезпечить развитіе практическихъ отраслей въ государственномъ хозяйствѣ. Реальныя нужды государственнаго организма, сознанныя геніемъ Петра, заставили его извлечь изъ нѣдръ дремлющія силы страны, взнуздать, пришпорить и направить ихъ на путь достиженія практическихъ результатовъ, и въ соотвѣтствіи съ этимъ создать опредѣленную, даннымъ нуждамъ удовлетворяющую школу. Отказаться отъ рутины, традиціи, неподвижности прошлаго, потому что въ этомъ была опасность полнаго застоя, сдѣлать страну сильной и богатой, догнать по этому пути ея сосѣдей, сдѣлать ее великодержавной, потому что только этимъ устранялась опасность подавленія со стороны другихъ европейскихъ государствъ,—таковы были задачи Петра, и школа должна была имъ служить. Это была ясная и опредѣленная цѣль, и также ясны и опредѣленны были служебныя цѣли школы. Дѣловой характеръ былъ доминирующимъ началомъ въ этомъ направленіи.

Значительно иныя задачи преслѣдовала екатерининская эпоха и связанная съ нею кровными узами новая школа. Оріентироваться въ нихъ и понять ихъ можно, лишь ознакомившись съ сущностью новыхъ стремленій на Западѣ, гдѣ они выразились яснѣе и полнѣе, чѣмъ въ Россіи, и откуда пришли и къ намъ.

Время XVIII и начала XIX вѣковъ въ исторіи западно-европейскихъ народовъ отмѣчено переворотомъ, который въ конечномъ результатѣ проявился въ томъ, что господствующее положеніе во внутренней жизни отдѣльныхъ странъ, принадлежавшее до тѣхъ поръ дворянству, перешло къ такъ называемому „третьему сословію", къ промышленнымъ, торговымъ и отчасти ремесленнымъ элементамъ населенія. Юридически это преобладаніе было оформлено лишь къ указанному времени, но могущество „третьяго сословія" создалось значительно раньше; оно существовало уже въ началѣ XVIII вѣка. Законодательныя нормы, государственныя учрежденія и пр. признавали господство за дворянствомъ, которое упорно отстаивало свои права въ законѣ. Первымъ застрѣльщикомъ, формулировавшимъ новое фактическое положеніе вещей, явились чуткія ко всякимъ перемѣнамъ жизненныхъ условій литература и философія. Съ могучей силой и безпощаднымъ сарказмомъ онѣ констатировали это народившееся глубокое несоотвѣтствіе между дѣйствительными правами и, такъ сказать, правомъ на эти права отдѣльныхъ классовъ, а въ положительной своей части создали новую теорію, такъ называемый *раціонализмъ*, который своими выводами прокламировалъ *равенство* всѣхъ сословій, провозглашалъ принципъ *гражданства*. „Третьему сословію" не нужно было никакихъ преимуществъ, оно только и добивалось и вполнѣ довольствовалось принципомъ равенства, ибо преимущество для него заключалось въ его матеріальной, фактической силѣ. Поэтому оно приняло эту просвѣтительную, какъ она позже названа, философію цѣликомъ, а раціонализмъ и гражданство сдѣлало своими лозунгами. „Гражданское равноправіе для всѣхъ", одинаковыя для всѣхъ „права человѣка"—это требованіе было фундаментомъ всѣхъ остальныхъ. И законодательство, находившееся въ рукахъ дворянства, волей-неволей должно было дѣлать ему уступку за уступкой, въ томъ числѣ и въ школьномъ вопросѣ. Когда эта борьба выразилась особенно остро, и законодательство медлило исполненіемъ этихъ требованій, ибо удовлетвореніе ихъ полностью повело бы къ потерѣ власти господствующаго сословія,— кризисъ разрѣшился катастрофой.

Въ гораздо меньшемъ масштабѣ развилось къ этому времени „третье сословіе" въ Россіи. Роль его была скромна, и оно не предъявляло никакихъ требованій, по крайней

мѣрѣ ясно выраженныхъ устами сохранившихся памятниковъ литературы. Но если „третье сословіе“ было мало развито, то нужно было позаботиться о его развитіи, потому что оно представляетъ громадную созидательную силу, оно развиваетъ матеріальную мощь страны. Государственная власть не можетъ собственными средствами насадить промышленность и торговлю,—для этого должны быть соотвѣтственные элементы населенія, полные энергіи и инициативы. Они имѣлись въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, они создали тамъ силу, мощь и богатство страны. Необходимо было и въ Россіи ихъ насадить, если государство хотѣло достичь того же богатства. Потребности новаго сословія при его ростѣ, конечно, сталкивались бы съ правами господствующаго дворянскаго класса, но государственныя нужды не оставляютъ другого исхода. Приблизительно такъ слѣдуетъ охарактеризовать тѣ реальные, можетъ быть и неясно сознанные мотивы, которые понуждали Екатерину II стремиться къ укрѣпленію и насажденію „третьяго чина людей“, того самаго „третьяго сословія“, которое подняло мощь нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, въ особенности Англіи и Франціи.

„Третій чинъ людей“ нужно было создать изъ низовъ населенія, какъ онъ въ дѣйствительности и выросталъ. Дворянство—это доказывалъ и опытъ Западной Европы, и собственный россійскій—было неспособно развить промышленныя силы страны. Обезпеченное матеріально помѣстьями и крѣпостными, оно въ своей массѣ не имѣло пока нужды искать новыхъ источниковъ существованія. Въ случаѣ критическихъ обстоятельствъ его представители искали и находили теплый пріютъ на государственной службѣ, традиціей вѣковъ обезпеченной исключительно за нимъ. Всякая другая дѣятельность, кромѣ служебной и помѣщичьей безпечности, почиталась ниже дворянскаго достоинства,—предразсудокъ, который не скоро искоренился обстоятельствами. Пригодные элементы для созидательной работы нужно было искать въ другомъ мѣстѣ—въ средѣ городского населенія, которое дало примѣръ своей энергіи въ Западной Европѣ и отчасти давало его уже и у насъ. Для этого-то населенія преимущественно и нужно было создать школу, именно для всего городского населенія, безъ различія его подраздѣленій на различные слои. Само

собою разумѣется, что и дворянство не должно исключаться, его права не могутъ быть меньше, чѣмъ права другихъ сословій. Въ школѣ долженъ господствовать принципъ равенства, она должна быть *безсословной* въ чертѣ города. Мы увидимъ, что, въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ исканій и колебаній, Екатерина остановилась именно на *городской безсословной, народной школѣ.* Именно къ ней вели государственныя потребности, и именно она въ конечномъ результатѣ и была осуществлена.

Вторымъ принципомъ этой школы былъ ея общеобразовательный характеръ. „Третье сословіе“ не нуждалось въ профессіональной выучкѣ. Петръ въ своихъ профессіональныхъ школахъ готовилъ государственныхъ работниковъ въ разныхъ отрасляхъ, вѣрнѣе—правительственныхъ работниковъ. Какія именно нужды въ правительственномъ организмѣ наиболѣе настойчиво требуютъ своего удовлетворенія, какія именно отрасли слѣдовало прежде всего развить—было ясно. Такія-то и такія. И для удовлетворенія тѣхъ, для развитія другихъ были созданы опредѣленныя школы, которымъ, въ виду возможности уяснить объемъ нужды въ каждой изъ нихъ, былъ приданъ характеръ точнаго назначенія, характеръ профессіональный. Екатерининская эпоха, сохранивъ профессіональную школу для правительственныхъ нуждъ, на городской школѣ не могла вывѣсить опредѣленнаго флага. Новая задача состояла въ томъ, чтобы создать работниковъ не для нуждъ правительства, а для государства въ широкомъ смыслѣ, для народной жизни во всемъ ея объемѣ. Это поле не могло быть изслѣдовано. Для какихъ именно промышленныхъ и торговыхъ отраслей необходимо было образовать людей—не могло быть заранѣе опредѣлено. Наконецъ, какъ сказано, „третье сословіе“ и не нуждалось въ профессіональной выучкѣ. Оно само въ практическихъ областяхъ, какъ это видно было на опытѣ Западной Европы, было двигательной, изобрѣтательной и дѣятельной силой. Ему нуженъ былъ лишь общій фундаментъ, *общее образованіе*, которое позволило бы легче справиться съ его практическими задачами. И екатерининская городская школа давала именно это общее образованіе. Она создавала фундаментъ образованію, получивъ которое люди могли итти „на всякую потребу“.

Прежде чѣмъ дойти до убѣжденія въ необходимости го-

родской безсословной и общеобразовательной школы, Екатерина II пережила длительный періодъ исканій въ значительно иной плоскости. Этотъ періодъ, продолжавшійся 1760—1770 г. г., можно назвать *подготовительнымъ*. Центральными его фигурами были сама Екатерина и Иванъ Ивановичъ Бецкій. Оба дѣятеля приняли всецѣло ученіе просвѣтительной философіи и вытекавшей изъ нея педагогики, переработали эти принципы примѣнительно къ русскимъ условіямъ и стремились ихъ осуществить въ русской жизни: Екатерина вообще въ государственной, а Бецкій — въ школьной области. Второй періодъ, могущій быть названнымъ *практическимъ*, выдвинулъ на первое мѣсто въ ряду дѣятелей Ѳедора Ивановича Янковича де-Миріево, усиліями котораго главнымъ образомъ и была создана городская народная школа. Нѣкоторыя начала общи этимъ періодамъ. Но въ то время какъ въ теченіе перваго изъ нихъ на разрѣшеніе была поставлена грандіозная задача полнаго перевоспитанія людей, созданія идеальнаго гражданскаго общества, во второмъ преслѣдовались сравнительно узкія практическія цѣли, которыя отчасти и были достигнуты. Для исторіи русской народной школы, конечно, гораздо большее значеніе имѣетъ то, что было такъ или иначе, въ большемъ или меньшемъ объемѣ проведено въ жизнь, но и первый періодъ екатерининскаго царствованія не можетъ быть обойденъ молчаніемъ. Исторія любого общественнаго явленія не должна ограничиться изложеніемъ лишь практически осуществившагося въ этой сферѣ, но вынуждена затронуть и освѣтить также и тѣ намѣренія, которыя по какимъ-либо причинамъ остались одними намѣреніями. Совершенно ясно, напримѣръ, что исторія освобожденія крестьянъ была бы не полна, если бы историкъ ограничился изложеніемъ лишь сдѣланнаго и достигнутаго и оставилъ бы незатронутыми предложенія и проекты, не достигшіе практическаго осуществленія. Между тѣмъ педагогическія исканія въ періодъ царствованія Екатерины, названный подготовительнымъ, во всѣхъ своихъ предположеніяхъ и проектахъ постоянно сталкиваются съ вопросомъ о народной школѣ, пытаясь его такъ или иначе разрѣшить.

Подготовительный періодъ.

Идейная почва подготовительнаго періода.

Первая половина царствованія Екатерины II, 1760—1770 годы, составляетъ особую эпоху въ исторіи русской школы. Своеобразность этой эпохи болѣе никогда не повторялась. На разрѣшеніе были поставлены такія задачи, которыя ни до того, ни послѣ того, по крайней мѣрѣ въ такомъ широкомъ и рѣзкомъ масштабѣ, не возникали. Этотъ періодъ всецѣло находится подъ знакомъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка, и состоитъ изъ ряда проектовъ или даже попытокъ реализовать въ жизни ея основные принципы.

Императрица Екатерина II, по своему образу мыслей, по общему міровоззрѣнію, была послѣдовательницей просвѣтительной философіи. Въ молодые годы она начала знакомиться съ произведеніями французской и итальянской литературы того времени, а сдѣлавшись русской великой княгиней, особенно усердно занялась самообразованіемъ. Сочиненія Вольтера и Руссо, Монтескье и Беккаріа, Даламбера и Дидро были ея настольнымъ чтеніемъ. Принципы просвѣтительной философіи она усвоила настолько искренно, что намѣревалась на нихъ перестроить весь государственный укладъ и соціальныя нормы, когда сдѣлалась императрицей.

Чтобы понять мотивы, побуждавшіе императрицу стремиться къ реформамъ въ жизни государства и въ постановкѣ школы, нужно хоть въ общихъ чертахъ ознакомиться съ тѣми началами, которыя были провозглашены просвѣтительной философіей и усвоены ея послѣдовательницей—Екатериной.

Пытаясь найти общую формулу для характеристики просвѣтительной эпохи, проф. Фр. Паульсенъ опредѣляетъ ее какъ время всеобще признаннаго господства *разума*, послѣдовательно проведенный во всѣхъ областяхъ *раціонализмъ*. Изъ упорной борьбы съ традиціями и авторитетами средневѣковья разумъ вышелъ блестящимъ побѣдителемъ. Религіозная теологія, подчинявшая разумъ буквѣ авторитетовъ, какъ бы послѣдняя ни противорѣчила природѣ вещей,

должна была уступить свое мѣсто теологіи разума; схоластическая философія, закрѣпощавшая разумъ неизмѣнными догматами, должна была дать дорогу свободному изслѣдованію, скептицизму и критикѣ. Просвѣтительная эпоха, отнесясь скептически ко всему установившемуся, застывшему и считавшемуся незыблемымъ, довѣряя только разуму,

Екатерина II.

имѣла мужество во всѣхъ областяхъ реальной и идейной жизни, въ государствѣ и правѣ, въ искусствѣ и литературѣ, въ воспитаніи и методахъ обученія, проложить собственные пути. Выражаясь современнымъ терминомъ, это была переоцѣнка всего установившагося съ точки зрѣнія разума, раціонализація какъ міра идей, такъ и міра вещественнаго. Смести съ лица земли всевозможныя суевѣрія, расшатать, вырвать изъ людей и выбросить вонъ все уста-

новившееся на почвѣ традицій, провести во всѣхъ областяхъ принципъ разума, подчинить его единому началу и міръ въ цѣломъ, и его безконечныя детали, и всѣ явленія — въ этомъ и была цѣль, къ которой стремилась просвѣтительная эпоха. Изъ всѣхъ попытокъ монизма, единопричины, единопружины, такъ сказать, единопониманія существующаго, это была наиболѣе успѣшная, для всѣхъ доступная и логически стройно проведенная. Міропониманіе и представленіе первопричинъ существующаго получили свое выраженіе въ такъ наз. *естественной теологіи*, фундаментѣ раціоналистической философіи. Вмѣстѣ съ церковной теологіей признавая бытіе Бога и безсмертіе души, теологія раціоналистическая однако отвергаетъ принципъ откровенія и разные атрибуты, придаваемые этимъ великимъ понятіямъ принятой религіей. Богъ есть субстанція разума, самъ разумъ, созидающій, созданное хранящій и управляющій міровой гармоніей. Этотъ Перворазумъ познается во всеобщей закономѣрности въ природѣ, въ математической правильности небесной системы, въ соотвѣтствіи частей цѣлому. Разумъ человѣка, способность мышленія, житейскій умъ есть частица Перворазума, и въ этомъ смыслѣ первый является подобіемъ послѣдняго, въ этомъ смыслѣ человѣкъ созданъ по образу Бога. Воспитать въ человѣкѣ его разумъ, свойство, которое уподобляетъ его Всеразуму, — въ этомъ заключаются, должны заключаться всѣ историческія стремленія, это и есть, должна быть путеводная звѣзда въ историческихъ судьбахъ человѣка, къ этому сводятся, должны сводиться общественныя заботы по отношенію къ каждому индивидууму. Отсюда, какъ выводъ, вытекаетъ необходимость общественныхъ заботъ о воспитаніи вообще. Принципы разума и разумности положены и въ объясненіе историческихъ явленій, въ пониманіе возникновенія историческихъ формъ и нормъ. Государство и право, религія и языкъ, искусство во всѣхъ его видахъ и литература разсматриваются въ качествѣ продуктовъ планомѣрно и цѣлесообразно творящаго разума; даже языкъ, и тотъ есть не болѣе какъ продуктъ человѣческой изобрѣтательности, постепенно, въ зависимости отъ растущихъ потребностей, совершенствуемый.

Вѣра во всемогущество разума, доминирующая въ просвѣтительную эпоху, налагаетъ свою печать на всѣ совре-

менныя явленія. Во всѣхъ областяхъ матеріальной и идейной жизни мы находимъ стремленіе на мѣсто преданія, старины, традиціи поставить разумное, естественное. Отразилось это и на литературѣ, и на искусствѣ во всѣхъ ихъ видахъ, и тѣмъ болѣе въ области государственно-соціальной, объектомъ которой является самъ человѣкъ. Стремленіе сдѣлать разумнымъ внутреннее устройство государства здѣсь бросается въ глаза особенно явно. Въ основу этихъ стремленій была положена аксіома для просвѣтительной эпохи,—равенство въ существенныхъ чертахъ человѣческой природы. Всѣ люди—существа разумныя, поэтому отъ природы одинаковыя, ибо одинаковъ самъ по себѣ разумъ въ нихъ. Конечно, равенство людей часто затемняется, скрывается подъ разными историческими наслоеніями; задача эпохи, руководительствуемой велѣніями разума, въ томъ и состоитъ, чтобы соскрести и счистить эти чуждыя человѣческому естеству наслоенія. Таковы, напримѣръ, религіозныя различія, столь долго раздѣлявшія людей на враждебныя группы, между тѣмъ какъ истинная религія только одна—религія разума. Таковы, далѣе, національныя различія. Прогрессирующее образованіе сглаживаетъ ихъ, притупляетъ ихъ грани, обнажая идентичность природы людей независимо отъ ихъ національности. Тамъ, гдѣ образованіе достигло высокой степени развитія, эти различія почти совсѣмъ исчезли, и лучшая иллюстрація этому—высшее общество въ Европѣ: при всѣхъ дворахъ говорятъ на одномъ языкѣ — французскомъ, исповѣдуютъ одну религію—естественную, читаютъ одну литературу—Вольтеръ ея пророкъ. Чѣмъ болѣе господствуетъ разумъ, чѣмъ выше стоитъ образованіе, тѣмъ яснѣе выступаетъ братство народовъ. Это космополитизмъ просвѣтительной эпохи, и въ немъ, какъ слѣдствіе, коренится идея „вѣчнаго мира". Война противна здравому смыслу, велѣніямъ разума; вульгарный патріотизмъ, преслѣдующій цѣли возвышенія и расширенія страны за счетъ другихъ, является узкимъ и примитивнымъ чувствомъ; отечество тамъ, гдѣ законодательствуетъ и управляетъ разумъ. Къ случайнымъ историческимъ наслоеніямъ относятся, наконецъ, и общественныя различія. Отъ природы всѣ люди въ существенныхъ чертахъ одинаковы: дѣти дворянина одаряются природою не болѣе щедро, чѣмъ дѣти его послѣдняго слуги. Соціальныя различія и искусственны, и

противоестественны; разумъ повелительно взываетъ къ ихъ уничтоженію. Отсюда—идея равенства и свободы: не должно быть подчиненія одного человѣка другому, всѣ же люди въ одинаковой мѣрѣ подчиняются только одной волѣ—разумному закону; не должно быть никакихъ привилегій, ни сословныхъ, ни по рожденію,—всякій можетъ сдѣлаться тѣмъ, на что даютъ ему право его дарованія. Знаменитыя начальныя формулы „Декларацiи правъ человѣка" лаконически выражаютъ лишь основные тезисы просвѣтительной эпохи.

Великая задача государственной реальной политики состоитъ въ томъ, — таково убѣжденіе теоретиковъ эпохи,— чтобы велѣнія разума воплотить въ дѣйствительность. Къ организаціи управленія страной просвѣтительная эпоха предъявляетъ единственное требованіе: правительство должно руководиться принципами разума, являясь въ своихъ дѣйствіяхъ какъ бы его воплощеніемъ. Просвѣщенный абсолютизмъ—вотъ идеалъ времени. И съ этой стороны просвѣтительная философія могла разсчитывать на полный успѣхъ, такъ какъ въ числѣ ея адептовъ были монархи трехъ крупнѣйшихъ странъ: Іосифъ II, Фридрихъ Великій и Екатерина II. Каждый изъ нихъ исповѣдовалъ символъ вѣры: „Философамъ подобаетъ быть учителями міра, водителями князей; они должны думать послѣдовательно, а мы (князья, монархи) послѣдовательно дѣйствовать; они открываютъ, мы—проводимъ въ жизнь"; и каждый изъ нихъ болѣе или менѣе энергично, болѣе или менѣе послѣдовательно стремился къ осуществленію воспринятыхъ ими идей; рядъ реформъ въ Пруссіи, освобожденіе крестьянъ въ Австріи и попытки реформъ въ Россіи свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Можетъ быть, ни въ одной области не проявились такъ ярко новыя идеи и критика существующаго, какъ въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Страстный порывъ къ улучшенію воспитанія, матеріала и методовъ преподаванія—особенно характерная черта просвѣтительной эпохи. Философской предпосылкой служитъ здѣсь то же указанное положеніе: всѣ люди надѣлены частицей Перворазума, а отсюда выводъ: всѣ они могутъ и должны сдѣлаться разумными, добродѣтельными и счастливыми существами. Если этого нѣтъ, если суевѣріе, пороки и глупость господствуютъ среди цивилизованныхъ народовъ, то объясняется это ложностью путей, по которымъ шествовало человѣчество, противными

природѣ и разуму общественными учрежденіями, извращенностью воспитанія, ошибкой въ выборѣ матеріала, усваиваемаго человѣкомъ въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ. Руссо первый провозгласилъ тезисъ: не въ природѣ людей, а въ ихъ ростѣ, въ ихъ инертности и равнодушіи, въ извращеніи природныхъ склонностей и разума, въ общественномъ устройствѣ, въ суевѣріи кроется причина того, что такъ много людей, созданныхъ природою быть разумными и счастливыми, живутъ въ бѣдности, невѣжествѣ, грубости и порокахъ. „Человѣкъ отъ природы золъ"—этотъ догматъ лживъ. Наоборотъ, онъ добръ отъ природы, всей своей организаціей и естественными побужденіями онъ стремится къ здоровому, нормальному развитію—сдѣлаться правдивымъ, сильнымъ и способнымъ существомъ. Если же онъ этого не достигаетъ, то вина лежитъ не въ его природѣ, а въ обществѣ, которое его лишило соотвѣтствующихъ его естеству условій развитія. Съ крайними пессимистическими воззрѣніями на общественныя условія и учрежденія, на современную культуру здѣсь спаянъ такой же оптимистическій, свѣтлый взглядъ на естество человѣка, на тѣ задатки, которые вложены въ него природой. Современники и послѣдователи Руссо вполнѣ раздѣляли вѣру его въ природу человѣка и въ то, что путемъ цѣлесообразнаго воспитанія и можно и должно совершенно обновить и исправить человѣческій родъ. Эта вѣра ярко горитъ въ фанатизмѣ Робеспьера, она вдохновляетъ бурное краснорѣчіе Фихте, она звенитъ въ горячихъ воззваніяхъ Базедова къ сильнымъ міра, она сжигаетъ сердце Песталоцци. Если только мы хотимъ, дѣйствительно хотимъ,—отъ насъ самихъ зависитъ выполнить великое дѣло обновленія человѣчества.

Путь къ исправленію воли человѣка лежитъ черезъ просвѣщеніе, развитіе его умственныхъ способностей. Если людямъ ясна правда, истина, они всегда будутъ поступать сообразно ей, ибо въ интересахъ каждаго жить разумно и добродѣтельно, ибо въ этомъ и есть путь къ личному и вмѣстѣ съ тѣмъ къ общественному счастью. Только ложныя воззрѣнія прокладываютъ ложные пути. Сдѣлать человѣка мыслящимъ, fair bien raisonner,—въ этомъ и кроется великая задача школы, въ этомъ же и панацея отъ всѣхъ общественныхъ бѣдъ: стройте школы, не нужны будутъ тюрьмы! Менѣе всего, однако, воспитывать и развивать мышленіе

можетъ существующая школа; принятый ею учебный матеріалъ и методъ преподаванія обращается исключительно къ памяти дѣтей, совершенно пренебрегая воспитаніемъ ума. Безотчетное заучиваніе безсмысленно изложеннаго хлама— въ этомъ и состоитъ весь результатъ многолѣтней школьной пытки. О природѣ и ея красотахъ, о жизни и ея повседневныхъ явленіяхъ ребенокъ ничего не узнаетъ. А такъ какъ въ душѣ его нѣтъ никакихъ стимуловъ, которые толкали бы его къ текстамъ катехизиса или къ пышнымъ фразамъ элоквенціи, такъ какъ ребенокъ равнодушенъ къ этимъ и подобнымъ предметамъ, то, какъ средство поощренія, пускается въ ходъ палка, превращающая школу въ мѣсто пытки и экзекуцій. Въ результатѣ — отвращеніе къ ученію и полное невѣжество, по крайней мѣрѣ, въ девяти изъ десяти случаяхъ. „О, вы, школы!—восклицаетъ одинъ изъ непримиримыхъ ихъ враговъ,—вы разрушаете природу человѣка, вы парализуете стремленія и порывы души. Сотни лѣтъ лежитъ школьная пыль. Молодой и старый, кто въ ней долженъ жить и ею дышать, получаетъ болѣзнь мозга. Вокругъ него ложится крѣпкая кора, черезъ которую не проникнуть ни добру, ни истинѣ. Любовь къ людямъ и радости жизни уже въ весенніе годы человѣка заболѣваютъ безнадежной чахоткою. Сжальтесь, друзья, сжальтесь надъ весенними годами!“

Что же ставитъ сама просвѣтительная педагогика на мѣсто мертваго книжнаго знанія? Ея цѣли въ этомъ отношеніи можно формулировать такъ: обученіе живому познанію дѣйствительности, пріобрѣтаемому непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ вещнымъ міромъ и служащему къ пониманію окружающаго и къ господству надъ нимъ. Иллюстраціей этого положенія можетъ служить воспитаніе Эмиля въ сочиненіи Руссо „Эмиль“. Въ дѣтствѣ онъ ничего не знаетъ о тѣхъ наукахъ, которыя преподаются въ школахъ уже малымъ дѣтямъ, не умѣетъ ни читать, ни писать, не изучаетъ текстовъ катехизиса и латинскихъ вокабулъ, но зато ему въ подробности знакомо все то, что воспринимаетъ предоставленный воспитанію самой природы деревенскій мальчикъ; онъ никогда не слыхалъ объ астрономіи, но зато собственными глазами видѣлъ восходъ и закатъ солнца лѣтомъ и зимой; у него нѣтъ познаній въ географіи и естественной исторіи, но зато онъ знаетъ каждую тропинку въ

окрестности, а животныя и растенія—его друзья; онъ живетъ среди природы, среди ея дѣтей и явленій, друженъ, сроднился съ ними и понимаетъ ихъ. Во главѣ угла зданія новой педагогики ставится *наблюденіе*, а общіе контуры педагогической эволюціи вырисовываются въ такомъ видѣ: *отъ наблюденія къ понятію, отъ понятія къ системѣ.* Устарѣлая педагогика поступаетъ какъ разъ наоборотъ, начиная съ системы, съ догмъ катехизиса, въ которыхъ дается понятіе о Богѣ и мірѣ, переходя затѣмъ къ опредѣленіямъ и объясненіямъ отдѣльныхъ частныхъ понятій и предоставляя всецѣло случаю самую важную часть педагогики,—непосредственное наблюденіе явленій природы и жизни. Постройка зданія ведется въ воздухѣ, начиная съ крыши. Новая педагогика хочетъ строить на землѣ. Сначала ясно и твердо воспринимается ребенкомъ представленіе о внѣшнемъ мірѣ, послѣ этого въ немъ постепенно пробуждается интересъ къ анализу понятій, и только въ заключеніе слѣдуютъ вопросы объ образѣ, причинахъ и смыслѣ цѣлаго, вѣчные вопросы о мірѣ и жизни; тогда лишь наступаетъ время для преподаванія философіи и религіи.

Указанному методу обученія, образованію ума, должно соотвѣтствовать и образованіе воли, т.-е. воспитаніе. Устарѣлое воспитаніе полагало возможнымъ придать волѣ то или другое направленіе путемъ принужденія. Подъ угрозой наказанія воспитаннику предписывается, что̀ онъ долженъ и чего не долженъ дѣлать и какъ обязанъ поступать. Этимъ путемъ достигается въ лучшемъ случаѣ внѣшняя покорность. Воспитанникъ не понимаетъ, ни почему зло есть зло, ни почему внушаемая ему добродѣтель есть добродѣтель. Все это исповѣдывается имъ только потому, что въ противномъ случаѣ ему угрожаетъ наказаніе. Воспитаніе же, выдвигаемое просвѣтительной эпохой, исходитъ изъ убѣжденія, что такъ же невозможно путемъ принужденія привить дѣтской душѣ добродѣтель и любовь къ добру, какъ побоями и наказаніемъ нельзя достигнуть образованія ума; изъ-подъ палки можно только дрессировать, но не воспитывать. Задача воспитанія должна сводиться единственно къ тому, чтобы прійти на помощь природѣ, устранить всѣ препятствія къ естественному развитію заложенныхъ въ человѣкѣ задатковъ. Пусть ребенокъ самъ постепенно, путемъ столкновенія съ дѣйствительностью, путемъ опыта, составляетъ себѣ убѣжденія въ

сферѣ отношеній человѣка къ человѣку и къ окружающему его міру. Наши поступки такъ или иначе воздѣйствуютъ на окружающее, что въ свою очередь такъ или иначе, хорошо или худо, пріятно или непріятно, отражается на насъ самихъ. Научиться управлять своими дѣйствіями по отношенію къ природѣ и людямъ такъ, чтобы для нихъ было благотворно наше дѣйствіе и для насъ былъ пріятенъ результатъ послѣдняго,—въ этомъ и заключается великая задача, поставленная каждому человѣку. Въ концѣ концовъ, человѣкъ рѣшаетъ ее на основаніи собственнаго опыта и личнаго наблюденія, воспитаніе же извнѣ приходитъ ему на помощь въ томъ смыслѣ, что руководитъ его сужденіемъ помогаетъ распознавать взаимную зависимость между его дѣйствіемъ и вызваннымъ имъ противодѣйствіемъ, наконецъ, съ ранняго дѣтства закрѣпляетъ за ребенкомъ хорошія привычки и преграждаетъ ему доступъ на ложную дорогу. Чтобы съ успѣхомъ вести дѣло воспитанія, воспитатель самъ долженъ быть высоконравственнымъ человѣкомъ, въ себѣ лично воплощать добродѣтель и снискать себѣ уваженіе въ воспитанникѣ. Опасеніе оказаться нехорошимъ въ глазахъ воспитателя рождаетъ въ ребенкѣ боязнь всего низкаго, надежда же заслужить его похвалу, наоборотъ, создаетъ стремленіе къ добродѣтельному. Если вообще существуетъ внѣшнее средство воспитать волю въ наклонностяхъ къ доброму, то таковымъ могутъ быть похвала, отличіе, но ни въ какомъ случаѣ ни побои, ни палка.

Таковы въ общихъ чертахъ идеи и стремленія просвѣтительной философіи. Общую ея часть, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ слишкомъ радикальныхъ воззрѣній Руссо, Екатерина II приняла цѣликомъ, и составленный ею „Наказъ комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія“ былъ, какъ извѣстно, насквозь пропитанъ этими идеями. Восприняла она также и педагогическіе выводы, нѣсколько, впрочемъ, измѣненные подъ вліяніемъ Бецкаго. Тѣ два принципа, которые характеризуютъ позднѣйшую школу Екатерины,—общеобразовательный характеръ и безсословность,—содержатся уже здѣсь. Разъ люди отъ природы равны, разъ сословныя рамки являются искусственнымъ наслоеніемъ, понятно, что во исполненіе велѣній природы и разума необходимо всѣмъ дать образованіе, притомъ одинаковое, независимо отъ случайности рожденія и принадлежности къ тому или иному

состоянію. Необходимость общаго образованія вытекаетъ изъ положенія, что каждому человѣку должна быть прежде всего дана возможность познать самого себя и свои отношенія къ другимъ людямъ и къ окружающему міру.

Проекты школьной реформы.

Вдохновителемъ Екатерины въ собственно педагогическихъ начинаніяхъ въ самомъ началѣ ея царствованія былъ И. И. Бецкій.

Иванъ Ивановичъ Бецкій родился 3 февраля 1704 г. въ Стокгольмѣ и былъ побочнымъ сыномъ г. маіора кн. Ивана Юрьевича Трубецкого, послѣ Нарвскаго сраженія попавшаго плѣнникомъ въ Швецію и вступившаго тамъ въ незаконный бракъ (при жизни первой жены) съ баронессой Вреде. Отъ этого союза и родился Бецкій, получившій сокращенную фамилію отца. Воспитаніе онъ получилъ въ Копенгагенѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, въ 1721 г. пріѣхалъ, вскорѣ по возвращеніи отца изъ плѣна, въ Россію, былъ опредѣленъ Петромъ Великимъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и по порученію послѣдней часто ѣздилъ курьеромъ въ разныя западно-европейскія государства. Въ 1742 г. Елизаветой Петровной онъ былъ пожалованъ въ камергеры, но службы никакой не несъ; въ 1747 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора и уѣхалъ въ длительное путешествіе, подолгу останавливаясь въ разныхъ крупныхъ центрахъ Западной Европы, знакомясь съ выдающимися современниками, присматриваясь къ учебнымъ и благотворительнымъ учре-

И. И. Бецкій.

жденіямъ и усваивая себѣ передовые взгляды тогдашней философіи на общественный строй и его недостатки. Въ 1758 г. онъ былъ Петромъ III вызванъ въ Россію и пожалованъ въ генералъ-поручики, однако безъ опредѣленной службы. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II роль Бецкаго быстро опредѣлилась. Императрица обратила на него вниманіе послѣ восторженнаго отзыва о немъ своей матери, принцессы Ангальтъ-Цербстской, которой Бецкій былъ представленъ во время своихъ путешествій, вскорѣ оцѣнила его образованность, изящный вкусъ, поручила его заботамъ канцелярію строеній и академію художествъ и сдѣлала его своимъ чтецомъ. Сблизившись съ его стремленіями и взглядами, одушевлявшими и Екатерину, она рѣшила отдать ему въ руки дѣло народнаго образованія. Въ 1763 г. Бецкій былъ назначенъ президентомъ академіи художествъ и директоромъ кадетскаго корпуса и получилъ порученіе устроить при нихъ воспитательныя заведенія по собственному плану.

Бецкій, какъ и Екатерина, былъ послѣдователемъ просвѣтительной философіи, а собственно педагогическія воззрѣнія выработалъ на основаніи теоріи Локка, которая, раздѣляя въ общемъ главныя положенія раціонализма и вытекающія изъ нихъ педагогическія идеи, во главу педагогики ставила принципъ *воспитанія*, отводя *обученію* второстепенную роль. Вся сущность этой теоріи сводится къ тому, что необходимо населеніе государства превратить въ идеальныхъ гражданъ, въ „новую породу", а достичь этого можно путемъ цѣлесообразнаго воспитанія — и только воспитанія.

„Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества".

Получивъ порученіе при академіи наукъ и художествъ и кадетскомъ корпусѣ учредить воспитательныя заведенія на исповѣдываемыхъ имъ началахъ, Бецкій составилъ докладъ императрицѣ, въ коемъ кратко, почти афористически изложилъ свои основныя мысли, которыя будутъ имъ руководить въ предпринятомъ дѣлѣ. Этотъ докладъ, извѣстный подъ именемъ „Генеральнаго учрежденія о воспитаніи обоего пола юношества", 12 марта 1764 г. былъ утвержденъ императрицей, какъ актъ, долженствовавшій

лечь въ основу цѣлой педагогической системы для всего государства. Введеніе къ „Генеральному учрежденію", написанное отъ лица Бецкаго, несомнѣнно ему и принадлежитъ, что же касается центральной его части, въ которой собственно и излагаются новыя педагогическія воззрѣнія, то относительно автора ея возникаютъ сомнѣнія, — принадлежитъ ли она Бецкому или самой Екатеринѣ. Самый текстъ доклада говоритъ какъ будто въ пользу послѣдняго предположенія. Въ началѣ доклада Бецкій пишетъ: „... не знаю, изъяснилъ ли я слабымъ моимъ писаніемъ вашего императорскаго величества намѣренія, какимъ образомъ учредить въ Россіи воспитательныя училища; но то знаю, что всѣ мѣры употребилъ, тщательно стараясь изобразить точно слово отъ слова всѣ данныя мнѣ изустно повелѣнія и высокія мысли августѣйшей моей монархини, какъ слѣдуетъ". Изъ этого слѣдовало бы сдѣлать выводъ, что эта часть не написана, а только обработана Бецкимъ по идеямъ, изустно изложеннымъ ему императрицей. Противъ этого, однако, говоритъ то обстоятельство, что сама теорія, изложенная въ „Генеральномъ учрежденіи", принадлежитъ самому Бецкому, что, слѣдовательно, если ему и дано было порученіе въ литературной формѣ изложить высказанныя Екатериной мысли, то источникомъ и первоавторомъ ихъ былъ все же Бецкій, во время неоднократныхъ бесѣдъ высказывавшій ихъ императрицѣ и склонившій ее къ принятію и проведенію ихъ въ законодательство. Что же до собственныхъ словъ Бецкаго въ докладѣ, то они, надо признать, являются издавна традиціей установленной вѣрноподданнической вѣжливостью, по которой всякій министръ и чиновникъ исполняетъ лишь предначертанія своего монарха.

Въ „Генеральномъ учрежденіи" ярко отразились стремленія пересоздать общество, образовать истинныхъ гражданъ путемъ соотвѣтственнаго воспитанія. „Корень всему злу и добру—воспитаніе"—говорится въ проектѣ. „Украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ".

Воспитаніе — основное начало, альфа и омега добраго гражданина. Достигнуть этого проектируется такимъ образомъ: „произвести сперва способомъ воспитанія, такъ ска-

зать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бъ паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки". Чтобы выполнить эту задачу, на первыхъ же порахъ нужно „завести воспитательныя училища для обоего пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и шестому году" и держать ихъ „до 18 и 20 лѣтъ безвыходно..." Въ теченіе этого времени „не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники, хотя и могутъ видѣть ихъ въ назначенные дни, но не инако, какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое съ людьми безъ разбору обхожденіе... весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образы добродѣтелей". Идеальное воспитаніе гражданъ должно состоять въ томъ, чтобы „вселять въ юношей страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ, пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ, возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, и чтобы страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научить ихъ пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ...; особливо же вкоренять въ нихъ... склонность къ опрятности и чистотѣ..., однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію и которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служитъ оному украшеніемъ". На ряду съ этимъ рисункомъ слишкомъ школьнаго идеала гражданина въ докладѣ высказывается такая здравая мысль, которая и донынѣ служитъ основой раціонально поставленной педагогики: юноши „обучаемы быть должны съ примѣчаніемъ такимъ, что прежде, нежели отрока обучать какому-либо художеству, ремеслу или наукѣ, надлежитъ разсмотрѣть его склонности и охоту и выборъ оныхъ оставить ему самому; душевныя ихъ склонности всемѣрно

долженствуютъ... надъ всѣми прочими уваженіями преимуществовать, ибо давно доказано, что не предъуспѣваетъ онъ ни въ чемъ томъ, чему будетъ прилежать по неволѣ, а не по своему желанію". Далѣе „Генеральное учрежденіе" останавливается на томъ, чтобы въ школьныхъ помѣщеніяхъ было достаточно чистаго воздуха и чтобы „всякими невинными забавами и играми... юношество увеселять и чрезъ то мысли его приводить всегда въ одобреніе, а напротивъ того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбіемъ назваться можетъ".

Авторъ проекта хорошо понимаетъ, что такія условія воспитанія требуютъ исключительныхъ, самотверженно отдающихся дѣлу воспитателей и руководителей, и эту мысль подчеркиваетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „... Понятно, какая потребна осторожность и благоразуміе въ выборѣ учителей и учительницъ, а особливо главныхъ надъ воспитательными училищами директоровъ и правителей. Въ послѣднихъ сихъ вся важность и затрудненіе состоитъ: имъ надобно быть... извѣстной и доказанной честности и прямодушія...; особливо же надлежитъ имъ быть терпѣливымъ, разсмотрительнымъ, твердымъ и правосуднымъ и, однимъ словомъ, таковымъ, чтобъ воспитывающееся юношество любило ихъ, почитало и во всемъ добрый примѣръ отъ нихъ получало". Въ заключеніе Бецкій останавливается на необходимости, для успѣшности дѣла, устроить „особливое учрежденіе", которое вѣдало бы всѣми воспитательными учрежденіями и давало бы соотвѣтственныя „наставленія, кои надлежитъ сочинить съ великимъ размышленіемъ и осторожностью, дабы все соображено было ясно, внятно и точно, и чтобы ничего того пропущено не было, что надлежитъ до учителей, учениковъ, до поведенія тѣхъ и другихъ и до общаго въ сихъ училищахъ наблюдаемаго порядка. Ибо при начинаніи сего надобно сперва за точное принять правило: или дѣлать и дѣлать цѣлое и совершенное, или такъ оставить и не начинать".

Такъ въ представленіи увлекавшихся западно-европейской философіей императрицы и Бецкаго преломился принципъ Монтескье, выведенный изъ реальныхъ наблюденій, принципъ, что человѣкъ съ его характеромъ, склонностями и привычками есть продуктъ среды. Екатерина II задумала создать искусственную среду, въ которой совершен-

но не слышно было бы житейскаго шума, волненіе жизни до которой совершенно не доходило бы, и въ нее посадить еще неоформившагося человѣка, лишивъ его общенія съ внѣшнимъ міромъ до зрѣлаго возраста. Если встрѣчаются въ природѣ отдѣльныя отъ океановъ и морей тихія и безбурныя озера, то создать нѣчто подобное въ жизни, во-первыхъ, едва ли возможно и, во-вторыхъ, едва ли желательно. Человѣко-растенія, воспитавшіяся въ подобной теплицѣ, можетъ быть, и не знали бы многихъ черныхъ, отрицательныхъ сторонъ жизни, но зато они и были бы совершенно неприспособлены къ ней, напоминая хилое растеніе въ бурю. Нѣчто подобное и происходило съ питомцами тѣхъ учрежденій, которыя были осуществлены по этому плану: наивность и незнаніе жизни воспитанницъ Смольнаго института вошли въ пословицу.

Увлеченная педагогическими идеями просвѣтительной литературы императрица задалась грандіозной мыслью—въ корнѣ измѣнить общественные нравы, привычки и воззрѣнія, надѣясь достигнуть этого измѣненіемъ самаго назначенія общественной школы и пропусканіемъ черезъ ея горнило молодыхъ поколѣній, постепенно расширяя этотъ масштабъ и поле дѣятельности новаго воспитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ перевоспитанія общества. Прежняя школа только учила, новая же должна была главнымъ образомъ воспитывать; перемѣна цѣли, по формулировкѣ Бецкаго, состояла въ томъ, чтобы „не токмо науки и художества умножить въ народѣ, но и вкоренить въ сердца добронравіе". Впервые въ Россіи школа брала на себя задачу, принадлежавшую до той поры исключительно семьѣ—воспитаніе, и посягала она на это издревле освященное право семьи не по формальнымъ соображеніямъ, а во имя высокихъ побужденій, во имя новыхъ идеаловъ. Въ задачи воспитанія школа намѣревалась ввести совершенно новые пріемы и поставить новыя цѣли. Въ то время какъ древнерусская семья давала молодому поколѣнію опредѣленное, вѣками выработанное воспитаніе, кладя въ основу его предписанія религіи и примѣняя методическое правило для успѣха дѣла „не щадить жезла, сокрушать ребра, не играть и не смѣяться съ дѣтьми", школа принимаетъ въ свое вѣдѣніе воспитаніе съ другими цѣлями и намѣревается для достиженія ихъ примѣнять иныя средства. Религіозные тезисы отступили на второй планъ, а ихъ мѣсто заняли пере-

численныя выше „гражданскія добродѣтели“. Гуманитарный идеалъ, зародившійся въ Европѣ въ эпоху Возрожденія и положенный въ основаніе новой системы воспитанія, исходитъ изъ уваженія къ правамъ и свободѣ личности; преклоняясь передъ природой и естественностью, онъ устраняетъ изъ педагогики все, что носитъ характеръ насилія и принужденія, и задачи воспитанія ограничиваетъ наблюденіемъ и уходомъ за всѣми самобытными, оригинальными склонностями каждаго воспитанника. „Не вѣря въ прирожденныя качества дѣтей, плохо вѣря вообще въ наслѣдственность, гуманитарный идеалъ хотя и не смотритъ на человѣка, какъ на бѣлую доску, на которой можно писать, что угодно, но зато охотно сравниваетъ душу ребенка съ мягкимъ воскомъ, изъ котораго можно вылѣпливать самыя разнообразныя формы. Воспитательный матеріалъ признается готовымъ даннымъ, но въ рукахъ опытнаго педагога этому матеріалу предстоитъ получить правильную обработку“ (Милюковъ).

Вслѣдъ за педагогами и философами Запада Екатерина и Бецкій мечтаютъ пересоздать человѣчество, создать „новую породу“ людей посредствомъ воспитанія. Воспитаніе должно вестись въ закрытой школѣ, это необходимое условіе, указанное еще въ „Духовномъ регламентѣ“ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, съ которымъ въ этомъ отношеніи Екатерина и Бецкій вполнѣ сходятся, еще далѣе заходя, впрочемъ, въ установленіи минимальнаго возраста, когда дѣти вступаютъ въ стѣны интерната, и въ ограниченіи сношеній учениковъ съ внѣшнимъ міромъ. По Прокоповичу, дѣтей слѣдуетъ помѣщать въ закрытыя школы около десяти лѣтъ, „ибо таковаго возраста дѣти еще не вельми обучилися злонравію“, а отпуски домой, хотя и кратковременные, все же допускаются, „Генеральное учрежденіе“ же минимальный возрастъ для пріема дѣтей устанавливаетъ 4—5-лѣтній, а сношенія ихъ съ внѣшнимъ міромъ почти совершенно прекращаетъ, разрѣшая свиданія съ родными только въ стѣнахъ школы и въ присутствіи наставниковъ.

На основаніи „Генеральнаго учрежденія“ Бецкому поручались двѣ задачи: создать образцовыя школы по намѣченному плану, во-первыхъ, и выработать подробные регламенты для воспитательныхъ училищъ „во всѣхъ губерніяхъ Россійской имперіи“, во-вторыхъ, т.-е. составить планъ общей

учебной реформы. На первыхъ порахъ Бецкій сосредоточился на первой задачѣ.

Въ 1760-хъ годахъ возникъ рядъ учебно-воспитательныхъ заведеній, уставы которыхъ были составлены Бецкимъ съ примѣненіемъ новыхъ педагогическихъ принциповъ: въ маѣ 1764 г. явился уставъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ, въ ноябрѣ того же года—уставъ воспитательнаго училища при академіи художествъ, по образцу котораго годомъ позже было учреждено воспитательное отдѣленіе при гимназіи академіи наукъ, въ январѣ 1765 г. утвержденъ уставъ „особливаго училища" при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ для мѣщанскихъ дѣвицъ, въ сентябрѣ 1766 г.—новый уставъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса и въ августѣ 1767 г.—генеральный планъ московскаго воспитательнаго дома. Всѣ перечисленныя училища должны были служить лишь отдѣльными, частными опытами общей учебной реформы, которую современемъ предполагалось распространить на всю Россію.

Такимъ образомъ, эти опыты коснулись какъ мужскихъ, такъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Ограничиться реформой только первыхъ Екатерина не могла, ибо цѣлью ея было „произвести новое порожденіе, отъ котораго прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли", другими словами—имѣлось въ виду создать новую семью. И вотъ, наряду съ открытіемъ отдѣленій для малолѣтнихъ дѣтей при академической гимназіи и сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, Екатерина впервые создаетъ по этому же типу общественную школу для женщинъ, устроивъ при Смольномъ монастырѣ закрытое учебное заведеніе для благородныхъ дѣвицъ и при Новодѣвичьемъ—для мѣщанокъ. При этомъ императрица и Бецкій исходили изъ той мысли, что между мальчиками и дѣвочками, по отношенію къ общему образованію, не слѣдуетъ дѣлать различія. Хотя эта новая для тогдашняго общества мысль впослѣдствіи, даже еще при Екатеринѣ, и претерпѣла значительныя измѣненія въ томъ смыслѣ, что „намѣреніе и конецъ воспитанія дѣвицъ состоитъ наипаче въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ добрыми хозяйками, вѣрными супругами и попечительными матерями", но въ разсматриваемый моментъ она исповѣдовалась и императрицей, и ея ближайшими помощни-

ками во всей чистотѣ. „Самостоятельное умственное развитіе при помощи серьезнаго чтенія и размышленія, выработка своего собственнаго взгляда на жизнь и подготовка къ дѣятельной роли въ жизни“—таковъ идеалъ женскаго воспитанія Екатерины, срисованный съ нея самой.

Что касается проведенія въ жизнь воспитательныхъ принциповъ Екатерины и Бецкаго, то для этого, какъ понятно изъ существа дѣла, нужно было слишкомъ много благопріятныхъ условій, и раньше всего нужны были подходящіе воспитатели. Насколько хорошо понималъ это самъ Бецкій, видно изъ слѣдующей его фразы: „Если найдутся подобные учителя, то объ успѣхахъ сомнѣваться не можно; буде же, по несчастію, такихъ людей не достанемъ, тщетны будутъ всѣ предписанія и всѣ старанія о произведеніи благонравія и успѣховъ“. Но въ тогдашней Россіи такихъ людей не могло быть, если же и находились, то лишь отдѣльныя единицы, да и то изъ проживавшихъ въ столицѣ иностранцевъ. Поэтому понятно, что кое-какіе успѣхи были достигнуты, нѣкоторыя изъ предначертаній Екатерины были выполнены только тамъ, гдѣ во главѣ учрежденія оказалось подходящее лицо, какъ, напримѣръ, въ Смольномъ институтѣ (m-me Lafont) и отчасти въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ, директоромъ котораго былъ самъ Бецкій. Правда, что въ первомъ изъ нихъ учебное дѣло было отодвинуто на второй планъ, а впередъ выступили заботы о привитіи воспитанницамъ свѣтскихъ изящныхъ манеръ и умѣніи говорить по-французски; правда, что воспитанники шляхетскаго кадетскаго корпуса „знали все, кромѣ того, что нужно знать офицеру“, были энциклопедистами и менѣе всего военными; но въ этомъ была скорѣе польза, чѣмъ вредъ: русское общество того времени отличалось такими нравами, что всякая струя въ пользу свѣтскости должна была считаться достойнымъ пріобрѣтеніемъ. Смолянки приносили изъ института въ незнакомую имъ и дикую жизнь высокій нравственный складъ и живые умственные интересы, а кадетами шляхетскаго корпуса Екатерина сама гордилась: „Напрасно думаютъ“, писала она, „что мои кадеты приготовляются единственно для войны... Мои кадеты сдѣлаются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаютъ быть, и выберутъ себѣ поприще по своимъ вкусамъ и склонностямъ“.

Смольнымъ институтомъ и шляхетскимъ корпусомъ и органичились почти всѣ успѣхи воспитанія „новой породы

людей“. Остальные опыты,—малолѣтнія отдѣленія при академіи наукъ и художествъ,—не дали никакихъ положительныхъ результатовъ. Но если такъ низки были успѣхи съ новой системой въ столицѣ, близко ко Двору, гдѣ сама императрица заботилась о дѣлѣ, гдѣ жилъ Бецкій и его помощники, то что можно было ожидать отъ подобныхъ же учрежденій въ глубинѣ Россіи, сѣтью которыхъ проектировалось покрыть всю страну. Если бы эти намѣренія и осуществились, то отъ нихъ пришлось бы отказаться въ самый короткій срокъ, ибо безнадежность жизнеспособности такихъ воспитательныхъ учрежденій, въ особенности для тогдашней Россіи, обнаружилась бы съ безусловной несомнѣнностью.

„Генеральный планъ государственныхъ гимназій“.

Дальнѣйшаго распространенія воспитательныя учрежденія по плану Екатерины и Бецкаго не получили. По причинамъ, характеръ которыхъ донынѣ еще окончательно не выясненъ, вторая часть задачи распространенія просвѣщенія въ Россіи на новыхъ началахъ, т.-е. выработка регламентовъ воспитательныхъ училищъ и осуществленіе ихъ во всѣхъ губерніяхъ, отъ Бецкаго вскорѣ перешла въ другія руки. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, дѣло представляется въ такомъ видѣ. Возложивъ оффиціально на Бецкаго обязанность составить планъ повсемѣстнаго учрежденія воспитательныхъ училищъ, Екатерина частнымъ образомъ поручила собрать свѣдѣнія и представить соображенія по этому вопросу исторіографу Герарду Миллеру и капеллану англійской факторіи въ Петербургѣ Дюмареску. Оба эти лица представили соотвѣтственныя записки, которыя, по порученію Екатерины, были разсмотрѣны статсъ-секретаремъ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ. Послѣдній представилъ свои соображенія Бецкому, и такъ какъ Бецкій отнесся къ нимъ отрицательно, то Тепловъ обратился съ докладомъ къ императрицѣ. Результатомъ этого было повелѣніе объ образованіи особой комиссіи для составленія плана учебной реформы. Въ эту комиссію на правахъ ея членовъ вошли Г. Н. Тепловъ, Г. Миллеръ, Дюмарескъ, профессоръ Московскаго университета Филиппъ Дильтей, представившій нѣсколько раньше императрицѣ самостоятельный

проектъ учебной реформы, о чемъ будетъ рѣчь ниже, и вице-президентъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ Тимофей фонъ-Клингштетъ.

Въ концѣ 1766 г. императрицѣ былъ представленъ выработанный этой комиссіей и обстоятельно мотивированный „генеральный планъ дѣтскихъ воспитательныхъ академій“ или „государственныхъ гимназій“. Докладъ составителей плана (кромѣ Теплова, представившаго особую записку), излагавшій въ 24 статьяхъ основанія учебной реформы, цѣль ея полагалъ въ томъ, чтобы „со временемъ родители благонравные дѣтямъ своимъ и полезные обществу сограждане происходить могли; ибо они тѣ же основанія въ сердцѣ дѣтямъ своимъ оставлять могутъ, въ которыхъ сами вскормлены и воспитаны, и симъ образомъ преемниками благонравія все ихъ наслѣдіе учинится въ вѣки“. Проектированныя генеральнымъ планомъ „государственныя гимназіи“ представляли своеобразный типъ воспитательно-учебнаго заведенія, совмѣщавшаго задачи низшей, средней и высшей школы. Открытыя для всѣхъ россійскихъ подданныхъ православнаго исповѣданія „безъ всякаго различія званія и природы“, однако кромѣ крѣпостныхъ, государственныя гимназіи принимаютъ учениковъ, подобно заведеніямъ Бецкаго, въ младенческомъ возрастѣ, 5—6 лѣтъ, и выпускаютъ зрѣлыми юношами по 18 году. По примѣру училища при академіи художествъ, курсъ гимназій состоитъ изъ трехъ классовъ, по четыре года въ каждомъ. „По разности званій и намѣреній учащихся“ гимназіи раздѣляются на четыре категоріи: 1) училища для ученыхъ людей, 2) военныя, 3) гражданскія и 4) купеческія. Курсъ младшихъ двухъ классовъ, т. е. первыхъ 8 учебныхъ лѣтъ, одинаковъ для училищъ всѣхъ четырехъ категорій, но старшій, третій курсъ (послѣдніе 4 года) спеціализируется „сходственно съ родомъ житія, къ которому сіи дѣти себя опредѣляютъ“. Для управленія государственными гимназіями проектировалось особое учебное вѣдомство во главѣ съ протекторомъ или главнымъ попечителемъ, „знатнѣйшей особой“, имѣющей право непосредственныхъ докладовъ верховной власти. При протекторѣ состоитъ совѣтъ директоровъ, назначаемыхъ изъ ученыхъ людей; на ихъ обязанности лежитъ изысканіе лучшихъ методовъ преподаванія и всестороннее наблюденіе за ходомъ учебной жизни. Непо-

средственнымъ начальникомъ каждой гимназіи является ректоръ, „основательно ученый и благонравный человѣкъ". Къ уставу государственныхъ гимназій приложенъ былъ детально разработанный штатъ, опредѣлявшій стоимость содержанія каждой гимназіи въ 20 тыс. руб. ежегодно и первоначальные расходы въ 2000 руб.

Наиболѣе важною особенностью этого проекта съ интересующей насъ точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія исторіи собственно народной школы, является его дополненіе, подъ заглавіемъ: „Всеподданнѣйшее представленіе плана, какимъ образомъ во всѣхъ россійскихъ городахъ и мѣстечкахъ учредить школы для простого народа безъ всякаго государственнаго расходу и народнаго отягощенія". Государственныя гимназіи съ подраздѣленіемъ ихъ на предназначенныя для дѣтей ученыхъ, военныхъ, гражданскихъ чиновъ и купцовъ, несмотря на формулированный принципъ безсословности, по существу своему являлись, тѣмъ не менѣе, сословными, и дѣти родителей, не принадлежащихъ ни къ одному изъ перечисленныхъ сословій, должны были оставаться за бортомъ гимназій.

Съ другой стороны, проектъ не признавалъ возможнымъ въ каждомъ городѣ имѣть всѣ четыре типа гимназій, предполагая учредить лишь по одному изъ нихъ, „смотря по тому, какого званія жителей въ губерніи больше числомъ". Слѣдовательно, приходилось подумать о дѣтяхъ другихъ сословій, а также „о простыхъ и самыхъ бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтяхъ, въ городкахъ и мѣстечкахъ обитающихъ, какъ ихъ изъ грубаго извлечь незнанія и подать способъ столько научиться, сколько природѣ ихъ прилично и надобно". Съ этой именно цѣлью „Планомъ" и проектировалось во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, независимо отъ того, предполагался ли тамъ какой-нибудь изъ типовъ государственныхъ гимназій или нѣтъ, устроить „элементарныя публичныя школы для простого народа". Заботы объ этихъ школахъ возлагались на мѣстные магистраты и духовенство; первые должны были нести матеріальные расходы, второе—учительскія обязанности.

Это была первая попытка въ исторіи русской школы въ широкомъ масштабѣ разрѣшить вопросъ объ образованіи народныхъ массъ. Проектировавшіяся школы предназначались только для городского населенія, притомъ низшаго, и

для населенія торговыхъ мѣстечекъ; образованіе, полученное въ нихъ, не связывалось со средними училищами, онѣ стояли особнякомъ и были сословными. Изъ этого видно, что уже въ первомъ проектѣ, составленномъ подъ непосредственнѣйшимъ вліяніемъ „Генеральнаго учрежденія", появились тенденціи, никоимъ образомъ изъ послѣдняго и общихъ посылокъ просвѣтительной педагогики не долженствовавшія вытекать: городскія массы выдѣляются, какъ школьный матеріалъ, въ особую группу, имъ дается законченное образованіе въ особыхъ школахъ, а сельское населеніе совсѣмъ исключается изъ сферы просвѣщенія.

Просвѣтительная педагогика не знала никакихъ ограниченій, изъятій и исключеній въ вопросѣ о сословіи учащихся; всѣ люди отъ природы равны, поэтому всѣмъ надлежитъ и воспитываться, и учиться въ одинаковыхъ условіяхъ. Но обстоятельства русской жизни уже въ первую пору дѣятельности Екатерины заставили отказаться отъ всеобщаго проведенія этого начала. Въ проектѣ государственныхъ гимназій прямо высказывается, что новая школа съ ея воспитательными началами не включаетъ въ сферу народнаго просвѣщенія крѣпостныхъ. Но и между остальными сословіями, во всякомъ случаѣ, такая школа оставляла за бортомъ массу населенія, не принадлежавшаго къ указаннымъ группамъ, и вотъ, въ видѣ корректива, проектъ предполагаетъ устроить повсемѣстно, по городамъ и мѣстечкамъ, особыя публичныя школы для простыхъ и самыхъ бѣдныхъ мѣщанскихъ дѣтей, „дабы ихъ изъ грубаго извлечь незнанія и подать имъ способъ столько научиться, сколько природѣ ихъ прилично и надобно". Въ мотивахъ къ оправданію этихъ особыхъ школъ сословная нотка звучитъ очень явственно. Хотя простой народъ, мѣщанское населеніе, „числомъ всѣхъ прочихъ далеко превосходитъ, — говорится въ проектѣ,—однакожъ въ разсужденіи общества всегда меньшую часть составляетъ, потому что многіе изъ нихъ по природѣ и недостатку — къ рукодѣліямъ и прочимъ мѣщанскимъ упражненіямъ опредѣлены, въ которомъ... науки вовсе не надобны". Эти школы не односословны, онѣ не исключительно мѣщанскія,—въ нихъ могутъ и даже обязаны посылать своихъ дѣтей всѣ жители городовъ и мѣстечекъ, „какого бы званія ни были, не исключая слугъ и работниковъ". Относительно крѣпостныхъ проектъ прямо говоритъ,

что „въ этомъ званіи науки (среднее и высшее образованіе) вовсе не удобны“, что для нихъ достаточно элементарнаго образованія, разумѣя достаточность для нихъ мѣщанскихъ школъ. Фактически, однако, крѣпостные лишались доступа и къ элементарному образованію, такъ какъ мѣщанскія школы проектировались для низшаго населенія городовъ и мѣстечекъ, деревни же оставлялись безъ вниманія. Такимъ образомъ, уже въ первомъ опытѣ построенія системы народнаго просвѣщенія на новыхъ педагогическихъ началахъ сословный характеръ школы выступаетъ очень рельефно, тогда какъ эти начала прежде всего требуютъ полнаго уничтоженія различій между людьми въ зависимости отъ ихъ происхожденія и положенія и оцѣнки ихъ только по природнымъ способностямъ. Такъ въ условіяхъ тогдашней русской дѣйствительности должны были преломиться общечеловѣческіе принципы, ибо ихъ неуклонное проведеніе потребовало бы раньше учебной реформы реформу соціальную — освобожденіе крѣпостныхъ. Пока же этотъ институтъ существовалъ, для крѣпостныхъ было недоступно даже элементарное образованіе, и примѣнительно къ этому большинство учебныхъ проектовъ обходили ихъ такъ или иначе.

Проектъ низшихъ училищъ вводитъ обязательность обученія; дѣти отъ 6 до 14 лѣтъ должны посылаться въ школы подъ угрозой извѣстнаго штрафа, который съ каждымъ годомъ запозданія отдачи ребенка въ школу постепенно увеличивается. Объемъ образованія въ этихъ школахъ, предназначенныхъ для тѣхъ, кто „по природѣ и недостатку къ рукодѣліямъ и прочимъ мѣщанскимъ упражненіямъ опредѣленъ“ и кому въ этомъ „званіи науки вовсе не надобно“, конечно, небольшой. Сообразно съ цѣлью дать низшему городскому и мѣстечковому населенію „способъ столько научиться, сколько природѣ ихъ прилично и надобно“, обязательными предметами въ простонародныхъ школахъ являются: чтеніе, письмо, „главнѣйшія правила православнаго закона“ и христіанское нравоученіе. Всѣ предметы преподаются по возможности „безтрудно“, а послѣдніе два по руководствамъ, составленнымъ синодомъ.

Ни проектъ „государственныхъ гимназій“, ни проектъ низшихъ училищъ императрицей не былъ утвержденъ, вѣроятно потому, что Екатерина рѣшила ждать результатовъ разработки основъ учебной реформы въ комиссіи для сочи-

ненія проекта Новаго Уложенія, изъ которой была выдѣлена специальная комиссія объ училищахъ.

Проектъ проф. Дильтея.

Въ ноябрѣ 1764 г. профессоръ исторіи и правовѣдѣнія въ Московскомъ университетѣ, Филиппъ Генрихъ Дильтей, представилъ императрицѣ единолично имъ составленный проектъ учебной реформы подъ заглавіемъ: „Планъ о учреждении разныхъ училищъ для распространенія наукъ и исправленія нравовъ“. Система просвѣщенія по плану Дильтея слагается изъ трехъ ступеней: школъ тривіальныхъ, гимназій и университетовъ. Тривіальныя школы преслѣдуютъ цѣли элементарнаго образованія для всѣхъ „не подлаго состоянія дѣтей“ и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ подготовительной ступенью къ гимназіямъ. Послѣднія состоятъ изъ 4 классовъ съ годичнымъ курсомъ и открыты для дѣтей всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостныхъ. Высшей ступенью образованія являются университеты, вѣдѣнію которыхъ подлежатъ какъ тривіальныя школы, такъ и гимназіи; организуются они по обычной германской схемѣ, въ составѣ четырехъ факультетовъ—богословскаго, медицинскаго, юридическаго и философскаго, съ подраздѣленіемъ послѣдняго на спеціальности. По разсчету Дильтея, слѣдовало открыть на всю Россію 21 тривіальную школу, 9 гимназій и 2 новыхъ университета — въ Батуринѣ и въ Дерптѣ.

Подобно Екатеринѣ и Бецкому, корень зла въ тогдашнемъ образованіи Дильтей также усматривалъ въ дурномъ домашнемъ воспитаніи дѣтей дошкольнаго возраста, но мѣры противъ этого зла имъ предлагались другія. Дѣти дворянъ и вообще лицъ привилегированныхъ сословій воспитываются въ самомъ нѣжномъ возрастѣ крѣпостными невѣжественными дядьками и отъ нихъ, естественно, перенимаютъ дурные привычки и примѣры. Поэтому, устраивая идеальныя гимназіи и тривіальныя школы, преобразовывая университеты, слѣдуетъ обратить вниманіе и на первую воспитательную инстанцію, на крѣпостныхъ дядекъ, отъ которыхъ сформированіе характера и воззрѣній воспитанниковъ зависитъ даже въ большей степени, чѣмъ отъ школьныхъ заведеній. И для подготовки знающихъ свое дѣло, любовно относящихся къ дѣтямъ, благонравныхъ дядекъ Дильтей предлагаетъ основать особыя школы, которыя онъ называетъ

„рабскими школами“, одну въ Москвѣ и другую въ Петербургѣ, съ комплектомъ учениковъ по 100 чел. въ каждой. Это предложенiе и составляетъ самое оригинальное, что даетъ этотъ проектъ. Осуществленiя онъ, подобно предшествующему, также не получилъ.

Въ проектѣ проф. Дильтея традицiи сословности выступаютъ очень ярко. Даже изъ низшихъ, тривiальныхъ школъ онъ исключаетъ дѣтей „подлаго состоянiя“, а въ гимназiяхъ дѣтей наиболѣе благородныхъ отъ менѣе благородныхъ полагаетъ необходимымъ „отличать столами“, „дабы смѣшенiе благородныхъ и разночинцевъ зависти и препятствiя не имѣло въ ученiи“. Этотъ проектъ совершенно исключаетъ низшую школу для простонародья и послѣднему не отводитъ въ системѣ народнаго образованiя никакого мѣста. „Рабскiя школы“ не могутъ быть сочтены за училища для простого народа, такъ какъ ихъ предполагалось всего двѣ, и цѣль ихъ была узкая и совершенно опредѣленная — подготовлять дядекъ, крѣпостныхъ гувернеровъ для дворянскихъ дѣтей. Слѣдовательно, роль этихъ школъ была не самостоятельной, а служебной для удобствъ привилегированнаго класса — дворянства. Съ точки зрѣнiя народной школы, проектъ Дильтея совершенно неудовлетворителенъ, но зато его менѣе всего и можно считать отраженiемъ взглядовъ и воззрѣнiй эпохи, такъ какъ онъ былъ составленъ не какой-либо комиссiей, обсуждавшей вопросъ полно и всесторонне, а однимъ человѣкомъ, выразившимъ лишь собственные взгляды.

Проектъ „комиссiи объ училищахъ и призрѣнiя требующихъ“.

23 мая 1768 г. изъ созванной императрицей „комиссiи для составленiя новаго уложенiя“ была выдѣлена, въ числѣ другихъ, частная „комиссiя объ училищахъ и призрѣнiя требующихъ“, на которую возложено было составленiе общаго плана народнаго просвѣщенiя. Наиболѣе дѣятельными членами ея оказались депутаты: отъ шляхетства Кiевскаго полка, повѣтовъ Козелецкаго и Остерскаго, Владимiръ Золотницкiй, отъ юстицъ-коллегiи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ Тимофей фонъ-Клингштетъ, отъ медицинской колегiи баронъ Ашъ и отъ г. Дерпта Яковъ Урсинусъ. Наряду съ общимъ наставленiемъ отъ дирекцi-

онной комиссіи всѣмъ частнымъ—составить общій планъ порученной каждой изъ нихъ части законодательства „такъ скоро, какъ токмо возможно“, училищная комиссія получила еще спеціальную инструкцію съ изложеніемъ общихъ принциповъ, въ рамкахъ которыхъ должны были вестись ея работы.

Въ постановкѣ учебной реформы, какъ ее изображаетъ данная инструкція, бросаются въ глаза двѣ черты, характерныя для пониманія задачи народнаго просвѣщенія въ отличіе отъ предшествующаго времени. Во-первыхъ, хотя и говорится, чтобы въ новомъ „учрежденіи училищъ“ главное вниманіе обращалось не на „хитрости наукъ“, а на обученіе дѣтей „познанію должностей человѣка, въ обществѣ жить имѣющаго“, но отъ рѣзкаго разграниченія задачъ нравственнаго воспитанія и задачъ научнаго образованія, отъ рѣзкаго предпочтенія первыхъ вторымъ остались только слѣды,—доказательство того, что уже къ этому времени императрица, съ одобренія которой только и могла быть выработана инструкція, охладѣла къ принципамъ просвѣтительной педагогики. Во-вторыхъ, едва ли осуществимая практически мысль о соединеніи въ рамкахъ одной школы всѣхъ цикловъ образованія, отъ элементарнаго до высшаго, уступила мѣсто традиціонной схемѣ низшаго, средняго и высшаго образованія, представленнаго тремя самостоятельными типами школы.

Сначала училищная комиссія намѣревалась выработать подробный планъ учебной реформы, но вскорѣ среди ея членовъ обнаружились разногласія, грозившія надолго затянуть работу, и комиссія остановилась на рѣшеніи составить лишь краткій планъ, въ который вошли бы только „главныя матеріи“ порученнаго ей дѣла. Такой планъ, представлявшій изъ себя въ болѣе развитомъ видѣ схему учебной системы, намѣченную въ упомянутой инструкціи, въ концѣ 1768 г. и былъ представленъ въ дирекціонную комиссію. Первая ступень въ этой схемѣ учебной системы,—нижнія училища дѣлились на два рода; деревенскія и городскія; къ нимъ относились и иновѣрческія училища. Среднія училища, согласно этому плану, также подраздѣлялись на два рода: къ первому относились училища при госпиталяхъ, гимназіи и семинаріи, ко второму—кадетскіе корпуса и академіи художествъ. Что же касается „верхов-

ныхъ" училищъ, университетовъ и академій, то планъ не разрѣшалъ вопроса по существу, ограничившись лишь формулировкой ряда подлежавшихъ законодательной разработкѣ вопросовъ. Зато въ сферу будущаго учебнаго законодательства онъ вводилъ „средства къ распространенію наукъ и добронравія", какъ, напримѣръ, академію наукъ, книжную торговлю, библіотеки, типографіи и пр., а въ заключеніе упоминалъ „о главномъ правленіи училищъ, изъ какихъ членовъ состоять оному, и о должности разныхъ членовъ".

Вмѣстѣ съ планомъ поступили въ дирекціонную комиссію и отдѣльныя замѣчанія на него отъ нѣкоторыхъ членовъ училищной комиссіи. Золотницкій представилъ даже цѣлый собственный планъ, въ которомъ задачу воспитанія раздѣлялъ на два послѣдовательныхъ круга: первоначальное, для всѣхъ общее, и „личное, то есть свойственное и нужное разнымъ состояніямъ дѣтей различно"; затѣмъ считалъ нужнымъ отмѣтить, что въ нижнихъ училищахъ обученіе должно быть добровольнымъ, „безъ всякаго насильнаго принужденія"; далѣе полагалъ необходимымъ кадетскіе корпуса и академіи художествъ поставить ступенью выше семинарій и гимназій; наконецъ, наряду съ мужскими проектировалъ устройство и женскихъ среднихъ училищъ, а въ составъ высшей администраціи, вѣдающей школьнымъ дѣломъ въ государствѣ, вводилъ, помимо свѣтскихъ, также и духовныхъ лицъ. Замѣчанія Клингштета сводились къ тому, что планъ комиссіи слишкомъ обширенъ; по его мнѣнію, нужно было совсѣмъ исключить упоминаніе объ иновѣрческихъ училищахъ, ибо „еще весьма рано о томъ имѣть разсужденіе, когда еще столь многія тысячи, да можетъ быть милліоны дѣтей простого россійскаго народа православнаго греческаго исповѣданія требуютъ сего нужнаго ученія"; подобнымъ же образомъ необходимо опустить и постановленія о кадетскихъ корпусахъ и академіи художествъ, такъ какъ вопросъ объ этихъ заведеніяхъ, существующихъ на основаніи особыхъ законоположеній, совсѣмъ не долженъ входить въ кругъ занятій комиссіи. Баронъ Ашъ и Урсинусъ, всецѣло раздѣлявшіе всѣ положенія выработаннаго плана, представили съ своей стороны объясненія, въ которыхъ подробно возражали на замѣчанія Золотницкаго и Клингштета.

Дирекціонная комиссія, разсмотрѣвъ планъ и особыя мнѣнія членовъ училищной комиссіи, возвратила его съ

нѣкоторыми своими заключеніями обратно въ училищную комиссію, и послѣдняя въ январѣ 1769 г. приступила къ его детальному разсмотрѣнію. Прежде всего былъ разработанъ проектъ о низшихъ училищахъ, сельскихъ и городскихъ. Работа затянулась и была закончена только 15 іюля 1770 г. Второй проектъ—о гимназіяхъ—былъ составленъ только вчернѣ, не получивъ окончательной редакціи; что же касается „верховныхъ“ училищъ, то комиссія въ октябрѣ 1771 г., когда прекратились ея занятія, только собиралась приступить къ его разработкѣ. Вопросъ о высшемъ органѣ учебной администраціи былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, „чтобы особливаго правленія не дѣлать, а подчинить оныя (училища) правительствующему сенату“.

Познакомилась ли императрица съ матеріалами училищной комиссіи? Мнѣнія изслѣдователей по этому вопросу расходятся. Вѣроятнѣе будетъ предположить, что Екатерина не могла обойти вниманіемъ работъ столь долго работавшей комиссіи по вопросу, такъ ее интересовавшему. Если же проектъ комиссіи остался неосуществленнымъ, то объясняется это обстоятельство, вѣроятно, тѣмъ, что къ этому времени императрица уже значительно охладѣла къ мечтѣ перестроить и перевоспитать общество на новыхъ началахъ.

Самымъ замѣчательнымъ и къ тому же единственно законченнымъ памятникомъ работъ этой комиссіи является ея проектъ низшихъ училищъ, народныхъ школъ. Это единственный проектъ во всемъ царствованіи Екатерины и первый вообще по времени въ Россіи, который элементарное образованіе предполагалъ распространить на всѣ слои населенія, городского и сельскаго. Въ немъ есть много недостатковъ съ точки зрѣнія интересовъ народной школы, но его мысль ввести въ сферу образованія, хотя бы и самаго элементарнаго, все населеніе, безъ различія сословій, занятій и мѣста жительства, является достоинствомъ, которое, принявъ во вниманіе тогдашнія соціальныя условія, необходимо цѣнить очень высоко. Это было *всеобщее* образованіе, притомъ, какъ увидимъ ниже, обязательное. „Мысли училищной комиссіи,—говоритъ Д. А. Толстой по поводу ея проекта,—были такъ здравы, что не только опередили свое время, но и наше... Легко себѣ представить, какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому назадъ, начала всеобщности и обязатель-

ности ученія. Теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше“.

Принципъ сословности выступалъ, однако, и въ этомъ проектѣ. Онъ выражался въ томъ, что воспитаніе должно быть „свойственное и нужное разнымъ состояніямъ дѣтей различно“. „Размѣривая разные роды состояній и съ оными соединенныя званія государственныхъ жителей,—пишетъ Золотницкій,—должно размѣривать для нихъ различно и самое ученіе, соображаясь съ общимъ государственнымъ предметомъ и съ особаго каждаго рода жителей состояніемъ“, почему нужно стремиться, чтобы „званіе каждаго (ученика) прежде всего приличнымъ и только нужнѣйшимъ для онаго ученіямъ способствуемо и производимо быть могло въ общую, а чрезъ то уже и собственную потребность“. И комиссія въ лицѣ Золотницкаго рекомендуетъ при устройствѣ сельскихъ училищъ обращать вниманіе на то, чтобы посѣщающія ихъ дѣти „въ нужное время могли пособлять своимъ родителямъ и привыкали бы съ малолѣтства къ трудамъ и упражненію, приличнымъ своему состоянію“. Если, однако, потребность въ элементарномъ образованіи крестьянъ и мѣщанъ, по проекту училищной комиссіи, удовлетворяется низшими школами, то вмѣстѣ съ этимъ просвѣщеніе низшихъ сословій этимъ и ограничивается, ибо въ гимназіи дѣти крестьянъ и мѣщанъ уже не принимаются, а слѣдовательно для нихъ закрытъ доступъ и въ высшія учебныя заведенія. Въ самыхъ гимназіяхъ для дѣтей, имѣющихъ право на пріемъ въ нихъ, тоже были проведены значительныя различія, главнымъ образомъ, внѣшняго характера: „дворяне ѣдятъ за однимъ столомъ, разночинцы за другимъ“, а во время уроковъ „дворянскія дѣти сидятъ по правой сторонѣ, а разночинскія по лѣвой“. А такъ какъ само собою подразумѣвалось, что, по окончаніи курса въ гимназіяхъ или университетахъ, дворянскія дѣти будутъ совершать карьеру по дворянской колеѣ съ разными льготами и облегченіями, а разночинцы—по разночинской съ разнообразными трудностями, и такъ какъ для крестьянъ была совершенно недоступна какая бы то ни было карьера, ибо для нихъ былъ закрытъ доступъ въ учебныя заведенія, дающія привилегіи, то надо признать, что проектъ учи-

лищной комиссіи провелъ начало сословности достаточно выпукло.

Вопросъ объ обязательности обученія въ низшихъ школахъ училищной комиссіей также былъ въ принципѣ принятъ, и необходимость его подчеркнута, хотя гарантіи, которыя обезпечивали бы осуществленіе этой обязательности, не были созданы. По уставу сельскихъ школъ, крестьянскіе мальчики обязательно посылаются въ школы, въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ, причемъ обязательнымъ являлось собственно обученіе чтенію, началамъ христіанской вѣры и гражданской морали, обученіе же письму предоставлялось желанію родителей; дѣвочки обязанности посѣщенію школы не подлежали. Уставъ городскихъ школъ предписывалъ отдавать въ школы мѣщанскихъ дѣтей обоего пола, при чемъ мальчики обязаны были учиться и чтенію и письму, а дѣвочки только чтенію. Что касается гарантій, обезпечивающихъ обязательность элементарнаго обученія, то выработку ихъ мѣръ училищная комиссія предоставила другой частной комиссіи— о правосудіи, полагая, что такія мѣры относятся къ общему кодексу карательнаго законодательства; послѣдняя комиссія однако не почла себя компетентной устанавливать кары „за непорядки, происходящіе въ училищныхъ мѣстахъ“, и вопросъ, такимъ образомъ, остался открытымъ.

Объемъ элементарнаго образованія въ низшихъ училищахъ, городскихъ и сельскихъ, очерченъ комиссіей не слишкомъ большой. „Сельскія школы должны быть самыя сокращенныя и содержать въ себѣ только такое ученіе, которое дѣлаетъ жителей, сколько возможно, добродѣтельными и трудолюбивыми“,—говоритъ Золотницкій въ своихъ запискахъ. Въ силу этого обязательное обученіе въ сельскихъ школахъ предполагается ограничить чтеніемъ и краткимъ истолкованіемъ „православнаго закона“; все остальное, въ томъ числѣ даже обученіе письму, предоставляется „произволенію“ родителей учащихся. Весь курсъ, проходимый въ этихъ низшихъ училищахъ, совмѣщается въ одной учебной книгѣ, составленіе которой поручается синоду; въ первой ея части, напечатанной славянскимъ шрифтомъ, содержатся азбука церковная и гражданская, цифры славянскія и арабскія, нѣсколько молитвъ и краткій катехизисъ; вторая часть, напечатанная гражданской печатью, заключаетъ въ себѣ компендіумъ христіанскихъ добродѣтелей, „состоящихъ въ

должности подданныхъ къ государю, въ безпрекословномъ повиновенiи государственнымъ узаконенiямъ, въ почитанiи и послушанiи господъ своихъ и другихъ установленныхъ властей и въ должности къ самому себѣ и ближнему". Занятiя идутъ въ свободные отъ полевыхъ работъ мѣсяцы, съ сентября до мая; продолжительность курса не ограничивается какимъ-нибудь опредѣленнымъ промежуткомъ времени: каждый обучается столько времени, сколько ему потребуется, чтобы научиться „всякую книгу безъ нужды читать". Комплектъ учениковъ въ каждой школѣ опредѣляется обычно въ 30 учениковъ; въ случаѣ превышенiя этого числа учащiеся дѣлятся на группы по возрасту. Курсъ „нижнихъ" городскихъ училищъ ничѣмъ существенно не отличается отъ курса сельскихъ; вся разница въ томъ, что въ нихъ обязательно еще обученiе письму.

Въ этомъ скудномъ запасѣ знанiй, даваемыхъ сельскому и низшему городскому населенiю, мѣщанству, поражаетъ отсутствiе ариѳметики, для городскихъ жителей, казалось бы, особенно необходимой. Правда, частная комиссiя проектировала устройство особыхъ „ариѳметическихъ" школъ для тѣхъ городовъ, гдѣ не будетъ среднихъ учебныхъ заведенiй а нѣкоторые ея члены выступили съ предложенiемъ учредить школы, посредствующiя между низшими городскими и гимназiями, но эти предложенiя, неоднократно возбуждавшiяся, въ окончательно редактированный проектъ низшихъ школъ не вошли.

Проектъ комиссiи о церковныхъ имѣнiяхъ.

Одновременно съ прекращенiемъ дѣятельности училищной комиссiи начались работы по вопросу объ учебной реформѣ комиссiи о церковныхъ имѣнiяхъ, образованной изъ петербургскаго архiепископа Гаврiила, архiепископа псковскаго Иннокентiя, оберъ-прокурора синода П. П. Чебышова и статсъ-секретаря Г. Н. Теплова. 25 октября 1771 г. императрица поручила этой комиссiи разсмотрѣть составленный архiеп. Гаврiиломъ и Тепловымъ проектъ „учрежденiя школъ нижнихъ въ городахъ столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ и въ мѣстечкахъ", весьма близкiй къ проектамъ училищной комиссiи. Элементарное образованiе низшихъ слоевъ городского населенiя проектъ отдавалъ всецѣло въ руки духовенства: школы заводились на средства церковныхъ приходовъ, учи-

тельствовать въ нихъ должны были дьяконы и дьячки, ближайшій надзоръ ввѣрялся приходскимъ священникамъ, а высшій архіереямъ и синоду; на обязанность свѣтской власти, и то не спеціально школьной, а общей—губернаторовъ и воеводъ—возлагалось лишь наблюденіе, чтобы дѣти школьнаго возраста и православнаго исповѣданія не оставались безъ обученія. Духовная комиссія только черезъ годъ, именно 18 октября 1772 г., постановила одобрить проектъ и представить его на Высочайшее одобреніе вмѣстѣ съ пожеланіемъ принять немедленно мѣры къ его осуществленію: назначить „главнаго опекуна городскихъ школъ", поручить синоду составленіе школьнаго руководства, предписать черезъ сенатъ мѣстнымъ властямъ озаботиться пріисканіемъ средствъ и помѣщеній для школъ, наконецъ, особымъ манифестомъ разъяснить народу смыслъ этого просвѣтительнаго мѣропріятія.

Трудъ духовной комиссіи—такъ же, какъ и другихъ—пропалъ даромъ, и эти церковно-приходскія училища, такъ рѣзко расходившіяся по своимъ принципамъ съ основными взглядами императрицы, не получили осуществленія. 24 іюля 1783 г., заслушавъ указъ сената о новой комиссіи о народныхъ училищахъ, комиссія постановила: „дѣло о нижнихъ градскихъ школахъ рѣшеннымъ не почитать".

По этому проекту приходскія школы предназначались для „всякаго званія людей, не исключая и крѣпостныхъ", но такъ какъ школы проектировались только для городовъ и торговыхъ мѣстечекъ, но не для селъ и деревень, то понятно, что крѣпостные въ громадномъ большинствѣ были лишены возможности посѣщать ихъ, если бы того и хотѣли. Впрочемъ, и сама комиссія предполагала сдѣлать многозначительную оговорку въ томъ смылѣ, чтобы крестьянскихъ дѣтей „безъ воли ихъ помѣщиковъ и управителей не принимать".

Рамки элементарнаго народнаго образованія въ проектѣ духовной комиссіи, какъ это ни странно, раздвинуты значительно шире, чѣмъ въ другихъ проектахъ. Въ кругъ этого образованія въ качествѣ обязательныхъ предметовъ входятъ уже не только чтеніе гражданской и церковной печати, Законъ Божій и нравоученіе, но также письмо, ариѳметика съ четырьмя дѣйствіями, дробями и даже тройнымъ правиломъ, начатки географіи и общая исторія. Этотъ учебный

матеріалъ уже настолько сложенъ, что его нельзя вмѣстить въ одинъ учебникъ,—является необходимость въ нѣсколькихъ спеціальныхъ руководствахъ. На синодъ возлагается обязанность составить азбуку для обученія чтенію и письму, катехизисъ „въ простомъ и невысокомъ слогѣ“ и „нравоучительную книжку“, содержащую „естественное“ нравоученіе, изложенную „не методомъ философскимъ, который къ чтенію простыхъ людей не свойственъ, но сказаніемъ простымъ“, приспособленную къ нравственному уровню простого народа и имѣющую въ виду свойственные ему добродѣтели и пороки. Составленіе учебниковъ ариѳметики и географіи поручается академіи наукъ, а для преподаванія исторіи указывается на отпечатанную по этому предмету книгу проф. Дильтея. Проектъ шелъ еще дальше и вмѣнялъ въ обязанность учителямъ приходскихъ школъ заботиться о томъ, чтобы окончившіе курсъ ученики не забывали выученнаго.

Было принято проектомъ духовной комиссіи и начало обязательности обученія, гарантированное извѣстными принудительными мѣрами. Губернаторамъ и воеводамъ предписывалось принуждать населеніе отдавать въ школы дѣтей въ возрастѣ 6 — 7 лѣтъ, а ближайшее наблюденіе за уклоняющимися возложить на приходское духовенство. Тѣмъ, кто, пройдя школу, не обучится читать и писать, проектъ грозилъ суровыми послѣдствіями; такихъ неудачниковъ предлагалось „не принимать нигдѣ и ни въ какихъ дѣлахъ ни въ поруки, ни въ свидѣтели“.

Такимъ образомъ, сословное начало въ проектахъ 1760—1770 гг., несмотря на то, что авторы ихъ находились подъ значительнымъ вліяніемъ просвѣтительной педагогики, выступаетъ болѣе чѣмъ опредѣленно. Одни сословія, преимущественно крѣпостное, крестьянское, частью и мѣщанское, или совершенно не включаются въ сферу народнаго просвѣщенія, или же дѣти ихъ получаютъ образованіе въ спеціальныхъ низшихъ училищахъ, изъ которыхъ нѣтъ доступа къ слѣдующимъ школьнымъ ступенямъ и въ которыхъ курсъ ограниченъ самымъ лишь необходимымъ. Для остальныхъ, высшихъ сословій въ большинствѣ случаевъ предполагаются общія школы, но съ тѣмъ условіемъ, что или дѣти каждаго изъ нихъ получаютъ образованіе и вос-

питаніе соотвѣтственно роду занятій родителей, т. е. включается еще принципъ сословно-профессіональный, кастовый, или же, если условія образованія и воспитанія одинаковы, то разнятся въ значительной мѣрѣ условія обхожденія съ воспитанниками въ стѣнахъ школы, въ зависимости отъ ихъ „породы", не говоря уже о томъ, что окончаніе одного и того же учебнаго заведенія для лицъ неодинаковыхъ сословій даетъ совершенно разныя права: широкія для дворянъ и значительно ўже для разночинцевъ. Для крѣпостныхъ образованіе въ большинствѣ проектовъ считается совсѣмъ излишнимъ, для низшаго же городского населенія признается достаточной одна элементарная грамотность, а „науки вовсе ненужными". Дѣти остальныхъ сословій выдѣляются болѣе или менѣе въ зависимости отъ породы ихъ родителей. Мало того, это раздѣленіе на овецъ и козлищъ возводится въ принципъ, подъ который подводится идейное обоснованіе въ видѣ того взгляда, что каждое сословіе имѣетъ свою особую нравственную природу, разъ навсегда опредѣленныя занятія, и имъ и должно соотвѣтствовать то или иное воспитаніе и научное образованіе,—другими словами, сословіе возводится въ касту. Принципы просвѣтительной философіи и педагогики требовали отказа отъ мысли дѣлить людей на категоріи въ зависимости отъ случайности ихъ рожденія, ихъ исповѣдовали передовые люди тогдашней Россіи и среди нихъ прежде всего Екатерина II; въ конечномъ же практическомъ результатѣ идеалъ созданія и образованія „человѣка и гражданина", которымъ такъ увлекалась императрица, исказился до неузнаваемости, воплотившись конкретно въ традиціонныя формы того сословнаго строя, который завершился формулированіемъ и окончательно кристаллизовался именно въ эпоху Екатерины II. Такъ реальная дѣйствительность вывернула на изнанку теоретическія благія намѣренія облеченныхъ властью послѣдователей просвѣтительной философіи.

Начало обязательности обученія въ низшихъ школахъ было принято почти всѣми проектами. Удивительнаго въ этомъ мало. Состояніе просвѣщенія въ тогдашней Россіи, вѣрнѣе—отсутствіе его, диктовали этотъ принципъ съ неизбѣжной необходимостью. Невѣжественныя массы по собственному почину никогда не посылали бы своихъ дѣтей въ школы, и не только массы, но и сливки общества, дво-

рянство, также всячески уклонялись отъ этого. Нужны были энергичныя, даже грубыя, чувствительныя мѣропріятія, чтобы въ результатѣ получился успѣхъ. И въ этихъ мѣрахъ не было недостатка: каждый проектъ предлагалъ ихъ въ изобиліи. Другой вопросъ въ томъ, насколько, при проектированной организаціи управленія школами и надзора за ними, даже самыя крутыя мѣры могли разсчитывать на успѣхъ. Суровые указы Петра, дальше которыхъ некуда было итти, имѣли лишь самые ничтожные практическіе результаты главнымъ образомъ потому, что вѣдать школьнымъ дѣломъ, контролировать его было некому, — не было спеціальной организаціи съ центральнымъ управленіемъ и развѣтвленіями по мѣстамъ, на которую исключительно возлагалась бы забота по надзору за школами. Такую же ошибку допускали и всѣ проекты. Мѣстное духовенство и мѣстныя гражданскія власти, у которыхъ были свои заботы, могли, конечно, споспѣшествовать успѣху только въ самой ничтожной мѣрѣ.

Женское образованіе.

Нечего и говорить, что просвѣтительная педагогика со своими широкими взглядами не дѣлала никакого различія между природой мужчины и женщины и потому не требовала проведенія его и въ разныхъ сферахъ общественной жизни, въ томъ числѣ и въ области воспитанія и образованія. „Генеральное учрежденіе", идя по стопамъ основныхъ началъ этой педагогики, въ своемъ текстѣ тоже не проводитъ никакого различія между обоими полами, ставя задачей педагогической реформы созданіе въ равной мѣрѣ „новой породы" какъ отцовъ, такъ и матерей, включая, слѣдовательно, въ сферу воспитанія и женщинъ наравнѣ съ мужчинами. Дѣйствительно, первые практическіе опыты проведенія въ жизнь новыхъ педагогическихъ началъ создали и мужскія и женскія учебно-воспитательныя заведенія. Но съ первыхъ шаговъ, однако, насажденіе женскаго образованія значительно уклонилось отъ пути, намѣченнаго формулами „Генеральнаго учрежденія", и именно въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, въ проведеніи различія между цѣлью воспитанія мужчинъ и женщинъ, съ другой — въ проведеніи сословнаго начала въ самомъ женскомъ об-

разованіи, проведеніи еще болѣе рѣзкомъ, чѣмъ это имѣло мѣсто по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ мужскимъ. Уже самыя наименованія первыхъ учрежденныхъ женскихъ воспитательныхъ заведеній—Воспитательное общество *благородныхъ* дѣвицъ и Училище *для мѣщанскихъ дѣвушекъ* при Новодѣвичьемъ монастырѣ—съ достаточной ясностью показываютъ, какъ рѣзко было проведено начало сословности въ этой области. Въ то и въ другое заведеніе не только принимались дѣвушки разныхъ сословій, въ первое—дворянки, во второе — мѣщанки, но и конечная цѣль воспитанія для тѣхъ и другихъ была различная: въ то время какъ вѣнцомъ воспитанія дворянскихъ дѣвицъ поставлялись „свѣтскія добродѣтели", выработка „благородства", составлявшаго, по понятіямъ вѣка, природу единственно дворянскаго сословія, среди мѣщанскихъ дѣвушекъ стремились культивировать добронравіе и трудолюбіе, навыкъ къ практическимъ занятіямъ и рукодѣліямъ, какъ свойства специфически-де мѣщанско-сословныя. Если таково отношеніе къ мѣщанскимъ дѣвушкамъ, то къ дѣвушкамъ-крестьянкамъ оно еще хуже. Въ планѣ Воспитательнаго женскаго дома прямо говорится, что объ образованіи дѣвушекъ, судьба которыхъ оставаться въ крестьянствѣ, нечего и упоминать, т.-е. онѣ отстраняются совершенно изъ сферы просвѣщенія. Однако, текстъ того же плана въ одномъ мѣстѣ полемизируетъ съ общераспространеннымъ тогда взглядомъ, что крѣпостнымъ людямъ „наставленіе въ нравоученіи, касающемся до гражданской жизни, не только не потребно, но еще и не полезно и вовсе не надобно", и оспариваетъ правильность этого мнѣнія. Противорѣчіе это,—съ одной стороны полное отрицаніе права крестьянскихъ дѣвушекъ на образованіе и, съ другой стороны, оспариваніе подобнаго же взгляда — объясняется цѣлями, какія преслѣдовалъ планъ. Вообще для крестьянскихъ дѣвушекъ объ образованіи „нечего и говорить", но оно необходимо для дворовыхъ дѣвушекъ. Почему же такое исключеніе? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ классовыя воззрѣнія и предразсудки вѣка проявились, можетъ быть, болѣе ярко, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Потому что—дается отвѣтъ— крѣпостная, являясь первой наперсницей, подругой дворянскимъ дѣтямъ, напитываетъ послѣднихъ въ первые же годы дѣтства всѣми пороками, всею грубостью, всѣми худыми разговорами, и кто пойметъ, какой вредъ приноситъ дворян-

скимъ дѣтямъ „общество подлыхъ рабовъ, несмысленныхъ кормилицъ и безстыдныхъ служанокъ“, тотъ не можетъ не желать „для благоденствія рода человѣческаго, дабы всѣ дѣвушки не только обучились читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными“. Такимъ образомъ, если и признается для одной категоріи крестьянскихъ дѣвушекъ необходимость образованія, то не потому, что оно само по себѣ необходимо, нужно и полезно, а потому, что это необходимо и полезно для воспитанія дворянскихъ дѣтей. Послѣднія—цѣль, а крестьянскія дѣти—только матеріалъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что образованіе и воспитаніе дѣвушекъ разнилось отъ тѣхъ же задачъ по отношенію къ мальчикамъ. Не говоря уже о томъ, что для тѣхъ и другихъ учреждаются особыя, отдѣльныя заведенія, и самый характеръ ученія, и сама цѣль его различны. Мальчики готовятся преимущественно къ „гражданской жизни“ (къ государственнымъ должностямъ — дворяне, къ своей профессіи — купцы и вообще „средній классъ людей“, „третье сословіе“, по выраженію того времени), дѣвушки же — дворянки для свѣтской жизни, мѣщанки для семейныхъ добродѣтелей по преимуществу и крестьянки, исключительно дворовыя, для того, чтобы въ ихъ обществѣ не испортились дѣти ихъ господъ.

Такъ практически были осуществлены или только теоретически формулированы намѣренія императрицы и Бецкаго въ пору наиболѣе смѣлыхъ реформаторскихъ взглядовъ на основанія и цѣли женскаго образованія. Гуманность и идеализмъ ихъ замысловъ вылились въ узко сословныя тенденціи. Образованіе крѣпостныхъ женщинъ цѣнилось только въ интересахъ дворянской молодежи, воспитанію мѣщанскихъ дѣвушекъ усваивался профессіональный характеръ, дворянскихъ—характеръ свѣтскій, наконецъ, все женское образованіе разнилось какъ по постановкѣ, такъ и по своимъ цѣлямъ отъ образованія мужчинъ. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что Екатерина, какъ женщина, особенно ревниво относилась къ тому, чтобы слабый полъ не былъ обиженъ. И между тѣмъ, крѣпость традицій, реальная жизнь взяла верхъ, и осуществившееся не вышло далеко изъ рамокъ дѣйствительности.

Но если въ „Генеральномъ учрежденіи“ и въ опытахъ

проведенія въ жизнь его началъ вопросъ о женскомъ образованіи затрагивался и такъ или иначе разрѣшался, то въ послѣдовавшихъ затѣмъ проектахъ учебной реформы о немъ просто умалчивается. Только Золотницкій въ своемъ подробномъ планѣ, въ отдѣлѣ о низшихъ училищахъ, высказался по данному вопросу въ томъ смыслѣ, что обученіе дѣвушекъ грамотѣ слѣдуетъ оставить „на произволеніе", ибо разъ мужчины будутъ наставлены, то жены и дѣти-дѣвушки могутъ отъ нихъ уже заимствовать потребное для нихъ въ жизни знаніе.

Условія осуществимости учебной реформы.

Для жизненности системы народнаго просвѣщенія не достаточно еще положительныхъ внутреннихъ качествъ составляющихъ ее типовъ школъ, не достаточно и цѣлесообразнаго ихъ сочетанія; кромѣ этихъ внутреннихъ условій необходимы еще и нѣкоторыя внѣшнія данныя, безъ наличія которыхъ она не можетъ правильно функціонировать. Такими необходимыми внѣшними факторами являются *педагогическій персоналъ*, *учебная администрація* и *матеріальныя средства.* Обратимся къ краткому обозрѣнію того, какъ эти факторы были проведены въ томъ или другомъ проектѣ учебной реформы.

Педагогическій персоналъ.

Въ до-петровской народной школѣ, если этимъ именемъ можно назвать отдѣльныя небольшія заведенія частныхъ лицъ и домашнее обученіе, учителями являлись старинные такъ называемые „мастера", начетчики, нѣкоторыя духовныя лица. Въ петровской же профессіонально-сословной школѣ эту роль должны были принять на себя практики-спеціалисты тѣхъ отраслей государственной службы, для подготовки къ которой школы предназначались. Педагоговъ-профессіоналовъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ эту дѣятельность теперь, не было и не могло быть, ибо, если школа нуждается въ нихъ, то и они не могутъ родиться, пока нѣтъ правильно организованной школы. Между тѣмъ екатерининскіе проекты, имѣвшіе въ виду воспитаніе цѣлаго народа, требовали громаднаго педагогическаго персонала, и не только учителей, преподающихъ тотъ или другой предметъ, но и

воспитателей, притомъ воспитателей высокаго ранга, которые „имѣли бы просвѣщеніе въ наукахъ нравоучительныхъ и были разумные и проницательные испытатели сердца человѣческаго“, ибо того требовали положенные въ основу учебной реформы педагогическіе идеалы. Задача наставниковъ заключается не столько въ томъ, чтобы „словесно толковать“ дѣтямъ правила нравоучительной философіи, но и „самымъ дѣломъ вести жизнь младенца, имъ препорученнаго, исправляя повсечасно или, лучше сказать, повсеминутно его сердце“. Собственно преподаватели играютъ не такую важную роль въ школѣ, какъ воспитатели, и находятся у послѣднихъ „въ должности своей въ дирекціи“. Высокія нравственныя требованія предъявляютъ и другіе проекты. Золотницкій отмѣчаетъ необходимость не только внутреннихъ качествъ въ учителяхъ, но и „наружныхъ совершенствъ, достоинства и важности“, профессоръ Дильтей обращаетъ преимущественное вниманіе на ученую подготовку учителей, а проектъ духовной комиссіи вмѣняетъ въ обязанность учителямъ приходскихъ школъ, дьяконамъ и дьячкамъ, быть людьми порядочными, „паче же образъ житія своего вести въ трезвости и добронравіи“.

Откуда же взять учителей, да еще такихъ высоко-идеальныхъ въ нравственномъ отношеніи, гдѣ ихъ найти? На этотъ кардинальный вопросъ ни одинъ изъ проектовъ не даетъ отвѣта. Примѣчательно, что каждый проектъ, разрабатывая иногда мельчайшія подробности школьнаго дѣла, такой существенный пунктъ обходитъ молчаніемъ или отдѣлывается отъ него ничего незначащими словами. А между тѣмъ „Генеральное учрежденіе“ отлично понимало всю важность даннаго вопроса и прямо высказывалось, что въ учителяхъ „вся важность и затрудненіе состоитъ“. Составители плана государственныхъ гимназій выражаютъ упованіе, что, „приложа о томъ стараніе“, можно найти „по крайней мѣрѣ сердца и нравы, приближающіеся къ желаемымъ... качествамъ, хотя и не совсѣмъ совершенныя“. Но гдѣ ихъ найти—остается неизвѣстнымъ. Правда, проф. Дильтей предлагаетъ устроить двѣ семинаріи, „рабскія школы“, для подготовки учителей, но эти просвѣщенные дядьки собственно не учителя, а только гувернеры въ дворянскихъ семьяхъ, и къ школѣ никакого отношенія не имѣютъ. Проектъ частной училищной комиссіи въ качествѣ учите-

лей для низшихъ школъ указываетъ дьяконовъ и дьячковъ, а для категоріи среднихъ училищъ предполагалъ назначить „достойныхъ“ студентовъ; въ случаѣ же недостатка таковыхъ могутъ быть ими вольные люди, получившіе отъ университетовъ свидѣтельства о своихъ „достоинствахъ“. Наконецъ, проектъ духовной комиссіи тоже видитъ готовые кадры учителей для приходскихъ школъ въ лицѣ низшаго духовенства, но, насколько невысокія требованія предъявляетъ онъ имъ, можно судить по слѣдующему: если они, дьяконы и дьячки, сами не изучали такихъ наукъ, какъ ариѳметика, исторія и географія, то, прочитавъ „неоднократно и прилежно“ назначенныя для школъ учебныя книги, могутъ обучать дѣтей, „поколико сами вразумились, ибо больше того отъ нихъ не требуется, какъ въ помянутыхъ книжкахъ изображено“.

Итакъ, всѣ учебные проекты въ большей или меньшей степени вопросъ о практическихъ средствахъ подготовки педагоговъ оставляли открытымъ,—лучшее доказательство, насколько эти проекты, несмотря на свое значительное отклоненіе и безъ того отъ основъ просвѣтительной педагогики и приближеніе къ условіямъ дѣйствительной жизни, все же были отъ нея далеки, оставаясь болѣе теоретическими, чѣмъ практически осуществимыми. Въ низшей же школѣ въ качествѣ учителей предназначались дьяконы и дьяки приходскихъ церквей,—лица въ высокой степени для этой цѣли непригодныя, а по тогдашнимъ временамъ въ особенности.

Учебная администрація.

Петровская школа не знала высшаго органа учебной администраціи, направляющаго и объединяющаго дѣло народнаго просвѣщенія. Въ соотвѣтственномъ министерствѣ тогда и не ощущалось необходимости, такъ какъ народное образованіе, какъ самостоятельная задача, не входило въ сферу дѣятельности правительства; существовавшія школы были исключительно профессіональными и вѣдались администраціей тѣхъ отраслей государственной жизни, къ которымъ данная школа готовила будущихъ дѣятелей, какъ это и донынѣ наблюдается по отношенію ко многимъ профессіональнымъ учебнымъ заведеніямъ. Только со времени возникновенія вопроса вообще о народномъ просвѣщеніи могъ параллельно возникнуть и связанный съ нимъ вопросъ

о созданіи особаго органа съ центральнымъ учрежденіемъ и мѣстными развѣтвленіями для вѣданія учебнымъ дѣломъ. И этотъ вопросъ занимаетъ въ той или иной мѣрѣ составителей всѣхъ проектовъ учебной реформы. На немъ останавливается „Генеральное учрежденіе", отмѣчая особенную важность осторожнаго и благоразумнаго выбора „главныхъ надъ воспитательными училищами директоровъ и правителей"; планъ государственныхъ гимназій проектировалъ для управленія этими школами должность „протектора" (или „главнаго попечителя" и состоящій при немъ совѣтъ директоровъ; проектъ Дильтея сосредоточивалъ управленіе школьнымъ дѣломъ въ рукахъ „общаго куратора, который бы былъ при дворѣ и училищныя учрежденія имѣлъ бы подъ своей командой", и только частная училищная комиссія не признала нужнымъ созданіе особаго центральнаго органа высшей центральной администраціи, подчинивъ училища непосредственно сенату.

Насъ интересуетъ собственно вопросъ объ управленіяхъ низшими училищами, вопросъ объ устройствѣ сѣти мѣстныхъ учебно-административныхъ органовъ. Тѣ проекты, которые признавали необходимость разрѣшенія этого вопроса, школьный надзоръ поручали мѣстной общегражданской и духовной администраціи и органамъ общественнаго управленія.

Проекты частной училищной комиссіи и духовной комиссіи обязанности высшаго мѣстнаго надзора надъ низшими школами возлагаютъ на губернаторовъ и архіереевъ. Лично или черезъ довѣренныхъ лицъ они ревизуютъ школы, губернаторы подыскиваютъ учителей для ариѳметическихъ школъ, наблюдаютъ за исполненіемъ родителями и опекунами дѣтей обязанности посылать ихъ въ школы и дѣлаютъ вообще „всякое вспоможеніе"; архіереи же снабжаютъ школы учебниками для церковно-приходскихъ школъ, въ которыхъ ихъ вліяніе преобладаетъ, назначаютъ учителей и вообще заботятся о процвѣтаніи дѣла. Подчиненной губернаторамъ и архіереямъ инстанціей, по проекту училищной комиссіи, являются для городскихъ школъ мѣстные магистраты, имѣющіе ближайшее наблюденіе за учителями и учениками, а для сельскихъ—особый „начальникъ" изъ дворянъ, избираемый погодно для каждаго стана дворянскимъ обществомъ, гдѣ же нѣтъ дворянъ, назначаемый губернаторомъ въ согла-

сіи съ архіереемъ. Власть его фактически очень обширна: онъ часто ревизуетъ школы, провѣряетъ, не освобождаются ли ученики отъ занятій якобы „за непонятіемъ", неправильно исключенныхъ подъ этимъ предлогомъ водворяетъ обратно, принуждаетъ обывателей платить за дѣтей установленные взносы, взыскиваетъ съ помѣщиковъ или ихъ приказчиковъ, препятствующихъ крестьянамъ въ исполненіи школьныхъ обязанностей, отрѣшаетъ отъ должности нерадивыхъ учителей и подыскиваетъ на ихъ мѣста новыхъ, привлекаетъ къ отвѣтственности должностныхъ лицъ и въ случаѣ вины „нечиновныхъ" наказываетъ самъ, а „чиновныхъ" представляетъ губернатору. Наконецъ, проектъ училищной комиссіи устанавливаетъ еще должности попечителей какъ сельскихъ, такъ и городскихъ низшихъ школъ. Въ первомъ случаѣ они избираются прихожанами въ числѣ 12 человѣкъ на приходъ, при чемъ отказа отъ избранія не допускается, а въ городахъ избираются въ числѣ четырехъ и болѣе „по разсмотрѣнію общества съ магистратомъ". Главная ихъ обязанность—финансовая, раздѣленіе прихожанъ на разряды по состоянію, сборъ и расходованіе суммъ на постройку училищныхъ зданій, содержаніе школъ и вознагражденіе учителей. Вмѣняется имъ также въ обязанность для сельскихъ школъ и „наблюденіе порядка", но ближайшимъ образомъ данная сторона дѣла не разъясняется.

Идея школьнаго попечительства въ проектѣ духовной комиссіи выступаетъ блѣднѣе и болѣе расплывчато. Въ каждомъ приходѣ избирается только одинъ попечитель, на обязанности котораго лежитъ заботиться о постройкѣ школы и вообще „о школьныхъ нуждахъ", а гдѣ нѣтъ попечителя изъ прихожанъ, тамъ его роль исполняетъ завѣдывающій школою священникъ. Главная роль въ дѣлѣ прямого надзора за школами предоставлена не попечителю, а представителямъ духовной власти всѣхъ степеней, отъ мѣстнаго приходскаго священника до епархіальнаго архіерея.

Такимъ образомъ, наиболѣе вліятельныя и руководящія функціи въ управленіи народными школами проекты 1760—1770 гг. отдавали въ руки мѣстнымъ общегражданскимъ и духовнымъ властямъ, губернаторамъ, воеводамъ, архіереямъ, благочиннымъ и священникамъ, не заботясь о созданіи спеціально школьной администраціи. Только идею выборнаго попечительства можно отнести къ послѣдней категоріи, но

попечители, въ сущности, не играли большой роли, въ ихъ власти былъ только надзоръ, контроль, но не иниціатива.

Замѣчательно, что въ то время какъ въ западныхъ государствахъ одною изъ наиболѣе яркихъ чертъ педагогическаго движенія средины XVIII в. было стремленіе изъять народное образованіе изъ рукъ духовенства, наши проекты, создавшіеся подъ сильнымъ вліяніемъ этого педагогическаго движенія, отводятъ именно духовенству почти преобладающую роль въ управленіи низшей и даже средней школы. По проектамъ частной училищной и духовной комиссій, непосредственное завѣдованіе низшими сельскими и городскими школами сосредоточено всецѣло въ рукахъ мѣстныхъ причтовъ. На обязанности священника, какъ школьнаго „надзирателя", лежитъ веденіе списковъ дѣтей школьнаго возраста въ своемъ приходѣ, распредѣленіе ихъ по школамъ и классамъ, снабженіе учебными пособіями; онъ ежедневно посѣщаетъ школы, слѣдитъ за ходомъ преподаванія, „свидѣтельствуетъ" оканчивающихъ курсъ и наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы и по выходѣ изъ школы они „по домамъ твердили" учебники, даетъ особые уроки нравоученія дѣвочкамъ, нерадивыхъ учениковъ наказываетъ, не прибѣгая, впрочемъ, къ наказаніямъ тѣлеснымъ, развѣ „въ самой только необходимости, и то съ крайнимъ разсмотрѣніемъ"; наконецъ, представляетъ губернатору и архіерею годовую отчетность по школамъ своего прихода. Проектъ простонародныхъ школъ 1765—1766 г., не вдаваясь въ подробности, коротко указываетъ, что надъ этими школами „имѣютъ команду" старшіе члены причта.

Итакъ, администрація низшихъ школъ стоитъ особнякомъ, безъ всякой связи съ администраціей училищъ среднихъ и высшихъ. Она не находится въ вѣдѣніи центральной учебной администраціи, подчиняется мѣстнымъ гражданскимъ и духовнымъ властямъ, и дѣла народной школы не восходятъ выше губернаторовъ и архіереевъ. Отъ центральныхъ административно-учебныхъ органовъ низшая школа почти независима, но зато она отдана въ безконтрольную власть мѣстной администраціи и духовенству. Только записка Дильтея приводитъ проектируемыя имъ низшія или тривіальныя школы въ связь со средними и съ высшими учебными заведеніями. Предвосхищая основную идею предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, выработанныхъ въ 1803 г. при Але-

ксандрѣ I, проектъ Дильтея подчиняетъ въ административномъ отношеніи какъ тривіальныя, такъ и среднія школы университетамъ, предлагая разбить государство на три учебныхъ округа, во главѣ каждаго поставить одинъ университетъ съ его кураторомъ и коллегіей профессоровъ (Московскій и два новыхъ, предложенныхъ къ основанію—Дерптскій и Батуринскій) и подчинить имъ всѣ входящія въ данный округъ гимназіи и тривіальныя школы. Такъ какъ округа при этомъ выходили чрезвычайно неравномѣрные, именно къ Батуринскому относились школы Малороссіи, къ Дерптскому—Прибалтійскаго края, а къ Московскому — школы остальной Россіи, отъ Архангельска и Выборга до Астрахани и Оренбурга, отъ Смоленска и Пскова до Тобольска и Иркутска, то училища отдаленныхъ мѣстностей послѣдняго изъ округовъ Дильтей отдаетъ все-таки въ руки мѣстныхъ губернаторовъ и воеводъ, не поясняя, однако, совершенно ли замѣняется въ такихъ случаяхъ власть университета властью мѣстной администраціи, или между ними должно быть проведено какое-нибудь разграниченіе. Подобнымъ же образомъ, устанавливая принципъ подчиненія низшихъ школъ университетамъ, Дильтей не регламентируетъ въ подробностяхъ характера и формъ этой административной зависимости и указываетъ только, что университету принадлежитъ право выбора учительскаго персонала, а куратору—наблюденіе за хозяйственной частью.

Матеріальныя средства.

Расходъ по содержанію петровскихъ сословно-профессіональныхъ школъ всецѣло падалъ на тѣ отдѣльныя вѣдомства, потребности которыхъ обслуживались тѣмъ или другимъ училищемъ, и въ общемъ государственномъ бюджетѣ расходъ на народное образованіе не могъ быть выдѣленъ въ особую рубрику, подобно тому какъ порядокъ управленія этими школами не выдѣлялся въ самостоятельную отрасль государственнаго управленія. Проекты же 1760—1770 гг., рисовавшіе полную систему народнаго просвѣщенія, не профессіональнаго, а общаго, не могли обойти и кореннымъ образомъ связаннаго съ этимъ вопроса о матеріальной сторонѣ дѣла, о питаніи этой новой отрасли государственной жизни денежными средствами. Какъ же разрѣшался этотъ вопросъ въ своей самой существенной части, въ от-

ношенiи къ низшимъ и народнымъ школамъ, сельскимъ и городскимъ?

Всѣ проекты единодушно относятъ расходы на высшее и среднее образованiе за счетъ государственнаго казначейства и также единодушно расходы по содержанiю низшихъ школъ возлагаютъ на мѣстное населенiе. Основной тезисъ— государство принимаетъ на себя расходы лишь на среднее и высшее образованiе, а къ содержанiю низшихъ школъ понуждается само населенiе.

Сходясь на той мысли, что содержанiе начальныхъ народныхъ школъ есть дѣло кармана самого народа, всѣ проекты, затронувшiе этотъ вопросъ, предлагаютъ самые разнообразные способы обложенiя населенiя необходимымъ сборомъ и расходованiя послѣдняго. Приложенный къ проекту государственныхъ гимназiй „Планъ, какимъ образомъ во всѣхъ россiйскихъ городахъ и мѣстечкахъ учредить школы для простого народа безъ всякаго государственнаго расходу и народнаго отягощенiя“ уже въ самомъ своемъ названiи содержалъ формулу указаннаго тезиса, полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что расходъ на проектируемыя школы не составитъ „народнаго отягощенiя“. Предлагалъ онъ съ жителей брать по полтинѣ за каждаго мальчика въ пользу учителя и по нѣскольку копѣекъ на дрова, свѣчи, матерiалъ для письма и пр. За дѣтей бѣдныхъ жителей плата вносится изъ „публичной мѣщанской казны“. Жалованье изъ собранныхъ денегъ распредѣляетъ между учителями старшiй членъ мѣстнаго причта, „смотря по достоинствамъ и по трудамъ“ ихъ. Расходъ на строенiе школьныхъ помѣщенiй отсутствуетъ, такъ какъ школы должны ютиться въ церковныхъ домахъ или помѣщенiяхъ, отводимыхъ городскими управленiями. А буде такiя помѣщенiя окажутся тѣсными, проектъ рекомендуетъ въ такихъ случаяхъ дѣлить учениковъ на очереди.

Болѣе сложный порядокъ собиранiя и расходованiя школьныхъ средствъ предлагаетъ проектъ духовной комиссiи. Проектъ находитъ нужнымъ утѣшить правительство тѣмъ, что „къ заведенiю народныхъ школъ не требуется никакого казеннаго кошту, ни великихъ зданiй, ниже прiисканiя учителей высокимъ наукамъ“, ибо въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ „собственное отъ тѣхъ же гражданъ и мало убыточное основанiе сыскиваемо быть должно“. Школьныя

зданія въ 2—3 комнаты строятся „коштомъ прихожанъ“, а на какія средства—не указано, повидимому по раскладкѣ; издержки по ремонту и содержанію зданій покрываются путемъ сбора по рублю съ каждаго поступающаго ученика; на жалованье учителямъ и пріобрѣтеніе учебныхъ пособій обязываются спеціальными взносами родители учащихся за каждый предметъ отдѣльно: за азбуку, часословъ, псалтырь, катехизисъ—по рублю, за письмо—по полтинѣ, за книжку исторіи и географіи—по полтинѣ, священнику за надзираніе—полтину и при выпускѣ ученика изъ школы—рубль. Учебники и учебныя принадлежности пріобрѣтаются учащимися за свой счетъ изъ складовъ при школахъ. Наконецъ, если этихъ взносовъ окажется недостаточно, проектъ предлагаетъ обратиться къ добровольнымъ жертвованіямъ прихожанъ, которыя комиссія старается особенно поощрить.

Нѣсколько болѣе устойчивыя основанія матеріальнаго обезпеченія народныхъ школъ выдвигаются проектами частной училищной комиссіи и подробными записками Золотницкаго. Здѣсь уже замѣчается нѣкоторая планомѣрность. Въ каждомъ сельскомъ приходѣ путемъ самообложенія прихожанъ производится двоякаго рода сборъ: единовременный—на построеніе школьныхъ зданій и обзаведеніе инвентаремъ, и періодическій, ежегодный—на содержаніе школы и жалованье учителямъ и „надзирателямъ“, при чемъ этотъ сборъ дѣлается какъ деньгами, такъ и натурой—хлѣбомъ. Для раскладки этихъ взносовъ прихожане дѣлятъ себя по большинству голосовъ на три группы по состоянію: достаточныхъ, посредственныхъ и скудныхъ; первые платятъ вдвое больше вторыхъ и втрое противъ послѣднихъ. Выражается въ проектѣ и надежда, что „дворянство, живущее въ деревняхъ, на построеніе училищъ не оставитъ сдѣлать вспоможеніе по произволенію своему“. Наконецъ, родители, желающіе обучать своихъ дѣтей предметамъ, не входящимъ въ кругъ элементарнаго обученія, письму, ариѳметикѣ и пр., сверхъ обязательныхъ взносовъ, уплачиваютъ особую плату непосредственно учителямъ, отъ 20 к. и выше. Руководство сборомъ и расходованіемъ суммъ принадлежитъ мѣстнымъ священникамъ и попечителямъ, а контроль—собранію самихъ прихожанъ подъ предсѣдательствомъ священника.

На такихъ же общихъ основаніяхъ создается матеріальное обезпеченіе и городскихъ народныхъ школъ. Путемъ

раскладки между горожанами средняго класса, т. е. мѣщанами, сообразно достатку каждаго, собираются средства на строеніе школъ, а сборъ на содержаніе послѣднихъ взимается со всѣхъ семей даннаго городского общества, учатся ли ихъ дѣти въ школѣ или нѣтъ; семьи, въ которыхъ нѣтъ учащихся дѣтей, освобождаются только отъ покрытія расходовъ на дрова, освѣщеніе и др. хозяйственныя мелочи; дворянство, отдающее своихъ дѣтей въ городскія школы, принимаетъ участіе въ расходахъ на нихъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и мѣщане.

Такъ разрѣшался проектами 1760—1770 гг. одинъ изъ коренныхъ вопросовъ народнаго просвѣщенія, вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи начальнаго народнаго образованія. Сразу при этомъ бросается въ глаза явная несправедливость по отношенію къ низшимъ слоямъ населенія: въ то время какъ расходы на среднія и высшія учебныя заведенія, гимназіи, корпуса, университеты и т. д., предназначавшіяся для привилегированныхъ и имущественно болѣе обезпеченныхъ сословій, относились на государственный счетъ, содержаніе низшихъ школъ возлагалось на крестьянъ и мѣщанъ, классовъ, матеріально наименѣе обезпеченныхъ. Правда, всѣ проекты полагали, что эти расходы не представятъ для облагаемыхъ значительнаго отягощенія, но это грубая ошибка, которую можно объяснить лишь тѣмъ, что авторы проектовъ ощутимость школьныхъ расходовъ для крестьянина мѣряли масштабомъ дворянскаго семейнаго бюджета. Была и другая коренная ошибка во всѣхъ этихъ проектахъ. Созданіе и развитіе школьной сѣти возлагалось на само населеніе, но успѣшно эта задача могла быть выполнена только при извѣстной общественной самодѣятельности и спеціальной организаціи сельскихъ и городскихъ обществъ, чего на дѣлѣ не было. Знаменательно, что школы для высшихъ сословій проектировало устроить само правительство, очевидно не довѣряя достаточной инціативѣ и просвѣщенности дворянства, заботы же о школахъ для наиболѣе темныхъ массъ были возложены на нихъ самихъ.

Обзоръ проектовъ въ области народнаго просвѣщенія, появившихся въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, приводитъ насъ къ общему выводу, что широкая задача народнаго образованія, поставленная вѣкомъ просвѣще-

нія и въ общихъ штрихахъ очерченная въ „Генеральномъ учрежденіи“, этими проектами была разрѣшена неудовлетворительно. Даже въ области словъ и намѣреній, въ каковой проектамъ суждено было навсегда остаться, совершены были серьезныя отступленія отъ выставленныхъ основныхъ принциповъ. Это уклоненіе еще рѣзче проявилось въ практическихъ результатахъ, которые были достигнуты усиліями Бецкаго въ учрежденныхъ имъ воспитательныхъ заведеніяхъ при академіи наукъ и художествъ и при монастыряхъ, Смольномъ и Новодѣвичьемъ. И, конечно, еще шире раздвинулась бы пропасть между желаемымъ и сдѣланнымъ, еще глубже стала бы она, если бы была совершена попытка осуществить въ жизни предположенія какого-нибудь изъ этихъ проектовъ. И это краснорѣчиво говоритъ, насколько жизнь съ ея реальными условіями была сильнѣе теоретическихъ посылокъ. Въ области низшаго образованія, самомъ важномъ, самомъ капитальномъ вопросѣ народнаго просвѣщенія, въ сферѣ обученія простого народа эти проекты предполагали сдѣлать менѣе всего, а одинъ изъ нихъ, проектъ проф. Дильтея—даже ровно ничего. Проведеніемъ принципа сословности, постановкой школы для простого народа особнякомъ, недопущеніемъ „подлаго состоянія“ къ дальнѣйшему образованію всѣ эти проекты совершенно разошлись съ основными принципами просвѣтительной философіи и педагогики, съ которыми были связаны идейными узами. Однако, подъ большимъ вопросомъ надо поставить практическую осуществимость элементарнаго народнаго образованія даже въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя для него были очерчены этими проектами, ибо вся тягость несенія матеріальныхъ издержекъ по осуществленію этой задачи всецѣло возлагалась на плечи самихъ непривилегированныхъ сословій, наименѣе обезпеченныхъ и потому лишенныхъ возможности вынести эти расходы. Между тѣмъ, именно народная школа нуждается гораздо болѣе, чѣмъ, напримѣръ, средняя, въ содержаніи на государственный счетъ; именно она требуетъ значительныхъ расходовъ, которые по силамъ только государственному хозяйству въ его цѣломъ. Предположеніе проектовъ, что народныя школы не вызовутъ отягощенія, было въ корнѣ неправильно, ибо выпускало изъ виду подавляющую численность при нормальныхъ условіяхъ низшихъ училищъ сравнительно со школами иныхъ

категорій и игнорировало матеріальные достатки низшихъ слоевъ населенія.

Но если эти проекты разсматривать не съ точки зрѣнія принциповъ вѣка просвѣщенія, которые искусственно и въ полномъ несоотвѣтствіи съ соціальными условіями тогдашней Россіи исповѣдывали Екатерина и ея ближайшіе помощники въ школьномъ дѣлѣ, а съ точки зрѣнія этихъ тогдашнихъ условій русской дѣйствительности, то за ними необходимо будетъ признать громадное значеніе. Являясь въ сравненіи съ эпохой Петра большимъ шагомъ впередъ въ области средней привилегированной школы, превращая послѣднюю изъ профессіонально-сословной въ общеобразовательную, хотя бы и тоже сословную, эти проекты и для низшей народной школы должны быть разсматриваемы какъ значительный этапъ прогресса. Можно категорически сказать, что они впервые—худо ли, хорошо ли—поставили вообще вопросъ о школѣ для простого народа. Это была первая попытка такъ или иначе возбудить вопросъ о народномъ образованіи, и въ этомъ отношеніи они заслуживаютъ полнаго вниманія и всесторонняго историческаго изученія.

Практическій періодъ.

„Комиссія объ устройствѣ народныхъ училищъ". Австрійская система. Главныя и малыя училища.

„Увлеченная просвѣтительными теоріями, энтузіастически настроенная Екатерина шестидесятыхъ годовъ,—говоритъ П. Н. Милюковъ,—могла мечтать о созданіи новой породы людей. Охлажденная житейскимъ опытомъ и разочарованная, Екатерина восьмидесятыхъ годовъ должна была видѣть, какъ недостаточны были для выполненія этого грандіознаго замысла находившіяся въ ея рукахъ средства". Успѣхъ учебной реформы, намѣченной Екатериной, зависѣлъ, однако, не только отъ средствъ, необходимыхъ для ея проведенія. Перевоспитать общество въ цѣломъ, создать идеальныхъ гражданъ, исповѣдующихъ кодексъ просвѣтительной философіи, поступающихъ практически по ея принципамъ, относящихся къ людямъ, какъ къ равнымъ,—это акая грандіозная задача, которая не могла и никогда не

можетъ быть достигнута наличностью тѣхъ или другихъ просвѣтительныхъ педагогическихъ средствъ. Это былъ бы полный соціальный переворотъ, совершить который не подъ силу просвѣтительнымъ принципамъ. Просвѣтительная философія и ея дѣтище—просвѣтительная педагогика—въ своихъ окончательныхъ выводахъ были глубоко спекулятивны. Философія корни свои гнѣздила, правда, въ реальныхъ условіяхъ жизни, она была теоретическимъ порожденіемъ извѣстнаго соціальнаго конфликта между желавшимъ сохранить свою власть феодализмомъ и стремившимся занять по меньшей мѣрѣ равное съ нимъ положеніе „третьимъ сословіемъ". Идеологію послѣдняго и составляла, какъ отмѣчено уже раньше, просвѣтительная философія. Но нужды „третьяго сословія" философія возвела въ общій принципъ, распространивъ его на человѣчество во всѣхъ его слояхъ. Это былъ искренній порывъ увлеченія, который раздѣлялся нѣкоторое время и самимъ „третьимъ сословіемъ". Выработавъ извѣстные идеалы, которые предполагалось силою одного слова и убѣжденія воплотить въ жизнь, философія не считалась съ реальными условіями, съ дѣйствительностью, съ тѣмъ, что жизнь находилась въ кричащемъ противорѣчіи съ теоріей философовъ и педагоговъ о равенствѣ людей. И то самое третье сословіе, которому прежде всего хотѣлось завоевать равенство правъ и которое ихъ завоевало, какъ только мечта его осуществилась, отнеслось съ категорическимъ отрицаніемъ къ распространенію ихъ на слои населенія, стоявшіе ниже. И идеалистическая философія въ томъ смыслѣ въ своихъ выводахъ и была спекулятивна, что не считалась съ подпочвою жизненныхъ условій, вызвавшихъ выставленные ею лозунги, и что распространить ихъ на все человѣчество она полагала возможнымъ силою слова. Послѣднее передъ этими условіями было безсильно и въ Западной Европѣ. Тѣмъ болѣе безсильно оно было въ Россіи, гдѣ крѣпостная зависимость массы населенія отъ дворянства въ ту пору была выражена ярче, чѣмъ когда бы то ни было, и гдѣ вообще сословные слои населенія были отчерчены весьма рѣзко. Проводить въ жизнь высокіе принципы воспитанія идеальнаго гражданина было полной утопіей, когда въ гущѣ той же жизни существовало рабская зависимость одного человѣка отъ другого. И еще утопичнѣе было лѣвой рукой сѣять идеалы просвѣтительной философіи, а правой взнуз-

дывать еще болѣе крестьянина, узаконять новыми законами его рабство и ждать въ результатѣ благорастворенія воздуховъ отъ дѣяній лѣвой руки, какъ это дѣлала и этого ждала Екатерина. Изъ этого понятно, что никакія попытки воспитанія идеальнаго гражданина не могли имѣть успѣха, и возможно, что Екатерина послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ это сама сознала. А такъ какъ нельзя было отказаться отъ смягченія сословнаго строя — это задача столѣтій и не по силамъ отдѣльнымъ лицамъ,—то пришлось отказаться отъ новой школы. Въ рядѣ разсмотрѣнныхъ учебныхъ проектовъ первоначальные чистые принципы просвѣтительной педагогики все болѣе отступаютъ на заднiй планъ, а ихъ мѣсто занимаютъ идеи, все болѣе и болѣе соотвѣтствующія тогдашнимъ условіямъ дѣйствительности. Между утопіями „Генеральнаго учрежденія“ и идеями проекта частной училищной комиссіи уже цѣлая пропасть. Но и въ послѣднемъ еще были отзвуки перваго. Пришлось и отъ нихъ отказаться. Нужно было что-нибудь близко подходящее къ русскимъ условіямъ. И оно нашлось.

Къ 1780 г. Екатерина совершенно охладѣла къ идеѣ воспитанія „новой породы“ людей. То, что казалось ей раньше началомъ великаго переворота, свелось къ разрозненнымъ и безсильнымъ отдѣльнымъ попыткамъ. Проектъ за проектомъ складывались одинъ на другой и оставались безъ движенія. Ту же участь постигли совѣты иностранныхъ философовъ друзей Екатерины. Совѣты Вольтера, довольно обширный проектъ Дидро также остались безъ осуществленія. Въ письмахъ къ Гримму и къ другимъ лицамъ Екатерина неоднократно высказывала свое неумѣніе и безсиліе взяться за это дѣло, горько жаловалась на нежеланіе помочь ей, предлагала Гримму взяться за его осуществленіе, а послѣ отказа послѣдняго окончательно признала невозможность немедленно взяться за задачу народнаго воспитанія, утѣшая себя мыслью, что „передъ Богомъ тысяча лѣтъ не болѣе какъ одно мгновеніе“.

Но окончательно императрица не сложила оружія. 3 февраля 1780 г. въ письмѣ къ Гримму она признавала невозможнымъ провести въ жизнь дѣло народнаго воспитанія, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 25 мая 1780 г., въ письмѣ къ тому же Гримму она уже рѣшительно высказывалась за введеніе въ Россіи такъ называемой австрійской системы

народныхъ школъ. Незадолго передъ тѣмъ Екатерина имѣла свиданіе въ Могилевѣ съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, который разсказалъ ей о замѣчательно плодотворныхъ результатахъ австрійскихъ народныхъ училищъ послѣ преобразованія ихъ по системѣ Фельбигера и рекомендовалъ принять за образецъ эту систему для учрежденія народныхъ училищъ въ Россіи. Екатерина настолько заинтересовалась этими школами, что рѣшила пересадить ихъ и на русскую почву.

Основателемъ типа общеобразовательной школы, въ Австріи называвшейся *саганской*, также *нормальной*, а у насъ, по мѣсту ея первоначальнаго распространенія, *австрійской*, былъ настоятель августинскаго Саганскаго монастыря въ Силезіи Фельбигеръ. Широкое распространеніе и успѣхъ въ Австрійской имперіи этой школы, введенной въ царствованіе Маріи-Терезіи, обезпечивался не столько новизной научнаго идеала или практическихъ задачъ въ народномъ образованіи, сколько цѣлесообразнымъ сочетаніемъ тѣхъ необходимыхъ условій, безъ которыхъ неосуществима никакая система народнаго просвѣщенія, какими бы достоинствами ни отличалась она по существу своего научно-образовательнаго содержанія. Сущность ея сводится къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) подготовка спеціалистовъ-учителей въ связи съ усовершенствованіемъ методовъ преподаванія; 2) учрежденіе школьной комиссіи, какъ учебно-административнаго органа, и установленіе правильнаго надзора за ходомъ учебной жизни; 3) образованіе спеціальнаго школьнаго капитала, „училищнаго фонда".

Ничего, собственно, непослѣдовательнаго нѣтъ въ томъ, что Екатерина, охладѣвшая къ своимъ прежнимъ педагогическимъ увлеченіямъ, могла тѣмъ не менѣе съ возродившимся пыломъ явиться сторонницей австрійской системы народныхъ училищъ. Объясненіе кроется, прежде всего, въ томъ, что ея не покидало желаніе создать „третье сословіе", для чего школы были нужны во всякомъ случаѣ; затѣмъ значительную роль при этомъ играла самая сущность этой системы. Самый важный пунктъ преткновенія въ осуществленіи принциповъ „Генеральнаго учрежденія" и слѣдовавшихъ за нимъ проектовъ была доминировавшая въ нихъ идея *воспитанія*, и именно къ ней-то Екатерина въ силу обстоятельствъ и охладѣла,—между тѣмъ въ саганской школѣ цѣли воспитанія отступаютъ на задній планъ, стушевыва-

ются и ужъ, конечно, совершенно не имѣютъ въ виду воспитанія идеальныхъ гражданъ, созданіе „новой породы“ людей; центральное же мѣсто въ ней занимаютъ цѣли обученія, отъ которыхъ императрица и не отказывалась, но только не знала, какими средствами достигнуть ихъ. Во-вторыхъ, саганская система оправдала уже свою доброкачественность на опытѣ въ Австріи, а успѣшный примѣръ значитъ очень много; принявъ принципы системы, приспособивъ ея детали къ условіямъ русской жизни, можно было разсчитывать на подобный же успѣхъ и у насъ; эта система уже оправдалась, была проведена на практикѣ, и пересадить ее на русскую почву было не такъ трудно, въ то время какъ принципы воспитанія идеальныхъ гражданъ нигдѣ не были осуществлены, оставались чисто теоретическими положеніями, и попытки ихъ осуществленія въ Россіи дѣлались самостоятельно, не имѣя въ виду достойнаго подражанія образца. Наконецъ, саганская школьная система охватывала только народное образованіе, оставляя въ сторонѣ высшую и среднюю школы, сужала задачу и такимъ образомъ облегчала ее. Это была уже не та грандіозная задача, ставившая своею цѣлью перевоспитать въ корнѣ все общество, это была задача обученія грамотѣ народныхъ массъ, за которую можно было взяться съ разсчетомъ на успѣхъ.

Однако, императрица не рѣшалась сразу приступить къ дѣлу. Вѣрная своему обычаю предъ началомъ всякаго крупнаго мѣропріятія выслушать мнѣніе просвѣщенныхъ и компетентныхъ людей, она обратилась за совѣтомъ къ Гримму и академику Эпинусу, извѣстному физику и воспитателю наслѣдника вел. кн. Павла Петровича. Гриммъ отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ пишетъ, что предпринимаемая реформа „будетъ великимъ благомъ—просвѣтится народъ, станетъ разумнѣе; одни глупцы или мерзавцы боятся образованнаго народа; рожденные для власти предпочитаютъ владычествовать надъ людьми, нежели надъ животными“. Вмѣстѣ съ этимъ Гриммъ переслалъ императрицѣ записку ректора Московской униниверитетской гимназіи, извѣстнаго филолога и друга Новикова, Шадена, въ своихъ заключительныхъ выводахъ тоже высказывавшагося за введеніе народныхъ школъ по образцу австрійскихъ. Эпинусъ также отозвался обстоятельной запиской, въ которой выяснилъ сущность новой австрійской системы и подробно разобралъ всѣ главные вопросы, связанные съ пе-

ренесеніемъ ея въ русскія условія. По его мнѣнію, слѣдовало заимствовать эту систему во всей ея полнотѣ, внеся въ нее лишь частичныя измѣненія, поскольку они необходимо вызываются мѣстными условіями русской жизни. По примѣру Австріи, слѣдуетъ учредить высшее школьное управленіе въ видѣ коллегіи или комиссіи изъ 2—3 лицъ, на обязанности которой лежало бы въ дальнѣйшемъ общее руководство всѣмъ дѣломъ, а на первыхъ порахъ устройство нѣсколькихъ нормальныхъ школъ для приготовленія учителей, переводъ австрійскихъ школьныхъ руководствъ и вообще подготовленіе къ реформѣ. Учителей для первыхъ нормальныхъ учительскихъ школъ онъ предлагалъ пригласить изъ австрійскихъ славянъ, которые на родинѣ изучили постановку дѣла, а учениковъ, слѣдовательно будущихъ учителей народныхъ школъ, набрать изъ духовныхъ семинарій. Екатерина вполнѣ согласилась съ мыслями Эпинуса и съ своей стороны въ 1782 г. набросала планъ первыхъ мѣропріятій къ введенію въ Россіи австрійской системы.

Осенью 1782 г. въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Венгріи Янковичъ де-Миріево, котораго еще въ 1780 г. Іосифъ II рекомендовалъ Екатеринѣ въ качествѣ руководителя при насажденіи въ Россіи школъ по австрійскому образцу, аттестуя его „человѣкомъ, трудившимся уже по устроенію школъ, знающимъ языкъ россійскій и исповѣдающимъ православный законъ". Янковичъ де-Миріево и былъ въ собственномъ смыслѣ творцомъ первой русской общеобразовательной школы второй половины XVIII в., и въ виду его значенія въ этомъ отношеніи нелишне будетъ привести нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ.

Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ происходилъ изъ стариннаго сербскаго дворянскаго рода, владѣвшаго близъ Бѣлграда селомъ Миріево. Когда турки въ XV в. овладѣли Сербіей, Янковичи переселились въ Венгрію, гдѣ и родился Ѳедоръ Ивановичъ въ 1741 г. Высшее образованіе онъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ изучалъ юриспруденцію и камеральныя науки. Въ 1773 г. былъ назначенъ директоромъ народныхъ училищъ въ Темешварскомъ банатѣ, въ нижней Венгріи. Когда въ началѣ 1770-хъ годовъ въ Австро-Венгріи народная школа реформировалась по образцу саганской, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей въ разрѣшеніи этой задачи. Педагогиче-

ская дѣятельность Янковича обратила на него вниманіе правительства, и императрица Марія-Терезія въ 1774 г. пожаловала его австрійскимъ дворянскимъ достоинствомъ съ прибавленіемъ къ его фамиліи названія *де-Миріево*. Въ качествѣ энергичнаго и выдающагося своими способностями педагога, зналъ его и Іосифъ II, который и рекомендовалъ его Екатеринѣ, какъ человѣка, вполнѣ подходящаго для проведенія школьной реформы въ Россіи. Въ оцѣнкѣ его императоръ не ошибся. Въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ Янковичъ де-Миріево неутомимо трудился на пользу народнаго просвѣщенія, и екатерининская народная школа какъ своимъ зарожденіемъ, такъ и дальнѣйшей жизнью всецѣло обязана ему. Если успѣхъ этой школы и не вполнѣ оправдался, то вина за это ни въ какомъ случаѣ не падаетъ на Янковича, а должна быть отнесена отчасти на его сотрудниковъ и начальниковъ, болѣе же всего на общія условія русской жизни, при которыхъ не легко было создать что-либо высокое и созданное сохранить.

7 сентября 1782 г. была учреждена „комиссія объ устройствѣ народныхъ училищъ“. Во главѣ ея почему-то былъ поставленъ сенаторъ Завадовскій, не имѣвшій никакого отношенія къ школьному дѣлу, и членами назначены т. с. П. И. Пастуховъ, также неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, и академикъ Эпинусъ, человѣкъ дѣйствительно компетентный. Примѣчательно, что Янковичъ, хотя на немъ и лежала вся тяжесть новаго предпріятія, лишь въ 1797 г. былъ удостоенъ званія дѣйствительнаго члена этой комиссіи, до тѣхъ же поръ довольствовался скромнымъ положеніемъ въ роли сотрудника-эксперта.

Первымъ шагомъ комиссіи была выработка „Плана къ установленію народныхъ училищъ въ Россійской имперіи“, Высочайше утвержденнаго 27 сентября 1782 г. Его существенная *учебная* часть, разработанная наиболѣе подробно, принадлежала Янковичу, остальныя же части, *политическая* и *экономическая*, были составлены комиссіей въ ея цѣломъ и представляли лишь набросокъ связанныхъ съ учрежденіемъ народныхъ училищъ хозяйственныхъ и финансовыхъ вопросовъ, окончательное разрѣшеніе которыхъ, по мнѣнію комиссіи, возможно было лишь по накопленіи нѣкотораго опыта. Этотъ планъ былъ временнымъ, и имъ регулировалось устройство народныхъ училищъ до 5 августа 1786 г.,

когда былъ утвержденъ окончательный уставъ народныхъ училищъ, давшій учебной системѣ законодательную санкцію. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ всѣ усилія комиссіи и ея главнаго работника, Янковича, были устремлены къ переводу и изданію учебныхъ книгъ и къ подготовкѣ учителей для народныхъ училищъ.

Основнымъ источникомъ для составленія устава 1786 г. явился австрійскій уставъ 1774 г. и различныя правила и инструкціи, изданныя въ развитіе его; однако это была не простая копія съ готоваго образца, но вполнѣ самостоятельная переработка общей схемы, данной австрійскимъ законодательствомъ, хотя уклоненія были не всегда къ пользѣ русскаго устава.

Полный курсъ образованія, проходимый въ австрійскихъ народныхъ училищахъ, слагался изъ трехъ основныхъ, концентрически расположенныхъ круговъ, изъ которыхъ каждый былъ представленъ самостоятельнымъ типомъ школы. Первый кругъ составляло элементарное обученіе чтенію, письму, основамъ ариѳметики и т. д. и представленъ былъ онъ особой школой—*тривіальной*, городской и сельской, причемъ курсъ городской былъ нѣсколько шире курса сельской. На этомъ элементарномъ образованіи базировался слѣдующій кругъ образованія, предназначаемый для желающихъ продолжать образованіе въ университетахъ и для готовящихся къ практической дѣятельности въ сферѣ сельскаго хозяйства и промышленности. Это образованіе проходилось въ *главныхъ* школахъ. Наконецъ, третій и высшій типъ народной школы была *нормальная* школа, въ которой подготовлялись учителя для низшихъ школъ. Курсъ въ каждомъ изъ этихъ типовъ расположенъ былъ такъ, что въ главную школу входили всѣ предметы тривіальной съ прибавленіемъ соотвѣтственныхъ новыхъ, а нормальная школа включала въ свой кругъ образованія все проходимое въ тривіальной и главной, присоединяя къ этому еще курсъ педагогическихъ и дидактическихъ знаній. Вмѣстѣ съ этимъ вся система связывалась съ высшимъ образованіемъ, такъ какъ курсъ главныхъ училищъ былъ приноровленъ къ тому, чтобы оканчивающіе его могли съ успѣхомъ слушать лекціи въ университетахъ.

По настояніямъ Эпинуса, первоначально императрица предполагала просто скопировать австрійскую схему и въ

своемъ черновомъ наброскѣ намѣтила слѣдующіе типы школъ: *земскія* школы, *городовыя* и *среднія*, которыя соотвѣтствовали австрійскимъ тривіальнымъ, главнымъ и нормальнымъ. Однако первоначальный планъ комиссіи выработалъ самостоятельную схему, значительно разнившуюся отъ австрійской и списанной съ нея схемы Екатерины. По этому плану учреждались три типа школъ: 1) *малыя* двухклассныя, соотвѣтствующія австрійскимъ сельскимъ тривіальнымъ, 2) *среднія* трехклассныя—австрійскимъ городскимъ тривіальнымъ, и 3) *главныя*—австрійскимъ главнымъ. Уклоненіе выражалось такимъ образомъ, во-первыхъ, въ томъ, что малыя и среднія училища, соотвѣтствовавшія австрійской тривіальной, сельской и городской школѣ, разсматривались не какъ два параллельныхъ типа, предназначенныхъ для разныхъ слоевъ населенія, а какъ двѣ послѣдовательныя ступени низшаго образованія, и, во-вторыхъ, въ томъ, что нормальныя школы совершенно опускались, и вопросъ о подготовкѣ народныхъ учителей разрѣшался иначе: предполагалось, что для малыхъ училищъ педагогическій персоналъ подготовляется въ главныхъ, а для послѣднихъ—въ единственной учительской семинаріи въ Петербургѣ, получившей свое существованіе такъ сказать внѣ и помимо общей схемы. Уставъ же 5 августа 1786 г. еще далѣе уклонился отъ австрійскаго образца. Онъ совершенно исключилъ среднее училище, какъ лишнюю ступень народнаго образованія, и трехстепенную систему народныхъ училищъ превратилъ въ двухстепенную, представленную двумя типами школъ—двухклассным *малымъ* и четырехклассным *главнымъ* училищами, при чемъ второе цѣликомъ включало въ себя кругъ предметовъ перваго.

Въ связи съ этой укороченной и сокращенной схемой стояла и сфера соціальнаго распространенія училищъ. Въ то время какъ въ Австріи школьная система, въ частности тривіальныя школы, распространялась какъ на городское, такъ и на сельское населеніе, являясь такимъ образомъ выразительницей дѣйствительно народной школы въ полномъ смыслѣ этого слова, уставъ 1786 г., вопреки первоначальнымъ предположеніямъ и намѣреніямъ, фактически исключилъ сельское населеніе изъ сферы народнаго образованія, предписывая учреждать народныя школы только въ городахъ, губернскихъ и уѣздныхъ; хотя къ этому предписанію

дѣлалось дополненіе: „и гдѣ еще по усмотрѣнію приказа общественнаго призрѣнія на первый случай малыя училища быть могутъ надобны“, но въ дальнѣйшемъ изложеніи устава не встрѣчается даже и намека на намѣреніе приспособить новую учебную систему къ интересамъ сельскаго населенія и къ условіямъ его быта. Это введеніе вопроса о народномъ просвѣщеніи вообще въ узкія рамки школъ только для городского населенія объясняется и на этотъ разъ прежде всего указанными уже особенными условіями юридическаго и бытового положенія крестьянства, исключительностью его сословнаго положенія и общимъ направленіемъ политики въ XVIII в. Но была еще и спеціальная причина, заставлявшая правительственную власть весьма подозрительно относиться къ просвѣщенію сельскаго населенія, это—движеніе, вызванное Пугачевымъ. Къ какимъ-либо болѣе или менѣе значительнымъ преобразованіямъ въ области крестьянскаго вопроса правительственная власть послѣ этого движенія стала относиться крайне отрицательно. „Гдѣ только начнутъ его (крестьянскій вопросъ) трогать,—говорила Екатерина въ 1777 г.,—онъ нигдѣ не поддается“, и это отрицательное отношеніе перешло и на вопросъ о сферѣ распространенія народнаго образованія. Такимъ образомъ, вопросъ о народномъ просвѣщеніи свелся къ вопросу объ образованіи прежде всего, конечно, дворянства и затѣмъ городского населенія, изъ котораго Екатерина всегда мечтала выработать „третьяго чина людей“, третье сословіе, на подобіе французскаго. Фактически исключая изъ сферы образованія сельское населеніе, уставъ 1786 г. однако по существу городскія училища не превращалъ въ сословныя, допуская посѣщеніе ихъ дѣтьми всѣхъ городскихъ жителей, въ томъ числѣ и крестьянъ; приведенныя ниже данныя о составѣ учащихся свидѣтельствуютъ, что онъ отличался дѣйствительно чрезвычайной пестротой.

Отказываясь отъ осуществленія всеобщности образованія, сужая соціальную область его распространенія, уставъ не принялъ и другого весьма важнаго принципа—*обязательности* образованія, чѣмъ также разнился отъ своего австрійскаго образца, который удержалъ это начало, хотя и въ мягкой формѣ. Въ самомъ уставѣ этотъ пунктъ совсѣмъ обходился молчаніемъ, но онъ затрагивался въ ст. 384 учрежденія о губерніяхъ, которая говорила, что народныя школы

предназначаются „для всѣхъ тѣхъ, кои *добровольно* пожелаютъ обучаться въ оныхъ, въ чемъ, однако же, не чинить никому принужденія, но отдавать на волю родителей: отдавать дѣтей въ школу или оставлять ихъ дома".

Не даетъ уставъ 1786 г. отчетливой постановки и вопроса о женскомъ образованіи. По нѣкоторымъ параграфамъ, гдѣ наряду съ учениками упоминаются и ученицы, можно сдѣлать выводъ, что народныя училища предназначались для молодежи обоего пола, но это только одни упоминанія вскользь, ничѣмъ болѣе категорическимъ не подтверждающіяся. И только „Руководство учителямъ I—II классовъ" возвращается къ тому же вопросу, замѣчая, впрочемъ также вскользь, что дѣвочекъ необходимо сажать отдѣльно отъ мальчиковъ.

Какъ уже раньше было упомянуто, введеніемъ въ Россіи австрійской системы школъ преслѣдовались болѣе цѣли обученія, чѣмъ воспитанія, которое составляло центръ тяжести въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины и въ рядѣ проектовъ учебной реформы. Правда, уставъ 1786 г. довольно опредѣленно подчеркиваетъ еще важность воспитанія въ школьномъ дѣлѣ. „Воспитаніе, просвѣщая разумъ человѣка различными познаніями,—гласитъ одна изъ статей устава,—украшаетъ его душу; склоняя же его волю къ дѣланію добра, руководствуетъ къ жизни добродѣтельной и напояетъ, наконецъ, человѣка такими понятіями, которыя ему въ общежитіи необходимо нужны". Правда и то, что и теперь подчеркивалась необходимость начинать систематическое воспитаніе съ возможно ранняго возраста: „сѣмена таковыхъ нужныхъ и полезныхъ знаній сѣять еще должно съ малолѣтства въ сердцахъ отроческихъ, дабы они въ юношескихъ лѣтахъ возростали, а въ мужскихъ, созрѣвши, плодъ приносили". Въ этомъ его связь съ предыдущими проектами. Но, во-первыхъ, въ приведенныхъ цитатахъ, особенно въ первой изъ нихъ, довольно неясно понимается задача воспитанія, и на мѣсто чистаго воспитанія подставляется собственно обученіе, что и показываетъ фраза: „просвѣщая разумъ человѣка различными познаніями". Во-вторыхъ, преслѣдуемое уставомъ 1786 г. воспитаніе уже совсѣмъ не того типа, какое имѣлось въ виду „Генеральнымъ учрежденіемъ"; здѣсь уже не преслѣдуются цѣли воспитать идеальнаго гражданина, создать новую породу людей; это—

просто, такъ сказать, обычное, житейское воспитаніе, насколько оно вообще возможно и необходимо въ народной школѣ. Въ-третьихъ, наконецъ, въ уставѣ нѣтъ уже тѣхъ категорическихъ утвержденій, что воспитаніе есть корень и сущность всего, что образованіе безъ него можетъ быть даже вреднымъ; проектъ не увлекается односторонними взглядами; на обѣ области просвѣщенія смотритъ трезво, каждой изъ нихъ отводя подобающее ей мѣсто. Воспитаніе въ общемъ становится даже на второмъ планѣ, а впередъ выдвигаются цѣли обученія, которое остается чисто общеобразовательнымъ, не преслѣдуя никакихъ профессіональныхъ цѣлей.

Обратимся теперь къ научно-образовательному содержанію каждаго изъ двухъ цикловъ образованія, сосредоточенныхъ въ малыхъ и главныхъ народныхъ училищахъ. О преподаваніи иностранныхъ языковъ, танцевъ, объ обученіи прилично и умно вести разговоръ, вообще объ излюбленныхъ предметахъ русско-дворянской школы уставъ мало заботился. Онъ включалъ лишь главнѣйшіе общеобразовательные предметы, распредѣляя ихъ по классамъ концентрическими кругами, такъ что программа каждаго класса представляла нѣчто цѣльное и самостоятельное.

Курсъ малаго двухкласснаго училища соотвѣтствовалъ курсу австрійской тривіальной школы. Въ первомъ классѣ проходилось чтеніе, письмо, первоначальное знакомство съ ариѳметикой, священная исторія, краткій катехизисъ и начатки русской грамматики. Во второмъ классѣ продолжалось обученіе ариѳметикѣ, катехизисъ проходился болѣе подробно, присоединялись чистописаніе и рисованіе и, наконецъ, читалась и толковалась „книга о должностяхъ человѣка и гражданина". Въ ней собственно и сосредоточивалась своеобразная энциклопедія того гражданскаго воспитанія народной массы, въ которомъ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма полагалъ основу и сущность государственнаго благополучія. Здѣсь кратко излагались свѣдѣнія о душевныхъ силахъ и гигіенѣ тѣла, давалось понятіе о человѣческихъ „добродѣтеляхъ" и „должностяхъ" по отношенію къ Богу, самому себѣ и другимъ людямъ, о семейномъ союзѣ и другихъ общественныхъ формахъ, о порокахъ, объ обязанностяхъ подданныхъ, о наукахъ, художествахъ, промыслахъ, рукодѣліяхъ, о „надобности" различныхъ соціаль-

ныхъ состояній, о способахъ пріобрѣсти и упрочить домашнее благосостояніе, или о домоводствѣ, и т. д. „Напоять душу нашу добродѣтелію, пещись надлежащимъ образомъ о тѣлѣ нашемъ, исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены, знать правила хозяйства“—въ этихъ тезисахъ кратко формулированъ весь сложный кодексъ начальнаго гражданскаго воспитанія.

Курсъ малаго училища являлся самостоятельнымъ кругомъ элементарнаго образованія. По своимъ предметамъ и объему ихъ преподаванія онъ вполнѣ равнялся курсу двухъ младшихъ классовъ главнаго училища, которое, такимъ образомъ, вполнѣ включало въ себѣ малое училище. Остальные два класса главнаго училища составляли высшій курсъ образованія. Въ нихъ проходилось объясненіе евангелія, катехизисъ съ текстами, грамматика съ упражненіями въ правописаніи и въ сочиненіяхъ преимущественно дѣлового характера (писемъ, прошеній, расписокъ и т. п.), исторія всеобщая и русская, естественная исторія, основанія геометріи, механики, физики и гражданской архитектуры, наконецъ, языки — отчасти латинскій и главнымъ образомъ „сосѣдственный“, т. е. языкъ, „какой по сосѣдству каждаго намѣстничества, гдѣ главное училище находится, быть можетъ полезнѣе по употребленію его въ общежитіи“, согласно чему въ южныхъ губерніяхъ (Кіевской, Новороссійской, Азовской) рекомендовалось изученіе греческаго языка, въ восточныхъ областяхъ—арабскій, въ Иркутской губ. и Колыванской обл.— китайскій, а французскій предоставлялся домашнему обученію.

Такимъ образомъ, новая школа съ ея программой даетъ уже не профессіональное образованіе, нужное въ той или иной профессіи, а образованіе болѣе широкое, почти общее, но съ нѣкоторыми своеобразными оттѣнками, обусловленными бытовыми особенностями каждаго общественнаго класса. Предназначенныя преимущественно для городского населенія, эти училища, считаясь съ бытомъ и условіями жизни своихъ питомцевъ, придавали образованію ихъ нѣкоторый утилитарный, практическій характеръ. О главномъ училищѣ прямо было сказано, что въ немъ „всѣ науки столько преподавать должно, сколько для каждаго состоянія въ домостроительствѣ и въ общежитіи нужно, въ которой соразмѣрности и книги учебныя сочинены“. При обученіи

русской грамматикѣ, какъ уже упомянуто, предписывалось „упражнять юношество въ... общежитіи употребительныхъ сочиненіяхъ, какъ-то: въ письмахъ, щетахъ, распискахъ“ и т. п.; при изученіи естественной исторіи рекомендовалось, чтобы ученики „самыя важныя къ ихъ собственному домостроительству и государственной выгодѣ служащія истины познавали“ и пріобрѣтали понятіе о томъ, какимъ образомъ продукты природы „обдѣлываніемъ въ разсужденіи здравія, пропитанія, художества и проч. въ пользу человѣческую употребляются“; при прохожденіи исторіи слѣдовало обращать главное вниманіе на „законы, обряды, нравы, купечество, художества“, а въ рисованіи занимать учениковъ преимущественно „такими предметами, которые встрѣчаются при рукодѣліяхъ, ремеслахъ и художествахъ“. Такимъ образомъ, это не было образованіемъ профессіональнымъ, но нельзя его назвать въ точномъ смыслѣ слова и общимъ образованіемъ; выражаясь современнымъ языкомъ, этотъ характеръ образованія можно было бы назвать точнѣе всего—*реальнымъ*.

Программа новой школы составляла первое важное отличіе ея отъ школы предыдущей. Другое, не менѣе важное отличіе заключалось въ способѣ выполненія этой программы, въ методѣ преподаванія предметовъ. Идеальнымъ порядкомъ въ классѣ петровской школы считалось, когда каждый ученикъ твердилъ вслухъ свою часть предмета; въ одномъ и томъ же помѣщеніи находились такіе ученики, которые только начинали знакомиться съ предметомъ, другіе были гдѣ-либо по серединѣ его, а третьи заканчивали обученіе ему, и это не считалось неудобнымъ. Каждый, независимо отъ сосѣдей, зналъ только свой урокъ и зубрилъ его. Чѣмъ большій шумъ стоялъ въ классѣ, тѣмъ большее усердіе проявлялъ классъ, тѣмъ успѣшнѣе считалось веденіе занятій. По вводимой австрійской системѣ, учитель находился въ классѣ не для задаванія и выспрашиванія уроковъ, а для самаго усвоенія проходимыхъ предметовъ, и занимался не отдѣльно съ каждымъ ученикомъ по той части предмета, на которой тотъ сидѣлъ, а со всѣми учениками вмѣстѣ, съ цѣлымъ классомъ по общему для всѣхъ уроку. Бывшій доселѣ обычнымъ шумъ при новыхъ условіяхъ долженъ былъ замѣниться молчаніемъ и общимъ вниманіемъ къ объясненіямъ учителя. Въ классѣ учитель писалъ на доскѣ то, что нужно было учить. Такимъ образомъ, въ школѣ

ученики не только слышали разъясненія учителя, но и усваивали разъясняемое или изложенное въ учебникѣ—внѣшкольныя занятія не были знакомы и теперь. Для лучшаго усваиванія проходимаго австрійская метода выработала особые пріемы, которые цѣликомъ были переняты и русской народной школой. Занятія начинались съ того, что учитель прочитывалъ вслухъ соотвѣтственную часть учебника, затѣмъ то же самое читали ученики поочередно, потомъ всѣ хоромъ; послѣ этого учитель писалъ на классной доскѣ только начальныя буквы каждой фразы, по которымъ классъ повторялъ фразу на память; наконецъ, и буквы стирались, и классъ произносилъ изучаемую фразу наизусть. Этимъ методомъ достигалось то, что весь учебникъ отъ доски до доски выучивался наизусть, причемъ отступленій отъ текста не допускалось. Роль учителя сводилась исключительно къ руководству заучиваніемъ изложеннаго, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ при прохожденіи ариѳметики, ему приходилось давать собственныя разъясненія и объясненія, болѣе пространныя и понятныя, болѣе наглядныя, чѣмъ онѣ приводились въ учебникѣ. Съ современной точки зрѣнія, такой педагогическій методъ представляетъ рядъ несомнѣнныхъ отрицательныхъ сторонъ, но по сравненію съ методомъ старой школы онъ все же былъ значительнымъ шагомъ впередъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Янковичъ допускалъ разсказъ своими словами, совѣтовалъ прибѣгать иногда и къ наглядному обученію, рекомендуя въ высшихъ классахъ вызывать въ ученикѣ самостоятельную работу мысли. Отношенія учителя къ дѣтямъ должны были основываться на новыхъ педагогическихъ идеяхъ. Наказанія, особенно тѣлесныя, безусловно изгонялись изъ школы. Для поддержанія классной дисциплины были взяты цѣликомъ мѣры, рекомендованныя австрійскимъ „Methodenbuch" и вполнѣ сходившіяся съ прежними взглядами Екатерины на данный вопросъ: увѣщаніе, предостереженія, угрозы, устыженіе и лишеніе пріятнаго.

Уставъ 1786 г. оставилъ открытымъ вопросъ о связи главнаго народнаго училища съ университетомъ, о томъ, слѣдовательно, можетъ ли оно разсматриваться какъ средняя школа, составляющая переходную ступень къ высшему образованію. Въ уставѣ находится лишь косвенное упоминаніе о возможности для окончившихъ курсъ народныхъ

училищъ продолжать высшее образованіе, именно — латинскій языкъ вводился въ главныя училища „для желающихъ ученіе свое продолжать въ высшихъ училищахъ или университетахъ". Не былъ разрѣшенъ окончательно этотъ вопросъ и въ дальнѣйшемъ трудѣ комиссіи, въ планѣ университетовъ 1787 г., и только въ слѣдующую эпоху реформою 1803—1804 годовъ, когда главныя народныя училища были преобразованы въ гимназіи, вопросъ о связи народныхъ училищъ съ высшимъ образованіемъ получилъ, наконецъ, окончательное разрѣшеніе въ положительномъ смыслѣ.

Условія осуществленія реформы.

Постановка народнаго образованія въ Австріи была особенно сильна цѣлесообразнымъ сочетаніемъ и правильной постановкой каждаго изъ тѣхъ условій, безъ которыхъ немыслимо жизненное развитіе государственной системы образованія. Перенесеніе этой стороны школьной реформы на русскую почву требовало еще болѣе самостоятельной работы, чѣмъ заимствованіе и переконструированіе самой системы. Подготовка педагогическаго персонала, созданіе центральнаго и сѣти провинціальныхъ учебно-административныхъ органовъ, изысканіе источниковъ матеріальныхъ средствъ на содержаніе новой школы—все это такія стороны реформы, осуществленіе которыхъ выходило за предѣлы собственно педагогической проблемы и находились въ тѣсной зависимости отъ условій государственнаго, соціальнаго и экономическаго строя Россіи въ данную эпоху. Только вопросъ о педагогическихъ средствахъ, объ учебникахъ, разрѣшался совсѣмъ просто, потому что въ этомъ отношеніи достаточно было перевести на русскій языкъ и переработать сообразно русскимъ требованіямъ готовые австрійскіе образцы. Къ обзору того, какъ были разрѣшены всѣ эти вопросы Янковичемъ и его сотрудниками, мы теперь и перейдемъ.

Изготовленіе учебниковъ.

Какихъ-либо подходящихъ руководствъ для прохожденія предметовъ не было, поэтому надо было озаботиться ихъ изготовленіемъ. Лично отъ Іосифа II Екатерина получила учебники, употреблявшіеся въ австрійской народной школѣ.

Рѣшено было воспользоваться главнѣйшими изъ нихъ и для русской школы: либо перевести и переработать сообразно нуждамъ русской школы, либо по ихъ образцу составить новые. Большую часть этой работы выполнилъ лично Янковичъ де-Миріево, остальная часть была выполнена другими лицами подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Въ 1782 г. имъ были составлены и напечатаны „Россійскій букварь", „Руководство къ россійскому чистописанію" и „Сокращенный катехизисъ". Въ слѣдующемъ году были изготовлены „Руководство къ ариѳметикѣ", „Пространный катехизисъ" и „Священная исторія", одобренная новгородскимъ митрополитомъ Гавріиломъ. Въ 1784 г. Янковичъ началъ печатаніе картъ и глобусовъ, изъ которыхъ послѣдніе впервые появились въ Россіи съ русскими названіями, затѣмъ составилъ и напечаталъ „Описаніе Россійскаго государства" (1787 г.) и вскорѣ за нимъ вторую часть руководства по географіи. Въ общемъ, не считая простыхъ переводовъ съ нѣмецкаго, Янковичу принадлежатъ слѣдующія учебныя пособія: двѣ азбучныя таблицы, одна церковной, другая гражданской печати, три таблицы для складовъ— церковной, гражданской печати и прописная, россійскій букварь, сокращенный и пространный катехизисы, руководство къ чистописанію, священная исторія, всемірная исторія, учебникъ географіи, книга о должностяхъ человѣка и гражданина и особая книга для чтенія подъ заглавіемъ „Зрѣлище вселенныя, содержащее свѣдѣніе о различныхъ предметахъ" (съ рисунками), содержаніе которой заимствовано изъ сочиненій Амоса Коменскаго.

Изъ учебниковъ, составленныхъ или переведенныхъ не Янковичемъ, отмѣтимъ слѣдующіе: „Геометрія", переведена Головинымъ (1784 г.), „Физика" Эбергарда (1784 г., переводчикъ не извѣстенъ), „Греческій словарь", составленный Б. Филоновымъ (1787 г.), „Всеобщее землеописаніе" Гакмана, переводъ Матинскаго (1788 г.), „Новое руководство къ физикѣ", сочиненіе Гиляровскаго (1792 г.), „Краткое разсужденіе о минералогіи", сочиненіе Теряева (1796 г.), „Краткая россійская исторія", составленіе которой приписывается Т. Киріаку (1799 г.) и, наконецъ, „Исторія Россійскаго государства", въ 1783 г. порученная составленіемъ Стриттеру и изданная имъ въ трехъ томахъ лишь въ 1800—1802 гг. Нѣкоторыя изъ этихъ руководствъ тщательно про-

сматривались и исправлялись Янковичемъ, иногда даже совершенно перерабатывались, какъ, напримѣръ, „Всеобщее землеописаніе“ Гакмана, снабжались предисловіями, заключавшими въ себѣ наставленіе, какъ излагать данный предметъ ученикамъ. Такимъ образомъ, труды Янковича по составленію учебниковъ безспорно громадны.

Содержаніе большинства этихъ учебниковъ было невысокое, вполнѣ соотвѣтствуя ихъ назначенію—быть выученными наизусть. По географіи и исторіи они давали одинъ конспективный наборъ фактовъ; по геометріи, физикѣ теоретическія объясненія и доказательства отсутствовали, а на первый планъ была выдвинута практическая, прикладная сторона этихъ наукъ. Однако, были учебники и болѣе обстоятельные. „...Священная исторія, краткій катехизисъ и ариѳметика такъ хорошо составлены,—говоритъ Вороновъ („Ѳ. И. Янковичъ де-Миріево“, Спб., 1858 г.),—что если бы переложить ихъ на нынѣшнее нарѣчіе, они и теперь (т. е. въ 1858 г.), были бы полезными руководствами въ начальныхъ училищахъ“.

Подготовка учительскаго персонала.

Наряду съ изготовленіемъ учебниковъ школьная коммиссія должна была озаботиться также подготовкой и учительскаго персонала. Уставъ 1786 г. ставилъ въ отношеніи учителя почти такія же высокія требованія, какъ и проекты перваго десятилѣтія царствованія Екатерины. Онъ долженъ былъ „поощрять юношество къ наблюденію должностей общественныхъ, просвѣщать разумъ учениковъ и научать ихъ какъ думать, такъ и поступать разумно, честно и благопристойно“, наставлять ихъ, „какъ сидѣть благопристойно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково...“; его авторитетъ долженъ основываться на уваженіи, которое питаютъ къ нему ученики, а чтобы таковое заслужить, ему необходимо совмѣщать въ своемъ лицѣ рядъ „добродѣтелей“, къ каковымъ относятся: благочестіе, бодрость, терпѣніе, прилежаніе, безпристрастіе, снисходительность и любовь къ учащимся, однако „не ребяческая, но соединенная всегда съ постояннымъ и важнымъ видомъ“.

Австрійскій школьный законъ 1774 г. для подготовки учителей создалъ цѣлую сѣть такъ называемыхъ нормальныхъ школъ, которыя, выпуская опытный и хорошо подго-

товленный педагогическій персоналъ, въ значительной мѣрѣ содѣйствовали успѣху школьной реформы. Въ этомъ отношеніи русскій уставъ значительно уклонился отъ своего австрійскаго прототипа и взамѣнъ сѣти подобныхъ школъ къ невыгодѣ предпринятаго дѣла ограничился учрежденіемъ единственнаго такого училища. При петербургскомъ главномъ училищѣ была основана для 100 казеннокоштныхъ воспитанниковъ учительская семинарія, которая въ 1786 г. была отдѣлена отъ главнаго училища и составила самостоятельную школу подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ комиссіи. Воспитанники были набраны изъ учащихся духовныхъ семинарій и московской академіи. Курсъ учительской семинаріи по своему объему равнялся въ общемъ курсу главныхъ училищъ, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ, что предметы преподавались профессорами и адъюнктами академіи наукъ и притомъ болѣе обстоятельно и подробно, чѣмъ въ главныхъ училищахъ. Семинарія готовила учителей преимущественно для главныхъ училищъ; только болѣе слабые ученики, которые не заканчивали полнаго семинарскаго курса, а завершали свое образованіе въ особомъ отдѣленіи при семинаріи съ курсомъ въ объемѣ двухъ ея младшихъ классовъ, предназначались учителями для малыхъ училищъ.

Членъ комиссіи Эпинусъ настойчиво указывалъ на необходимость устроить нѣсколько учительскихъ семинарій, но комиссія не согласилась съ его мнѣніемъ. Существованіе единственнаго разсадника педагогическаго персонала тоже оказалось непрочнымъ. Подготовивъ въ два пріема учителей въ числѣ достаточномъ для открытія въ важнѣйшихъ городахъ главныхъ училищъ, семинарія стала быстро падать. Прежде всего сталъ понижаться уровень преподаванія въ семинаріи. Вначалѣ комиссія держалась того принципіальнаго взгляда, что учитель по своему образованію долженъ стоять выше той школы, въ которой онъ преподаетъ. Хотя, какъ сказано, курсъ семинаріи, готовившій учителей для главныхъ училищъ, и не отличался по существу отъ курса послѣднихъ, но предметы излагались основательнѣе и подробнѣе профессорами и адъюнктами академіи; въ 1788 г. же всѣ преподававшіе въ семинаріи профессора и адъюнкты были замѣнены только что выпущенными изъ нея же воспитанниками. Годъ спустя въ ко-

миссіи возникли сомнѣнія, нужна ли семинарія вообще, ибо, съ одной стороны, открытыя къ этому времени провинціальныя главныя училища дадутъ для нихъ же педагогическій персоналъ, а, съ другой стороны слѣдуетъ надѣяться, что „когда ученіе съ просвѣщеніемъ распространятся, тогда, конечно, являться будутъ... способные люди со стороны, обучившіеся на своемъ иждивеніи". Число учащихся въ семинаріи все сокращалось, и въ 1792 г. преподаваніе въ ней прервалось на два года, вплоть до 1794 г., когда съ новой силой всталъ вопросъ, не слѣдуетъ ли вообще прекратить ея существованіе. Взгляды, высказанные при этомъ членами комиссіи, обнаружили чрезвычайную шаткость воззрѣній на одно изъ существеннѣйшихъ условій успѣха школьнаго дѣла,—на вопросъ о подготовкѣ учителей. Если семинарія не была упразднена и въ ней возобновились занятія, то вовсе не потому, чтобы комиссія была принципіально убѣждена въ необходимости существованія постоянной спеціально-педагогической школы, а въ силу посторонняго обстоятельства: къ этому времени система народныхъ училищъ была распространена на присоединенныя отъ Польши провинціи, вслѣдствіе чего потребовался новый кадръ учителей. Возобновленная семинарія просуществовала до 1803 г., когда она въ силу новой общей учебной реформы была преобразована въ учительскую гимназію, а послѣдняя въ педагогическій институтъ. За все время своего существованія, съ 1783 по 1803 г., считая въ томъ числѣ и двухлѣтній перерывъ, семинарія подготовила 425 учителей.

Уставъ 1786 г. позаботился и о матеріальномъ обезпеченіи учителя и его служебномъ положеніи. Изъ разныхъ способовъ вознагражденія педагогическаго труда онъ избралъ систему штатныхъ годовыхъ окладовъ при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи. Въ главныхъ училищахъ было положено:

Учителямъ двухъ старшихъ классовъ	400	руб.
Учителю 2-го класса	200	„
„ 1-го класса	150	„
„ иностраннаго языка	300	„
„ рисованія	150	„

Оклады учителей малыхъ училищъ были меньше, хотя ихъ курсъ вполнѣ совпадалъ съ курсомъ двухъ младшихъ

классовъ главныхъ училищъ и имѣлъ одинаковое число часовъ. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что малыя училища должны были существовать во второстепенныхъ городахъ, гдѣ средства къ жизни дешевле. По штату полагалось:

Учителю 2-го класса	вмѣсто 200 р. . . .	150 руб.
„ 1-го класса	вмѣсто 150 р. . . .	120 „
„ рисованія	вмѣсто 150 р.	60 „

Относительно служебнаго положенія учителей уставъ говоритъ, что они „считаются на дѣйствительной службѣ императорскаго величества и могутъ ожидать тѣхъ же воздаяній, которыя рачительною службою въ другихъ званіяхъ пріобрѣтаются“. Комиссія долго медлила выразить въ конкретныхъ нормахъ это общее обѣщаніе, данное „какъ первое одобреніе учителямъ“, главнымъ образомъ потому, что кадры учителей вербовались преимущественно изъ лицъ духовнаго званія, изъ мѣщанъ и другихъ податныхъ состояній, государственная же служба со всѣми ея „воздаяніями“ считалась почти исключительною привилегіею дворянства. Только въ концѣ 1794 г., подъ напоромъ запросовъ губернаторовъ и намѣстниковъ, какими чинами награждать учителей, комиссія приступила къ окончательному разрѣшенію вопроса. „Пристойнѣйшимъ“ чиномъ для учителя комиссія нашла чинъ титулярнаго совѣтника, который учителями высшихъ классовъ достигается послѣ 10-лѣтней выслуги, до тѣхъ же поръ по выслугѣ 6—8 лѣтъ считать ихъ въ чинѣ 12-го класса, а учителя низшихъ классовъ на первое время довольствуются чиномъ 14-го класса, послѣ 10-лѣтней службы получаютъ 12-й и еще черезъ 6 лѣтъ чинъ титулярнаго совѣтника. Дальнѣйшее производство для обѣихъ группъ устанавливалось по общему порядку, соотвѣтственно „породѣ“ или состоянію, изъ котораго вышли отдѣльныя лица. Чинъ коллежскаго ассесора, дающій потомственное дворянство, въ общемъ, учителемъ старшихъ классовъ могъ быть пріобрѣтенъ черезъ 22 года службы и учителемъ низшихъ—черезъ 36 лѣтъ.

Насколько служебное положеніе учительскаго персонала было незавидно, явствуетъ изъ того, что въ комиссіи возникло опасеніе, какъ бы не лишиться учителей, которые, получивъ при первомъ чинопроизводствѣ права личнаго дворянства, могутъ оставить педагогическую службу и пе-

рейти въ другую, гдѣ выслужиться можно и легче и скорѣе. Чтобы предотвратить подобное бѣгство, комиссія сочла нужнымъ воспретить переходъ на другую службу тѣмъ учителямъ, которые обучались на казенный счетъ, и эту мѣру позже, въ 1797 г., подтвердилъ и сенатъ указомъ присутственнымъ мѣстамъ. Еще болѣе пришлось комиссіи дорожить учителями и всякими мѣрами удерживать ихъ на службѣ послѣ указа отъ 27 мая 1800 г., предписывавшаго не обращать духовныхъ семинаристовъ въ какое-либо другое званіе безъ особаго на то разрѣшенія императора и тѣмъ самымъ закрывавшаго самый надежный источникъ, изъ котораго неизмѣнно черпались въ XVIII столѣтіи педагогическія силы. Эта мѣра, съ другой стороны, побудила комиссію шире открыть доступъ къ педагогической службѣ лицамъ изъ мѣщанъ и отпущенныхъ вѣчно на волю, и сенатъ уважилъ соотвѣтственную просьбу комиссіи, впрочемъ, подъ условіемъ доклада ему о такихъ лицахъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Учебно-административные органы.

Важнымъ условіемъ для успѣшнаго функціонированія школьнаго дѣла являлось созданіе учебной администраціи, какъ самостоятельной отрасли государственнаго управленія. Этотъ вопросъ былъ поставленъ уже проектами 1760—1770 гг., и необходимость созданія сѣти спеціальныхъ административныхъ органовъ, центральныхъ и мѣстныхъ, подтверждалась и организаціей школьнаго дѣла въ Австріи. Уставъ 1786 г. также не обошелъ его.

Во главѣ учебно-административной организаціи уставъ поставилъ *главное училищное правительство*, на обязанности котораго возложено было наблюденіе за точнымъ исполненіемъ устава „во всемъ его пространствѣ и во всѣхъ его частяхъ"; оно подчиняется непосредственно верховной власти и о всѣхъ дѣлахъ „докладываетъ императорскому величеству прямо". Какому учрежденію, существующему или вновь созданному, должны принадлежать вообще функціи „главнаго училищнаго правительства"—этотъ вопросъ остался открытымъ. На первое время эту роль комиссія взяла на себя, и въ этомъ отношеніи она является непосредственной предшественницей министерства народнаго просвѣщенія, учрежденнаго уже въ царствованіе Александра I въ связи съ общимъ

преобразованіемъ всего строя высшаго государственнаго управленія.

Въ вопросѣ о мѣстномъ управленіи народными училищами уставъ 1786 г. рѣзко разошелся съ австрійскими нормами и выработалъ самостоятельную систему, согласованную съ незадолго передъ тѣмъ осуществленной реформой общаго областного управленія. Въ то время какъ въ Австріи всѣ стороны мѣстнаго управленія народными школами сосредоточивались въ особой самостоятельной цѣпи учебно-административныхъ органовъ, уставъ 1786 г. раздѣлилъ функціи этого управленія между разнородными органами мѣстной власти. Завѣдованіе собственно административной и хозяйственной частью было поручено органамъ общаго мѣстнаго управленія, губернаторамъ и приказамъ общественнаго призрѣнія; для наблюденія же за ходомъ учебнаго дѣла созданы спеціальныя должности губернскихъ директоровъ и уѣздныхъ смотрителей народныхъ училищъ.

Губернаторъ въ своей губерніи является высшимъ органомъ учебнаго управленія. Главная его обязанность заботиться о „распространеніи" училищъ, для чего онъ можетъ преобразовывать малыя училища въ главныя, опредѣлять учителей на мѣста. При объѣздахъ губерніи онъ самолично осматриваетъ училища „какъ заведенія, не менѣе другихъ въ себѣ пользы заключающія", „ободряетъ" учащихъ и учащихся, оказываетъ всякую помощь начальникамъ училищъ и вообще наблюдаетъ за процвѣтаніемъ послѣднихъ. Его вліяніе на школьное дѣло связано и съ тѣмъ, что онъ по своей должности является предсѣдателемъ приказа общественнаго призрѣнія.

На *приказъ общественнаго призрѣнія* возложена была главнымъ образомъ забота о матеріальномъ благосостояніи народныхъ училищъ, о чемъ будетъ подробнѣе сказано ниже, но уставъ предоставлялъ ему нѣкоторыя права по завѣдованію училищами и внѣ этихъ рамокъ. По его опредѣленію выдаются свидѣтельства на званіе учителя, неуспѣвающіе ученики исключаются и нерадивые учителя увольняются обязательно съ его согласія; одинъ изъ его членовъ исполняетъ обязанности директора въ случаѣ отсутствія послѣдняго, наконецъ, черезъ приказы восходитъ къ „главному правительству" вся отчетность о состояніи училищъ.

Постоянный надзоръ за ходомъ собственно учебнаго дѣла

поручался уставомъ губернскимъ *директорамъ* и уѣзднымъ *смотрителямъ*. Директоръ назначается генералъ-губернаторомъ края изъ „любителей наукъ, порядка и добродѣтелей, доброхотствующихъ юношеству и знающихъ цѣну воспитанія“. Онъ непосредственно наблюдаетъ за народными училищами въ губернскомъ городѣ, которыя посѣщаетъ не рѣже раза въ недѣлю, а съ теченіемъ дѣлъ въ уѣздныхъ училищахъ знакомится либо путемъ личныхъ ревизій, либо черезъ посредство донесеній уѣздныхъ смотрителей. Послѣдніе назначались губернаторами изъ жителей даннаго уѣзднаго города. Ихъ должность была безвозмездная, почетная, и никакой прямой распорядительной власти ей не присваивалось. Главныя ихъ функціи—надзоръ, донесенія и отчеты.

Примѣчательно, что въ то время какъ и австрійское школьное законодательство и русскіе проекты 1760—1770 гг. отводятъ въ школьномъ дѣлѣ очень видную роль духовенству, уставъ 1786 г. совершенно отстраняетъ его отъ участія какъ въ школьномъ преподаваніи, такъ и въ надзорѣ. Между тѣмъ комиссія была чужда какихъ-либо антиклерикальныхъ тенденцій и не отрицала соображеній, на какихъ основывалось и донынѣ основывается широкое участіе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія. И тѣмъ не менѣе уставъ совершенно умалчиваетъ объ этомъ участіи духовенства. Въ отношеніи участія его въ надзорѣ и управленіи объясняется это тѣмъ, что народныя училища по уставу 1786 г. предназначались исключительно для городского населенія, и управленіе ими было согласовано съ общей системой мѣстнаго управленія по закону 1775 г., а въ этой системѣ духовенству не было предоставлено никакой роли. Нѣсколько труднѣе отвѣтить на вопросъ, почему духовенству не было предоставлено никакого участія въ преподаваніи, при томъ даже Закона Божія. Здѣсь объясненіе слѣдуетъ искать въ самой сущности новой школы. Одною изъ первоосновъ этой учебной системы было строгое единство учебнаго метода; главнѣйшее требованіе, которому долженъ удовлетворять учитель, являлось знаніе „нормальнаго“ метода преподаванія, о которомъ была рѣчь уже выше, и навыкъ имъ пользоваться, а для достиженія этого учитель долженъ былъ пройти тотъ самый типъ школы, въ которой онъ потомъ становился преподавателемъ. „Нормальная“ си-

стема въ томъ видѣ, въ какомъ она была заимствована изъ Австріи, должна была питаться своими собственными педагогическими силами. Допущеніе же къ преподаванію посторонних сил, въ ихъ числѣ и духовенства, незнакомаго съ новой постановкой преподаванія, внесло бы нежелательный диссонансъ и разрушило бы единство метода въ преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ. Поэтому уставъ 1786 г., отстранивъ духовенство и отъ преподаванія Закона Божія, былъ лишь послѣдовательнѣе своего австрійскаго образца, допустившаго это исключеніе, тѣмъ болѣе, что изложеніе этого предмета въ двухъ низшихъ классахъ органически связывалось, по программѣ устава, съ преподаваніемъ другихъ предметовъ, и потому естественно, если его преподавалъ учитель, обучавшій и другимъ предметамъ. Слѣдуетъ, наконецъ, выставить еще одно соображеніе, которое могло играть нѣкоторую роль при отрицательномъ рѣшеніи вопроса объ участіи духовенства въ преподаваніи. Какъ было сказано, уставъ требовалъ отъ учителей очень высокихъ нравственныхъ качествъ, которыя можетъ быть не могла, а можетъ быть и могла воспитать учительская семинарія, но которыми, безъ сомнѣнія, духовенство того времени не отличалось.

Матеріальное обезпеченіе школъ.

Вопросъ объ обезпеченіи народныхъ школъ матеріальными средствами для устава 1786 г. отчасти былъ уже предрѣшенъ „Учрежденіемъ о губерніяхъ“ 1775 г., возлагавшимъ эту обязанность на приказы общественнаго призрѣнія. Уставу оставалось только принять эту норму, что онъ и сдѣлалъ, отмѣтивъ въ одной изъ статей, что приказы обязаны „пещись о содерженіи оныхъ (училищъ), изобрѣтая къ тому всѣ потребные способы“. Учрежденіе о губерніяхъ устанавливало, что дѣти малоимущихъ родителей учатся безплатно, а дѣти состоятельныхъ вносятъ небольшую плату, уставъ же это положеніе измѣнилъ въ томъ смыслѣ, что ученіе для всѣхъ дѣтей совершается безвозмездно. Сумма на содержаніе главныхъ училищъ въ приложенныхъ къ уставу штатахъ опредѣлялась въ 2500 р., а на двухклассныя малыя—500 руб.

Выяснить болѣе или менѣе полно картину бюджета тогдашнихъ школъ невозможно въ виду отсутствія соотвѣтственныхъ данныхъ. Только нѣкоторый свѣтъ на этотъ

вопросъ проливаетъ таблица, составленная къ 1 января 1803 г. и показывающая состоянiе доходовъ приказовъ общественнаго призрѣнiя и расходовъ на подвѣдомственныя имъ учрежденiя, причемъ въ большинствѣ губернiй расходы на школьное дѣло выдѣлены въ особую графу. Въ 27 русскихъ губернiяхъ, о которыхъ имѣются болѣе или менѣе точныя цифры (Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимiрская, Вологодская, Ярославская, Тверская, Кiевская, Петербургская, Новгородская, Архангельская, Орловская, Курская, Полтавская, Екатеринославская, Казанская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Оренбургская, Симбирская, и Слободско-Украинская), общая сумма доходовъ по 1803 г. составила около 620 тыс. руб., причемъ изъ этихъ денегъ на училища было израсходовано болѣе 177 тыс. руб., т. е. около 28,5%. Высшiя абсолютныя цифры школьныхъ расходовъ показали губернiи: Петербургская—27.800 руб., Московская—12.000, Полтавская—6.050, Тверская—5.000 р.; въ процентномъ же отношенiи расхода на училища къ другимъ расходамъ впереди стоитъ Полтавская губ. (6.050 р. изъ 7.450 р. всѣхъ расходовъ), затѣмъ Смоленская (4.000 изъ 7.300), Нижегородская (3.700 изъ 7.000) Архангельская (3.000 изъ 6.000), Оренбургская (4.200 изъ 9.400), Симбирская (2.300 изъ 4.700), Вологодская (3.800 изъ 7.800), для Петербургской же и Московской губернiй этотъ процентъ сравнительно не высокъ: 27.800 руб. изъ 171.800 для первой и 12.600 изъ 70.600 для второй.

Возлагая на приказы общественнаго призрѣнiя заботу о доставленiи средствъ для содержанiя школъ, законъ однако не устанавливалъ какихъ-либо опредѣленныхъ источниковъ для ихъ изысканiя. Откуда въ дѣйствительности притекали эти средства, въ виду отсутствiя данныхъ нельзя достаточно точно сказать. Только роль общественной и частной благотворительности, къ которой приказамъ рекомендовало обращаться „Учрежденiе о губернiяхъ“, можетъ быть освѣщена довольно полно на основанiи сохранившихся вѣдомостей того времени. Изъ послѣднихъ видно, что пожертвованiя на школьныя нужды поступали отъ мѣстныхъ обществъ, дворянства, купечества, мѣщанства, отъ городовыхъ магистратовъ, думъ и отъ частныхъ лицъ. Всего по 31 губернiи въ разное время по 1800 г. поступило пожерт-

ванiй на сумму 223.522 руб., въ томъ числѣ отъ императрицы около 15 тыс., отъ дворянства 10 губерній около 90 тыс. (больше всего отъ тверского—27 тыс., симбирскаго—20 тыс. и ярославскаго—16½ тыс.).

Осуществленіе народной школы и ея судьбы.

Къ срединѣ 1786 г. комиссія изготовила наиболѣе необходимыя учебныя пособія, и къ этому же времени окончилъ семинарскій курсъ первый выпускъ ея воспитанниковъ въ числѣ 100 человѣкъ, изъ которыхъ половина была признана годной для занятія учительскихъ мѣстъ въ старшихъ двухъ классахъ, а другая—въ двухъ низшихъ. Матеріальная сторона вопроса тоже была кое-какъ урегулирована, слѣдовательно, всѣ наиболѣе важныя условія были осуществлены, и можно было приступить къ практическому осуществленію новый школы, насажденію австрійской системы на русской почвѣ. И комиссія не замедлила перейти къ дѣлу. За все время царствованія Екатерины, столь богатое разными проектами въ области учебной реформы, это была, наконецъ, реализація хоть одного изъ нихъ, первые практическіе шаги, столь долго подготовляемые разными комиссіями.

Считая по одному учителю на каждый изъ четырехъ классовъ главнаго училища, комиссія имѣла возможность открыть 25 такихъ училищъ. И дѣйствительно, это количество ихъ и было открыто въ 1786 г. ко дню коронаціи императрицы (22 сентября) въ 25 губернскихъ городахъ. Въ 1789 г. былъ готовъ второй выпускъ учителей, что позволило открыть главныя училища въ остальныхъ 16 губерніяхъ. Что же касается малыхъ училищъ, то они „разводились" уже отъ главныхъ, по мѣрѣ того какъ послѣднія подготовляли для нихъ учителей.

Первые успѣхи народныхъ училищъ можно назвать прямо блестящими, въ особенности если вспомнить, какъ неудачны были попытки предшествовавшаго времени наладить начальную школу, напримѣръ, цифирныя школы при Петрѣ, и если принять во вниманіе тѣ неблагопріятныя условія, среди которыхъ должна была существовать новая школа.

Общая картина внѣшняго развитія и роста народныхъ училищъ изображена въ слѣдующей таблицѣ, составленной самой комиссіей въ 1801 г. Кромѣ главныхъ и малыхъ училищъ, сюда входятъ и другія учебныя заведенія (пансіоны, домашнія и сельскія училища).

Годы.	Число школъ.	Число учителей.	Число учениковъ. Мужск.	Женск.	Итого учениковъ.
1782	8	26	474	44	518
1783	9	28	654	77	731
1784	11	33	1.082	152	1.234
1785	12	38	1.282	209	1.491
1786	165	394	10.230	858	11.088
1787	218	525	11.968	1.571	13.539
1788	227	520	13.635	924	14.559
1789	225	516	13.187	1.202	14.389
1790	269	629	15.604	921	16.525
1791	288	700	16.723	1.064	17.787
1792	302	718	16.322	1.178	17.500
1793	311	738	16.165	1.132	17.297
1794	302	767	15.540	1.080	16.620
1795	307	716	16.035	1.062	17.097
1796	316	744	16.220	1.121	17.341
1797	285	644	14.457	1.171	15.628
1798	284	752	15.396	1.405	16.801
1799	277	705	15.754	1.561	17.315
1800	315	790	18.128	1.787	19.915

Эти цифры показываютъ, что число училищъ, учителей и учащихся особенно быстро возрастаетъ въ періодъ между 1786 и 1793 годами, когда въ два пріема были открыты главныя училища и отъ нихъ стали распространяться по уѣзднымъ городамъ малыя училища. Послѣ 1793 г. цифры скорѣе падаютъ, чѣмъ возрастаютъ, и это стоитъ, повидимому, въ связи съ тѣмъ, что комиссія, сначала непосредственно вѣдавшая дѣломъ открытія и руководительства школами, къ этому времени заботу о дальнѣйшемъ ихъ распространеніи передала органамъ мѣстной общей администраціи, относившимся къ новой обязанности довольно поверхностно. Другою особенностью этихъ данныхъ является незначительность

учащихся дѣвочекъ, число которыхъ къ общему количеству учащихся составляетъ едва 7%, причемъ большая часть этого числа приходилась на столицы; такъ, напримѣръ, изъ 1,121 дѣвочки, учившихся въ 1796 г., на Петербургскую губернію приходилось 759, слѣдовательно, на всю остальную Россію оставалось только 362.

Къ началу царствованія Александра I народныя училища по уставу 1786 г. были открыты почти во всѣхъ губерніяхъ, но это еще не значитъ, что они существовали повсемѣстно. Цѣлый рядъ городовъ, иногда довольно важныхъ, не имѣли ни одного училища, не говоря уже о селеніяхъ, хотя бы и крупныхъ, ибо училища предназначались исключительно для городовъ. Въ иныхъ губерніяхъ была одна единственная школа, именно въ губернскомъ городѣ, уѣздные же города оставались на прежнемъ положеніи. Только въ Петербургской, Московской, Рязанской и Псковской губерніяхъ къ 1800 г. всѣ города имѣли по одному училищу; довольно благопріятно было отношеніе городовъ со школами къ общему ихъ числу еще въ губерніяхъ Тверской (10 изъ 11), Курской (9 изъ 10), Новгородской (7 изъ 8), Орловской (9 изъ 12), Смоленской (8 изъ 11), и очень неблагопріятно въ слѣдующихъ губерніяхъ: Нижегородской (3 изъ 9), Тамбовской (4 изъ 12), Волынской (4 изъ 14), Калужской, Пензенской и Полтавской (3 изъ 11), Подольской (3 изъ 13), Астраханской (2 изъ 9), Симбирской (2 изъ 10), Иркутской (2 изъ 15), Кіевской (1 изъ 12), Новороссійской (2 изъ 27). Всего изъ 500 городовъ школы имѣлись только въ 254.

Эти цифры краснорѣчиво говорятъ о томъ, что распространеніе школъ, даже малыхъ изъ нихъ, было далеко не повсемѣстнымъ.

Внѣшній успѣхъ народныхъ училищъ былъ все же несомнѣннымъ. Но какъ относилось къ нимъ населеніе, и не былъ ли этотъ успѣхъ отчасти искусственнымъ? Приходится, дѣйствительно, признать, что населеніе въ большинствѣ случаевъ лишь крайне неохотно отдавало своихъ дѣтей въ училища, и если число учащихся въ послѣднихъ такъ быстро, тѣмъ не менѣе, возросло, то это было въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ насильственнаго принужденія родителей со стороны властей отдавать своихъ дѣтей въ ученіе. Какъ при Петрѣ, губернаторы и намѣстники зачастую черезъ полицію забирали дѣтей въ школы, чтобы наполнить послѣднія опре-

дѣленнымъ комплектомъ. По порученію комиссіи, состоявшій при ней чиновникъ Козодавлевъ въ 1788 г. обревизовалъ народныя училища въ десяти намѣстничествахъ и пришелъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. Онъ констатировалъ, что населеніе относится къ школамъ далеко не сочувственно и главнымъ образомъ потому, что программа главныхъ училищъ вездѣ превышаетъ его нужды. „Во всѣхъ главныхъ училищахъ,—писалъ Козодавлевъ,—найдено мною, что число учащихся въ третьихъ и въ четвертыхъ классахъ весьма мало, и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученія въ третьемъ разрядѣ. Сіе происходитъ отъ того, что родители учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ ихъ нужны только предметы двухъ низшихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки почитаютъ они безполезными или, по крайней мѣрѣ, не нужными... Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно одно токмо чистописаніе, почему и невозможно ожидать, чтобы многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы“. Въ самомъ дѣлѣ, когда служба связывалась исключительно съ „породой“, происхожденіемъ претендентовъ на нее, достаточно было для ея полученія кое-какъ читать и кое-какъ писать. Приведенныя въ книгѣ П. Н. Милюкова выдержки изъ ходатайствъ о службѣ того времени говорятъ очень краснорѣчиво, что какихъ-либо особыхъ знаній для службы не требовалось. „Россійской грамматикѣ и писать отчасти умѣю,—писалъ недоучившійся дворянинъ,—но дальнѣйшихъ наукъ не въ состояніи проходить, и, достигши въ совершенныя лѣта, уже не могу имѣть объ нихъ понятія, и *потому* возымѣлъ ревностное желаніе служить“. Если дворянамъ „высокая наука“ не была нужна потому, что и безъ нея они или могли отлично жить въ своихъ родовыхъ гнѣздахъ или же получить кормовое мѣстечко на службѣ, то безполезна она была и другимъ слоямъ населенія—купечеству и мѣщанству. Элементарная грамота купцу нужна была для веденія торговли, ремесленнику и мастеру для обиходныхъ записей, но на тотъ курсъ, который обнимали собою главныя училища, они смотрѣли какъ на обременительный лишній грузъ, отнимающій время и силы, но не дающій никакихъ реальныхъ выгодъ. Этими условіями и объясняется, почему громадное число посту-

павшихъ въ главныя училища ограничивалось прохожденіемъ перваго, рѣже и второго классовъ, и только въ видѣ исключенія переходили въ третій или, наконецъ, кончали полный курсъ. Такъ, напр., изъ 1,432 учащихся за 1786—1803 гг. въ Архангельской губерніи аттестатъ объ окончаніи полнаго курса получили только 52 ученика.

Менѣе отрицательно должно было бы относиться населеніе къ „малымъ" училищамъ, учреждаемымъ въ концѣ 1780-хъ и въ 1790-хъ годахъ. Они имѣли только два класса, равные курсомъ низшимъ двухъ классамъ главныхъ училищъ, давали, слѣдовательно, элементарное образованіе и болѣе соотвѣтствовали потребностямъ населенія. Но, во-первыхъ, и въ ихъ курсѣ заключались „безполезныя", по взглядамъ того времени, науки, и, во-вторыхъ, эти училища были пріурочены къ уѣзднымъ, захолустнымъ городамъ, гдѣ населеніе было еще болѣе невѣжественнымъ, чѣмъ въ губернскихъ, гдѣ приверженность старинѣ осталась почти нетронутой реформами Петра и гдѣ могли еще уважать и считать полезнымъ для души умѣніе читать славянскую печать, но никакъ не грамоту вообще. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что купечество и мѣщанство въ большинствѣ случаевъ съ крайней неохотой отдавало дѣтей въ эти училища, отказывалось отъ денежныхъ взносовъ на ихъ содержаніе, а иногда и прямо домогалось закрытія училищъ. Пока „главное училищное правительство", т. е. комиссія, непосредственно руководило открытіемъ училищъ, принуждая къ этому мѣстную гражданскую власть, послѣдняя оказывала извѣстное дальнѣйшее давленіе на городскія думы, которыя волей-неволей ассигновывали требуемыя средства и такъ или иначе „разводили" училища, но когда комиссія оставила за собою только надзоръ за учебнымъ дѣломъ, возложивъ дальнѣйшее распространеніе училищъ на обязанность губернаторовъ и намѣстниковъ, которые сами зачастую не раздѣляли убѣжденій комиссіи въ необходимости образованія, думы, не видя бывшаго раньше давленія, стали тяготиться содержаніемъ училищъ, и не только открытіе новыхъ школъ не шло съ прежней быстротой, но и уже открытыя училища стали мѣстами закрываться. Напримѣръ, обыватели Лебедяни, Спасска, Шацка и Темникова въ 1790 г. подали губернской власти слѣдующія почти тожественныя заявленія: „... купецкихъ и мѣщанскихъ дѣтей въ школахъ не состоитъ, да и впредь

къ изученію въ училища отдавать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища желанія нашего не состоитъ, и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы". Въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ малыя училища, несмотря на усилія властей, вовсе не были открыты въ виду сопротивленія дворянства и горожанъ, не желавшихъ принять на себя денежные расходы на дѣло, отъ котораго не видѣли никакой пользы для себя. Иногда и губернаторы, подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами, присоединялись къ ходатайствамъ горожанъ о закрытіи уже существующихъ школъ. Комиссія такія ходатайства, конечно, отклоняла и иногда должна была дѣлать внушеніе властямъ, чтобы подобныя представленія не повторялись. Такъ, напр., въ 1798 г. на ходатайство о закрытіи высшихъ классовъ главнаго училища въ Витебскѣ вслѣдствіе ихъ непосѣщаемости комиссія свой отказъ сопроводила слѣдующимъ характернымъ внушеніемъ по адресу губернатора: „Извѣстно изъ опытовъ, что вкусъ къ наукамъ не вдругъ, но временемъ пріобрѣтается; безъ поддержанія жъ онаго со стороны начальства не уповательно, чтобъ приращеніе въ наукахъ могло само по себѣ возникнуть, а тѣмъ болѣе распространиться".

Новая школа съ ея общеобразовательнымъ характеромъ стояла выше потребностей малокультурнаго провинціальнаго общества, по крайней мѣрѣ выше пониманія имъ своихъ потребностей. Причины малаго числа учащихся въ Вятскомъ главномъ училищѣ объяснялись въ 1797 г., напр., такъ: „Здѣшніе обитатели, мало соревнуя предположенной цѣли просвѣщенія, неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ училища... Многіе лучше хотятъ ихъ заблаговременно пріучать къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются". Такимъ образомъ, на часы, проводимые дѣтьми въ школѣ, смотрѣли какъ на потерянное время, которое съ бо́льшей выгодой могло быть использовано для обученія ихъ торговлѣ или ремеслу. Если же нѣкоторые и желали видѣть своихъ дѣтей грамотными, то грамота имъ нужна другого рода, и они отдавали дѣтей „для обученія по церковнымъ книгамъ къ причетникамъ, восхищаясь, когда дѣти ихъ могутъ читать въ церкви часословъ и псалтирь". Непонятными и ненужными казались и новые педагогическіе пріемы и методы народившейся школы

которымъ обыватели предпочитали старинныя частныя школы съ ихъ церковно-славянской зубрежкой и „нещаженіемъ жезла“, т. е. тѣлеснымъ наказаніемъ. Этотъ бытовой укладъ, привычки, приверженность старинѣ составляли одну изъ наиболѣе крѣпкихъ плотинъ, черезъ которую нужно было прорваться новой школѣ и которую она не всегда могла осилить.

Значительная доля успѣха новой школы должна была зависѣть отъ подбора, способностей и энергіи учителей. Какъ мы видѣли выше, образъ учителя очерчивался весьма идеальными линіями. Создано было для педагогическаго персонала и кое-какое, правда незавидное, служебное положеніе, которое все же могло импонировать тогдашнему обществу; назначено было и кое-какое, правда невысокое, жалованье, на которое по тогдашнимъ условіямъ все же можно было существовать. Казалось бы, профессія учителя должна была при этихъ данныхъ привлекать къ себѣ многихъ. Однако, комиссіей или же предшествовавшимъ выработанному ею уставу „Учрежденіемъ о губерніяхъ“ была совершена крупная ошибка, поставившая учителя въ страшно тяжелое положеніе и отнимавшая у него всякую энергію. Ошибка состояла въ томъ, что жалованье ему выплачивалось городскими обществами. Выше было отмѣчено, какъ относилось населеніе къ школамъ вообще. Понятно, что отношеніе его и къ учителямъ не могло быть инымъ, и вслѣдствіе этого жалованье имъ не выплачивалось, не доплачивалось или просрочивалось приказами общественнаго призрѣнія, которые вѣдь и являлись выразителями мѣстныхъ интересовъ. Учитель оказывался въ полной зависимости отъ мѣстнаго населенія. Положеніе его было вслѣдствіе этого самое унизительное. Его третировали, на него смотрѣли свысока мѣстные богатые чиновники. Онъ долженъ былъ или угождать имъ, плясать подъ ихъ дудку, учить дѣтей такъ, какъ хотѣлось тѣмъ, а не какъ рекомендовалось въ программѣ, или же, подчиняясь послѣдней, исполняя требованія, изложенныя въ „Руководствѣ для учителей“, онъ рисковалъ попасть въ опалу у сильныхъ лицъ и не получать жалованья, быть униженнымъ, даже побитымъ „палочьемъ“. Это безвыходное положеніе усиливалось еще тѣмъ, что учителю былъ запрещенъ переходъ въ другія профессіи, слѣдовательно, волей-неволей, онъ долженъ былъ коротать

свой вѣкъ въ данной. Понятно, что при такихъ условіяхъ онъ склонялся передъ болѣе сильными обстоятельствами, которыми въ этомъ случаѣ были мѣстные интересы, тянулъ кое-какъ служебную лямку и велъ свое дѣло только для отчетности и могущихъ быть ревизій. Педагогическія обязанности онъ ограничивалъ только обязанностью выспрашиванія, да и ту часто возлагалъ на болѣе способныхъ учениковъ, а самъ отбывалъ свою повинность простымъ высиживаніемъ опредѣленнаго числа часовъ въ классѣ, сводя вообще свои обязанности къ только возможному минимуму. И новая школа, разъ ея ближайшій руководитель махалъ на нее рукой, переставала отличаться чѣмъ-либо существеннымъ отъ старой.

Было еще одно явленіе, связанное съ введеніемъ школъ по уставу 1786 г., и явленіе скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное. Такъ какъ новая система образованія разсматривалась, какъ „нормальная", образцовая, то отсюда возникло стремленіе перенести ее и на уже существовавшія учебныя заведенія, иногда крѣпко укоренившіяся и ведшія свое дѣло съ извѣстнымъ успѣхомъ. Прежде всего комиссія народныхъ училищъ намѣревалась преобразовать по плану своихъ школъ многочисленные пансіоны иностранныхъ языковъ, но попытка ея въ этомъ отношеніи не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Какъ училища, ставившія на первый планъ преподаваніе новыхъ языковъ, пансіоны были существенно необходимы для дворянской молодежи, которая не находила въ народныхъ училищахъ этого важнаго для нея элемента образованія. Въ виду поддержки, которую пансіоны нашли въ своихъ кліентахъ, комиссія не могла ихъ перекроить по желательному ей образцу и ограничилась лишь тѣмъ, что подчинила своему контролю назначеніе въ нихъ преподавателей и успѣхи учащихся. Совершенно иная судьба постигла русскія такъ называемыя вольныя школы, т. е. училища, содержавшіяся частными лицами, иногда, правда, совершенно малограмотными, для обученія дѣтей преимущественно чтенію церковной печати. Такія училища, какъ не удовлетворявшія выработанной системѣ образованія, комиссія попросту рѣшила закрыть. Учащихся въ нихъ принуждали переходить въ малыя и главныя училища, и значительная часть учениковъ при открытіи первыхъ главныхъ училищъ въ провинціи была навербована изъ учащихся

именно въ этихъ частныхъ школахъ. Если комиссіей при закрытіи подобныхъ школъ руководило прежде всего стремленіе установить единообразіе метода и системы обученія въ государствѣ по выработанному ею плану, признанному образцовымъ, то въ иныхъ случаяхъ, надо признать, къ этому примѣшивались и соображенія посторонніія, съ первыми имѣвшія мало общаго. Въ числѣ такихъ соображеній главнѣйшимъ была боязнь конкуренціи со стороны вольныхъ школъ. А что эта боязнь не была совсѣмъ безосновательной, тому примѣромъ можетъ служить слѣдующій фактъ. Въ 1784 г. учитель малаго народнаго училища въ Шлиссельбургѣ донесъ комиссіи, что съ нѣкотораго времени къ нему дѣтей своихъ никто не приводитъ, такъ какъ нѣкій сержантъ Гордѣевъ завелъ въ городѣ недавно свою школу, гдѣ учитъ по старымъ книгамъ, и дѣтей у него собралось не менѣе 20 человѣкъ. И комиссія опредѣлила: „Какъ таковыя вольныя школы вовсе не нужны тамъ, гдѣ есть училища народныя, въ коихъ юношество, какъ то опытами уже доказано, обучаться можетъ съ гораздо лучшимъ успѣхомъ", то школу сержанта Гордѣева закрыть, „дабы дѣти у него напрасно времени не тратили". Отрицательная сторона этого явленія заключалась не столько въ томъ, что на школы, не подходящія къ опредѣленному шаблону, комиссія налагала свою руку, закрывала ихъ, сколько въ томъ, что, запрещая ихъ дѣйствія, она не всегда и не вездѣ заботилась объ открытіи на ихъ мѣсто новыхъ. Создалась особаго рода подозрительность къ вольнымъ школамъ, администраціи прямо или косвенно дано было понять, что ихъ существованіе нежелательно, и мѣстная власть прекращала ихъ или не разрѣшала возникновенія новыхъ школъ повсемѣстно. Между тѣмъ, какъ говорятъ приведенныя выше цифровыя данныя, было очень много городовъ, почти половина всѣхъ въ Россіи, гдѣ „нормальныя" школы не были открыты до 1801 г.,—слѣдовательно, при запрещеніи вольныхъ училищъ не существовало никакихъ. Съ другой стороны, въ примѣрѣ со шлиссельбургской частной школой ясно, что родители дѣтей по особымъ мотивамъ предпочитали эту школу „нормальной". И понятно, что съ закрытіемъ ея дѣти, по крайней мѣрѣ часть ихъ, не перешли въ народную школу. А такіе случаи не составляли рѣдкаго исключенія. Такимъ образомъ, запрещая частныя школы, комиссія не

обязательно достигала своей цѣли. Многія изъ дѣтей, которыя хоть какъ-нибудь научились читать и писать у сержанта Гордѣева, дьячковъ, женъ подканцеляристовъ и пр., при воспрещеніи послѣднимъ заниматься обученіемъ, въ большинствѣ случаевъ оставались совершенно безграмотными.

Выше мы говорили, что училища по уставу 1786 г. фактически исключали изъ сферы народнаго образованія самую крупную часть русскаго населенія—крестьянство. Уставъ предназначалъ главныя училища для губернскихъ городовъ и малыя—для уѣздныхъ. Мы видѣли также, что и города не всѣ имѣли такія училища. Но если бы новая система и достигла полнаго развитія, т. е. если бы училища были распространены на всѣ населенные пункты, называвшіеся городами, то все же безконечно большая часть государства, всѣ его села и деревни, оставалась бы незатронутой учебной реформой, и крестьянство, какъ раньше, такъ и теперь, не имѣло бы школы. Въ этомъ смыслѣ училища по уставу 1786 г. не могутъ быть названы въ полномъ смыслѣ народными, вѣрнѣе—сама система не заслуживаетъ такого названія. Это были училища *городскія*. Другой совершенно вопросъ, насколько права была комиссія, ограничивъ распространеніе училищъ городами. При существовавшихъ тогда соціальныхъ и культурныхъ условіяхъ расширеніе поля дѣятельности училищъ на все огромное пространство Россіи было во всякомъ случаѣ вопросомъ если и огромной важности, то и непомѣрнѣйшей трудности. Новыя училища встрѣчали громаднѣйшія затрудненія и дурной пріемъ со стороны населенія даже въ городахъ, гдѣ населеніе все же было болѣе культурно, гдѣ оно было свободно, гдѣ существовали городскія управленія, возможенъ былъ еще нѣкоторый контроль за веденіемъ дѣла; какія же трудности пришлось бы преодолѣть и на какой ничтожный успѣхъ нужно было разсчитывать въ глухихъ селахъ и деревняхъ, гдѣ ко всѣмъ отрицательнымъ условіямъ присоединялась еще могущественная власть надъ населеніемъ помѣщика, которая по общему правилу, конечно, противодѣйствовала бы школѣ, какъ отнимающей прежде всего рабочую силу дѣтей, и бороться съ которой было бы совершенно не по силамъ училищной комиссіи.

Но если эти училища фактически исключали изъ сферы народнаго образованія все сельское населеніе, то въ мѣстахъ

ихъ распространенія, въ городахъ, они были *безсословными* въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Происхожденіе ученика при поступленіи въ школу не играло роли, никакого различія не дѣлалось также въ обученіи и въ обращеніи учителя между благородными и „подлыми". Крестьяне, по тѣмъ или инымъ причинамъ жившіе въ городахъ, такъ же могли отдавать своихъ дѣтей въ школу, какъ и дворяне, и купцы и мѣщане. Если же крестьянскихъ дѣтей было мало, то потому, что мало крестьянъ обитало въ городахъ. И въ смыслѣ, такъ сказать, городской безсословности училища по уставу 1876 г. далеко оставили за собою предположенія всѣхъ предшествовавшихъ проектовъ. Ни одно сословіе не исключалось, ни для одного изъ нихъ не учреждались особыя школы, „свойственныя ихъ природѣ". Всѣ сословія получали право на школьное образованіе, и для всѣхъ нихъ это образованіе было одинаковымъ. Вотъ, напримѣръ, данныя о составѣ учениковъ главныхъ училищъ за 1801 г. Составляли въ главныхъ училищахъ дѣти:

дворянъ	33%
мѣщанъ	14%
купцовъ	12%
солдатскихъ	11%
крѣпостныхъ и дворовыхъ	11%
приказныхъ и разночинцевъ	8%
однодворцевъ и крестьянъ	5%
духовнаго званія	2%
остальныхъ (казаковъ, иностранцевъ и проч.)	4%

Преобладаютъ дворяне, что для губернскихъ городовъ естественно. Къ тому же это дворянство не родовое, а личное, служилое. Однако, довольно много и крестьянъ—16%, и даже если однодворцевъ и вольноотпущенныхъ отнести къ разряду мѣщанъ, и то на долю только крѣпостныхъ и дворовыхъ все же остается значительное усердіе къ школѣ—11%, особенно если не забывать, что данныя относятся къ главнымъ школамъ, гдѣ контингентъ учащихся былъ, несомнѣнно, болѣе аристократиченъ, чѣмъ въ малыхъ училищахъ.

Распространеніе народныхъ училищъ на окраины.

Принципъ единообразія учебной системы въ государствѣ требовалъ распространенія ея и на окраины, гдѣ преобла-

дали не-русскія національности. Разрѣшеніе этой задачи, впослѣдствіи ставшей однимъ изъ самыхъ трудныхъ и боевыхъ вопросовъ политики народнаго просвѣщенія, въ той формѣ, въ какой поставила ее комиссія, не вызывало никакихъ затрудненій. Въ свои стремленія комиссія не включала какихъ-либо руссификаторскихъ тенденцій, которыя стали играть такую выдающуюся роль впослѣдствіи. Ея цѣлью было, съ одной стороны, распространить признаваемый ею за образцовый такъ называемый нормальный школьный методъ на тѣ училища, которыя уже существовали на окраинахъ, не принуждая ихъ, однако, вести преподаваніе обязательно на русскомъ языкѣ, и съ другой—основать главныя и малыя русскія училища для жившаго тамъ русскаго же населенія, при томъ опять-таки не обязывая обучать въ въ нихъ дѣтей не русскихъ элементовъ. Насколько ей удалось разрѣшить первую задачу, за отсутствіемъ какихъ-либо матеріаловъ трудно судить. Такъ какъ новый методъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ имѣлъ, тѣмъ не менѣе, неоспоримыя преимущества передъ старинной зубрежкой, и новыя учебныя руководства, составленныя Янковичемъ, были гораздо толковѣе употреблявшихся, то, собственно говоря, распространеніе и этого метода, и этихъ учебниковъ, переведенныхъ, конечно, на соотвѣтственный языкъ и нѣсколько переработанныхъ, явилось бы лишь практической цѣлесообразностью. Во всякомъ случаѣ, эти мѣры не могли вызвать никакихъ столкновеній на почвѣ національныхъ интересовъ. Если, тѣмъ не менѣе, комиссія въ этомъ отношеніи не имѣла, повидимому, успѣха, то причиной тому были недостаточная энергія ея и окраинныхъ комитетовъ общественнаго призрѣнія, съ одной стороны, и съ другой—приверженность къ освященной обычаемъ, хотя бы и неудовлетворительной постановкѣ дѣла, которую существовавшія школы, вѣроятно, отстаивали. Зато введеніе комиссіей русскихъ школъ на окраинахъ не встрѣчало ужъ никакихъ затрудненій, и тамъ, гдѣ для нихъ была почва, гдѣ жило въ достаточномъ числѣ русское населеніе, сопровождалось значительнымъ успѣхомъ.

Прежде всего была сдѣлана попытка ввести русскія училища въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ февралѣ 1789 г. было открыто главное училище въ Ригѣ, а нѣсколько позже—въ Ревелѣ. Прибалтійскіе приказы общественнаго призрѣнія

старались распространить новый учебный порядокъ и на нѣмецкія школы, содержавшіяся на средства мѣстнаго общества, городскихъ управленій и частныхъ лицъ. Достигли ли они въ этомъ отношеніи успѣха—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить, что преподаваніе въ этихъ школахъ, судя по донесеніямъ губернаторовъ, велось по книгамъ, изданнымъ комиссіей о народныхъ училищахъ и переведеннымъ на нѣмецкій языкъ, да и нѣкоторыя нѣмецкія училища были „приравнены" къ главнымъ и малымъ народнымъ. Русскія училища дальнѣйшаго развитія не получили. Въ началѣ XIX вѣка оставались тѣ же главныя училища въ Ригѣ и Ревелѣ и не было ни одного малаго. Это довольно понятно. Сохранившіяся свѣдѣнія о составѣ учащихся въ обоихъ главныхъ училищахъ свидѣтельствуютъ, что преобладающимъ элементомъ въ нихъ были прежде всего дѣти офицеровъ и солдатъ и затѣмъ ремесленниковъ. Въ такихъ крупныхъ пунктахъ, какъ Рига и Ревель, русское населеніе было еще достаточнымъ, чтобы могли функціонировать русскія школы: это было служилое населеніе, войско, и отчасти люди, искавшіе заработка. Но въ мелкихъ городахъ русскій элементъ былъ настолько незначителенъ, что не могъ бы дать комплекта учащихся, достаточнаго для существованія школы, мѣстное же населеніе, конечно, тяготѣло къ училищамъ съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ.

Большой успѣхъ имѣли народныя училища въ русской Финляндіи, въ Выборгскомъ намѣстничествѣ, гдѣ ихъ насажденіе также началось въ 1789 г. О состояніи и развитіи русскихъ школъ въ этомъ краѣ можетъ дать представленіе слѣдующая табличка:

	1789 г. Число		1802 г. Число	
	Учителей.	Учениковъ.	Учителей.	Учениковъ.
Въ Выборгѣ	8	106	11	148
„ Фридрихсгамѣ	3	31	4	37
„ Вильманстрандѣ	2	48	1	30
„ Кексгольмѣ	2	19	2	48
„ Сердоболѣ	1	неизв.	2	16
„ Нейшлотѣ	1	неизв.	2	23

Болѣе всего среди учащихся дѣтей чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ. На составъ учащихся сильное вліяніе имѣла близость столицы. Многіе русскіе купцы и ремесленники,

особенно же первые, селились въ Финляндіи, которая, какъ поставщица жизненныхъ припасовъ для Петербурга, имѣла въ то время гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь, когда существуютъ желѣзныя дороги и пароходы. Съ другой стороны, и финны охотно отдавали своихъ дѣтей въ русскія школы для изученія русскаго языка, необходимаго какъ для торговыхъ сношеній со столицей, такъ и для пріисканія въ ней заработка.

Менѣе благопріятно развивалась русская школа въ сѣверо- и юго-западныхъ областяхъ, отошедшихъ къ Россіи отъ Польши, — въ губерніяхъ Кіевской и Бѣлорусской. Въ 1789 г. были открыты главныя народныя училища въ Полоцкѣ, Могилевѣ и Кіевѣ, причемъ Полоцкое вскорѣ было преобразовано въ малое училище; въ 1794 г. было учреждено еще въ Витебскѣ главное училище и затѣмъ рядъ малыхъ училищъ во второстепенныхъ городахъ. Достигнутые результаты къ концу 1801 г. выражались слѣдующими цифрами: въ Могилевскомъ главномъ училищѣ было учениковъ 104, въ Витебскомъ—91, въ Кіевскомъ—161; въ малыхъ училищахъ: Полоцкомъ—50, Оршанскомъ—62, Мстиславскомъ—77, Череповецкомъ—37, Чаусовскомъ—46, Невельскомъ—60, Велижскомъ — 37. Въ Кіевской губерніи малыя училища совсѣмъ не открывались. Эти результаты не могли считаться благопріятными и далеко не отвѣчали ожиданіямъ комиссіи. Къ общимъ причинамъ, тормозившимъ успѣхъ школъ въ центральной Россіи, здѣсь присоединились и мѣстныя: конкуренція со стороны многочисленныхъ монашескихъ, іезуитскихъ школъ и предубѣжденность противъ русскихъ училищъ населенія католическаго или „къ религіи унитскаго закона приверженнаго“. Однако и въ этихъ областяхъ какихъ-либо очень значительныхъ затрудненій въ распространеніи русскихъ школъ комиссія не встрѣчала.

Съ исключительными условіями должна была столкнуться русская школа на западной окраинѣ, присоединенной къ Россіи послѣ окончательнаго раздѣла Польши,—въ губерніяхъ Литовской, Подольской, Волынской и Минской. На этой окраинѣ дѣйствовали уже народныя училища, введенныя въ 1783 г. польской эдукаціонной комиссіей. Въ общихъ чертахъ они были созданы по принципамъ австрійской системы и, слѣдовательно, были родственны русскимъ народнымъ школамъ, и наша училищная комиссія противъ общей

схемы польскихъ школъ и метода преподаванія въ нихъ ничего не могла возразить, за исключеніемъ того, что, подчиненныя раньше эдукаціонной комиссіи, онѣ теперь должны были перейти въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго призрѣнія, которые вмѣстѣ съ общимъ русскимъ управленіемъ были введены во вновь присоединенныхъ областяхъ. Но польскія школы были учреждены польскимъ народомъ, польскимъ государствомъ и притомъ въ эпоху существованія Варшавскаго сейма, во время лихорадочнаго національнаго возбужденія, поэтому понятно и вполнѣ естественно, что преподаваемые предметы старались воспитать въ дѣтяхъ польскій патріотизмъ; исторія излагалась съ точки зрѣнія интересовъ польскаго государства, а республика ввела многія толкованія, „монархическому образу правленія совсѣмъ противныя", какъ, напримѣръ, тезисъ, что законодательная власть „есть въ народѣ, отъ народа и для народа". Вполнѣ понятно, что національно-политическая окраска польскихъ школъ, восхваленіе республиканскаго строя, объясненіе историческихъ событій въ польско-патріотическомъ духѣ не могли не претерпѣть измѣненій съ переходомъ этихъ провинцій подъ русское владычество. И комиссія, разсмотрѣвъ польскую учебную литературу, „для приведенія присоединенной Польши въ тѣсный союзъ съ Россіей" рѣшила взамѣнъ существовавшихъ и признанныхъ вредными учебниковъ ввести русскіе, издавъ ихъ на польскомъ и русскомъ языкахъ. Съ другой стороны, комиссія не отрицала неизбѣжности и „заведенія нѣкоторыхъ классовъ на языкѣ россійскомъ", подобно тому, какъ Австрія преподаваніе въ польскихъ школахъ перестроила на нѣмецкій языкъ, а для Россіи, это, по мнѣнію комиссіи, было бы тѣмъ болѣе естественно, что „россійскій языкъ съ польскимъ почти одинъ". Наконецъ, учителя для польскихъ школъ могутъ быть поляки, но они должны знать русскій языкъ и пройти курсъ Петербургской учительской семинаріи. Этотъ проектъ измѣненій въ польской школѣ былъ представленъ въ декабрѣ 1801 г. комиссіей государю, но съ учрежденіемъ въ слѣдующемъ году министерства народнаго просвѣщенія это дѣло получило совсѣмъ иной оборотъ.

Упомянемъ еще о попыткѣ распространить новыя народныя училища на юго-восточныя инородческія области, въ киргизъ-кайсацкой ордѣ. Объ этомъ въ ноябрѣ 1786 г. было

дано Высочайшее повелѣніе симбирскому и уфимскому намѣстнику барону Игельстрому, при чемъ предполагалось, чтобы „учебныя книги печатались на киргизскомъ языкѣ вмѣстѣ съ россійскимъ“. Изъ сохранившихся матеріаловъ не видно, имѣла ли какой-нибудь успѣхъ эта попытка. По словамъ біографа генерала Игельстрома, заведеніе имъ въ ордѣ русскихъ школъ не было удачною мѣрою, „потому что для преподаванія приходилось пользоваться услугами казанскихъ муллъ, ибо между киргизами способныхъ къ тому людей не было, а муллы... отличались наибольшимъ мусульманскимъ фанатизмомъ, и имъ удалось... развить такой фанатизмъ и среди киргизовъ, которые раньше не были религіозными фанатиками“.

Источники и пособія.

„Генеральное Учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества, конфирмованное Ея Величествомъ 1764 года, марта 12 дня“, Спб., 1766 г.—„Учрежденія и уставы, касающіеся до воспитанія и обученія“, 2 т., Спб., 1774г.— „Собраніе учрежденій касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества“, Спб., 1789 г.—„Краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ, съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества“, Спб., 1776 г.—„Уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской имперіи, уложенный въ царствованіе импер. Екатерины II“, Спб., 1786 г.—„Сочиненія императрицы Екатерины II“, т. 1, Спб., 1849 г.—„Письма императр. Екатерины II къ Гримму“, „Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества“, т. XXIII.—Инструкція князю Николаю Ивановичу Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей.—„Дневныя записки частной училищной комиссіи“, въ архивѣ Госуд. Совѣта, дѣла II отд. собствен. Его Имп. Велич. канцеляріи.—„Уставъ Императ. Шляхетнаго корпуса, учрежденнаго въ С.-Петербургѣ для воспитанія и обученія благороднаго россійскаго юношества“, Спб., 1786.—„Разсужденіе, служащее руководствомъ къ новому установленію Шляхетнаго кадетскаго корпуса“.—„Руководство учителямъ перваго и второго классовъ народныхъ училищъ“, Спб., 1789 г.—„О должностяхъ человѣка и гражданина. Книга, къ чтенію опредѣленная въ городскихъ училищахъ“, 11-е изд., Спб., 1817 г.—„Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, изд. министр. народн. просвѣщ., т. I.—*А. Вороновъ*, „Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 г.“, Спб., 1894 г. — *К. К. Арсеньевъ*, „Историко-статистическій очеркъ народнаго образованія въ Россіи до конца XVIII в.“, „Ученыя Записки Импер. Академіи Наукъ“, кн. I.—*А. И. Кирпичниковъ*, „Педагоги прошлаго вѣка“, „Историч. Вѣстникъ“, 1885 г., № 9. — *В. Я. Стоюнинъ*, „Педагогическія сочиненія“, Спб., 1892 г. (біографическія данныя о И. И. Бецкомъ).—*П. М. Майковъ*, „Иванъ Ивановичъ Бецкій“.—„Матеріалы для біографіи И. И. Бецкаго“, „Журн. Минист. Народн. Просв.“, т, 77, отд. V. — *А. Вороновъ*, „Ѳед. Иван. Янковичъ де-Миріево“, Спб. 1858 г. —

И. Кипріановичъ, „Ѳ. И. Янковичъ де-Миріево“, журн. „Гимназія“, 1891 г.— *Я. К. Гротъ*, „Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ“, „Сборн. отд. русск. языка и словесности Импер. Акад. Наукъ“, т. 20, № 1, 1880 г. — *Его же*, „Воспитаніе Екатерины II“, „Древняя и Новая Россія“, 1875 г., т. I.—*Н. А. Лавровскій*, „О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины II“, Харьковъ, 1856 г.—*Графъ Д. А. Толстой*, „Городскія училища въ царствованіе импер. Екатерины II“, Спб., 1886 г.—*Его же*, „Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782 г.“, Спб., 1883 г. — *Его же*, „Академическая гимназія въ XVIII в.“, „Сборн. отд. русск. языка и словесности Импер. Акад. Наукъ“, т. 38.—*И. Б.*, „Идеи о народномъ образованіи въ екатерининское время“, „Историч. Вѣстникъ“, 1884 г., № 3. — *М. И. Демковъ*, „Исторія русской педагогики“, ч. II, Спб., 1897 г. — *С. В. Рождественскій*, „Проекты учебныхъ реформъ въ царствованіе импер. Екатерины II до учрежденія комиссіи о народныхъ училищахъ“, „Журн. Минист. Народн. Просв.“, 1907 г., № 12; 1908 г., № 2—3.—*Его же*, „Изъ исторіи учебныхъ реформъ императр. Екатерины II“, Спб. 1909 г.— *П. Н. Милюковъ*, „Очерки по исторіи русской культуры“, ч. II, Спб., 1902 г. — *Никольскій*, „Школьная реформа Екатерины II“, „Журн. Минист. Народн. Просв.“, 1872 г., ч. 162.—*В. Иконниковъ*, „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія“, „Вѣстникъ Европы“, 1876 г., №№ 9—11. — *С. В. Рождественскій*, „Университетскій вопросъ въ царствованіе Екатерины II“, „Вѣстникъ Европы“, 1907 г., №№ 7, 8.—*Е. Лихачева*, „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“ т. I, Спб., 1893 г.— *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. VI, т. 26.—*И. Порфирьевъ*, „Исторія русской словесности“, Казань, 1884 г., ч. II, отд. 2.

Школа въ царствованіе Александра I и Николая I.

Недостатки екатерининскихъ школъ.

Къ началу XIX столѣтія болѣе или менѣе выяснились на практикѣ основные недостатки екатерининской школьной системы и были поняты причины постепеннаго упадка школъ послѣ періода нѣкотораго расцвѣта. Дѣло народнаго образованія, какъ особая отрасль государственной жизни и государственныхъ заботъ, было еще такъ молодо, что въ немъ и не подозрѣвали всей той сложности, тѣхъ громадныхъ задачъ и связанныхъ съ ихъ разрѣшеніемъ затрудненій, которыя оно въ дѣйствительности въ себѣ таитъ. Народное образованіе въ его цѣломъ при Екатеринѣ могло еще разсматриваться, какъ нѣчто постороннее, попутное, болѣе или менѣе второстепенное, не требующее обязательно своихъ собственныхъ органовъ управленія, не могущее претендовать на самостоятельную жизнь. Этимъ и объясняется то, что во главѣ дѣла народнаго образованія стояло случайное учрежденіе, вызванное къ жизни единовременнымъ и спеціальнымъ порученіемъ—открыть народныя училища. Выполнивъ въ мѣру силъ свою прямую задачу, комиссія о народныхъ училищахъ была переименована въ „главное училищное правительство" и тѣмъ самымъ изъ случайнаго и временнаго учрежденія превратилась въ постоянный органъ руководительства школьнымъ дѣломъ и надзора за нимъ. Въ этой своей новой роли комиссія могла изобрѣтать и диктовать какія угодно мѣры, но ей недоставало органовъ, которые осуществляли бы на практикѣ ея предположенія, ибо мѣстный надзоръ и руководительство училищами былъ порученъ общимъ губернскимъ властямъ, имѣвшимъ свои особыя заботы и подчинявшимся непосредственно центральнымъ властямъ другого порядка. Понятно, что губернаторы и подчиненные имъ чиновники къ навязанной имъ сверхъ ихъ прямыхъ обязанностей работѣ должны были

въ большинствѣ относиться отрицательно; понятно также, что, не будучи спеціалистами въ данномъ дѣлѣ, они даже при доброй волѣ и благожелательномъ къ нему отношеніи должны были дѣлать грубые промахи; естественно, наконецъ, и то, что въ ихъ лицѣ комиссія хотя бы и въ роли „главнаго училищнаго правительства", не могла найти и не находила энергичныхъ и знающихъ помощниковъ, на которыхъ можно было бы вполнѣ положиться и отъ которыхъ слѣдовало ожидать вниманія къ порученному имъ дѣлу. Такимъ образомъ, путемъ практическаго опыта постепенно выяснилась новая задача—необходимость созданія особаго государственнаго центральнаго органа съ провинціальными развѣтвленіями для завѣдыванія дѣломъ народнаго образованія. Для низшей, народной школы это было особенно важно, потому что если на университеты и среднія учебныя заведенія, находившіеся въ болѣе крупныхъ городахъ и бывшіе болѣе на виду, еще простиралось вниманіе комиссіи, то народныя училища по захолустнымъ городамъ всецѣло были въ вѣдѣніи общей администраціи.

Вторымъ кореннымъ недостаткомъ екатерининской школы было отсутствіе опредѣленнаго и прочнаго бюджета изъ государственныхъ средствъ на народное образованіе. Выше было уже указано, что университеты и гимназіи еще пользовались государственной финансовой поддержкой, народныя же училища были всецѣло предоставлены попеченію о нихъ комитетовъ общественнаго призрѣнія и частной благотворительности. Государственная власть взяла въ свои руки народное образованіе именно потому, что не надѣялась на силы населенія осуществить это дѣло, что не довѣряла его готовности итти ему навстрѣчу, что видѣла въ населеніи—и совершенно правильно—скорѣе неблагожелательное отношеніе къ образованію,—между тѣмъ одинъ изъ важнѣйшихъ нервовъ народнаго образованія, финансовую сторону, въ самой главной области его, народной школѣ, она всецѣло отдала на добровольное разрѣшеніе того же населенія. Это противорѣчіе и мотивировка его тѣмъ, что расходы на народную школу не могутъ быть велики и обременительны для населенія, подтверждаютъ лишь могущество сословныхъ принциповъ, которыми сознательно или безсознательно руководилась комиссія. На практикѣ уже очень скоро выяснилось, что въ предоставленіи мате-

ріальныхъ заботъ о школѣ самому населенію крылась грубая ошибка. Приказы общественнаго призрѣнія, выразители взглядовъ мѣстнаго общества, въ большинствѣ крайне неохотно и лишь подъ давленіемъ властей ассигновывали скудныя средства на школы, частная же благотворительность ограничивалась дворянскими обществами и городскими управленіями, рука которыхъ скоро оскудѣвала. Вопросъ о матеріальной поддержкѣ народной школы, поддержкѣ прочной, постоянной, независимой отъ случайностей и доброй воли ни къ чему не обязаннаго населенія, такимъ образомъ всталъ на очередь дня.

Третьимъ, не менѣе важнымъ недочетомъ организаціи народнаго образованія было отсутствіе достаточнаго контингента учителей и учрежденій, которыя подготовляли бы педагогическій персоналъ. И эта сторона печальнѣе всего отразилась на народной школѣ. Только главныя училища въ нѣкоторой степени были еще обезпечены педагогическимъ персоналомъ изъ питомцевъ петербургской учительской семинаріи, малыя же захолустныя училища, куда учителями должны были поступать воспитанники главныхъ, зачастую оставались совсѣмъ безъ руководителей. И, можетъ быть, не столько недостатокъ въ учителяхъ былъ причиной этого, сколько незавидное ихъ положеніе, почему всякая другая служба была для нихъ предпочтительнѣе. Необходимо было создать, съ одной стороны, постоянные кадры учительскаго персонала, пополняемаго и обновляемаго свѣжими элементами, и съ другой—поставить учителей въ болѣе сносное матеріальное и соціальное положеніе, которое, если бы и не влекло къ себѣ чрезмѣрно, то чрезмѣрно же и не отпугивало бы отъ себя.

Четвертый недостатокъ существовавшей школьной системы состоялъ въ отсутствіи преемственности между низшими и слѣдующими школьными ступенями вплоть до высшей. Малыя и главныя училища составляли законченный кругъ образованія. Доступъ изъ нихъ въ университеты былъ закрытъ, вѣрнѣе—этотъ вопросъ былъ какъ-то затушеванъ, такъ что для самой комиссіи было не ясно, даютъ ли главныя училища права на поступленія въ университеты, равняются ли они въ этомъ смыслѣ гимназіямъ или нѣтъ. Вопросъ имѣлъ и чисто педагогическое значеніе, потому что питомцы народныхъ училищъ оказывались лишенными

возможности продолжать свое образованіе. Но въ гораздо болѣе значительной степени здѣсь скрывалась иная сторона. Уже ревизоръ Козодавлевъ вынесъ убѣжденіе, что между высшими и народными училищами должна быть установлена преемственная связь, и что только при этихъ условіяхъ населеніе будетъ мириться съ пребываніемъ дѣтей въ главныхъ училищахъ до окончанія полнаго курса. Это убѣжденіе вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности. Въ главной школѣ рѣдкіе ученики оставались до окончанія курса, потому что родители ихъ не видѣли надобности въ изученіи дѣтьми разныхъ наукъ сверхъ обычной элементарной грамотности, необходимой въ купеческомъ или ремесленномъ быту. Сама школа не давала какихъ-либо осязаемыхъ привилегій окончившимъ ея курсъ и съ этой стороны тоже не могла служить извѣстной приманкой, удерживающей въ ея стѣнахъ учениковъ. Привилегіи давалъ только университетъ, и вполнѣ естественно было облегчить доступъ въ него. Тогда, имѣя въ виду служебную карьеру дѣтей, мѣщанство и купечество могли бы мириться съ тѣмъ, что дѣти ихъ не будутъ имъ помощниками; тогда и дворянство, искавшее болѣе краткихъ путей къ поступленію дѣтей на службу, проводившее ихъ въ университеты черезъ гимназіи и частные пансіоны, наконецъ, отдававшее ихъ въ спеціальныя учебныя заведенія,—не стало бы пренебрегать низшей школой.

Наконецъ, программа малыхъ и главныхъ екатерининскихъ училищъ—кругъ преподаваемыхъ въ ней предметовъ—была слишкомъ отвлеченна, мало соотвѣтствовала жизненнымъ потребностямъ тѣхъ классовъ населенія, изъ дѣтей которыхъ рекрутировался преимущественно учащійся элементъ. Одни предметы требовалось исключить, другіе нужно было ввести вновь.

Всѣ эти вопросы и существенные пробѣлы въ организаціи и системѣ русской школы и были поставлены на разрѣшеніе въ первый періодъ царствованія Александра I.

Уставъ 1804 года.

Царствованіе Александра I открылось либеральными вѣяніями. Знаменитый „Неоффиціальный комитетъ“, состоявшій изъ ближайшихъ друзей-единомышленниковъ государя и

руководившій всѣми важнѣйшими отраслями государственной жизни, намѣревался кореннымъ образомъ перестроить русскую государственную машину, положивъ въ основаніе „Всемилостивѣйшую грамату, русскому народу жалуемую", т. е. конституціонный актъ. До этого дѣло, какъ извѣстно, не дошло, но „планъ систематической реформы безобразнаго зданія государственной администраціи" обсуждался серьезно, въ общихъ чертахъ былъ выработанъ и въ извѣстной мѣрѣ дѣйствительно проведенъ въ жизнь. Во главу реформъ было поставлено преобразованіе высшихъ административныхъ органовъ, сущность котораго заключалась въ раздѣленіи власти и точномъ разграниченіи ея между восемью отдѣльными вѣдомствами — министерствами. Однимъ изъ нихъ было министерство народнаго просвѣщенія.

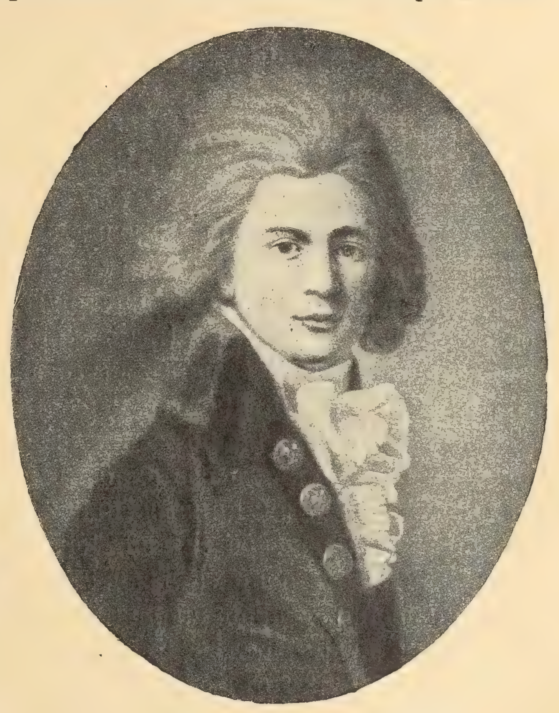
Александръ I.

7-мъ параграфомъ манифеста 8 ноября 1802 г. объ учрежденіи министерствъ кругъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія опредѣлялся такимъ образомъ: „Министръ народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ имѣетъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи Главное училищное правленіе со всѣми принадлежащими ему частями, академію наукъ, университеты и всѣ другія училища, кромѣ предоставленныхъ особому попеченію любезной родительницы Нашей императрицы Маріи Ѳеодоровны и находящихся... въ управленіи другихъ особъ или мѣстъ; типографіи частныя и казенныя...; цензуру, изданіе вѣдомостей и всякихъ періодическихъ сочиненій, народныя библіотеки, собраніе крѣпостей, натуральные кабинеты, музеи и всякія учрежденія, какія впредь для распространенія наукъ быть могутъ". Такимъ образомъ, впервые въ Россіи возникло центральное вѣдомство для управленія дѣломъ народнаго образованія съ вполнѣ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей и съ извѣстными прерогативами административной власти.

Первымъ министромъ былъ назначенъ гр. П. В. Завадовскій, бывшій фаворитъ Екатерины II, человѣкъ, не совсѣмъ подходящій для роли главы новаго учрежденія, въ виду его взглядовъ, значительно разнившихся отъ политическаго міросозерцанія молодыхъ друзей государя. Но за нимъ былъ значительный опытъ въ школьномъ дѣлѣ, пріобрѣтенный имъ въ качествѣ предсѣдателя екатерининской комиссіи о народныхъ училищахъ,—и это обстоятельство и остановило на немъ выборъ. При министерствѣ была учреждена особая „комиссія объ училищахъ", которая въ началѣ 1803 г. была преобразована въ совѣтъ министра подъ именемъ Главнаго управленія училищъ. Членами этого учрежденія, занявшагося пересмотромъ школьнаго дѣла и разработкой новаго училищнаго устава, состояли виднѣйшіе либеральные дѣятели начала царствованія Александра I. Туда были назначены: сенаторъ М. Н. Муравьевъ, онъ же и товарищъ министра, человѣкъ въ высокой степени просвѣщенный, видѣвшій въ свободѣ и образованіи „главный фундаментъ, на которомъ созидается благосостояніе народа"; Н. Н. Новосильцевъ, первый попечитель Петербургскаго учебнаго округа и президентъ академіи наукъ, предсѣдатель комиссіи составленія законовъ, одинъ изъ плеяды ближайшихъ друзей государя, человѣкъ съ несомнѣнными либеральными воззрѣніями, но очень осторожный и въ качествѣ участника въ „Неоффиціальномъ комитетѣ" служившій сдерживающимъ началомъ для остальныхъ болѣе пылкихъ его членовъ; кн. А. А. Чарторыйскій, отпрыскъ извѣстнаго польскаго рода, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ и попечитель Виленскаго университета и учебнаго округа, выдававшійся своей дѣятельностью относительно ближайшей его родины—присоединенной къ Россіи Польши; гр. П. А. Строгановъ, самый юный и самый пылкій изъ членовъ „Неоффи-

Графъ П. В. Завадовскій.

ціальнаго комитета“, воспитавшійся на идеяхъ французской революціи, даже въ нѣкоторомъ родѣ участникъ въ ея событіяхъ въ 1793 г., когда онъ вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ, извѣстнымъ якобинцемъ Роммомъ, жилъ въ Парижѣ и состоялъ членомъ якобинскаго клуба; гр. С. О. Потоцкій, польскій магнатъ, широко образованный вельможа; г.-м. Ѳ. И. Клингеръ, попечитель Дерптскаго университета, извѣстный нѣмецкій романистъ. Эти лица, къ которымъ позже присоединился еще М. М. Сперанскій, были вдохновителями, душою комиссіи, руководившіе направленіемъ ея работъ. Кромѣ нихъ въ ея составъ вошли академики Румовскій, Озерковецкій и Фуссъ, неутомимые работники, на которыхъ лежала вся черная работа; затѣмъ нѣкоторые члены изъ бывшей екатерининской комиссіи—Свистуновъ, Пастуховъ и прежде всего Янковичъ де-Миріево; наконецъ, дѣлопроизводителемъ комиссіи былъ назначенъ В. Н. Каразинъ, основатель Харьковскаго университета. На обязанность этихъ лицъ, изъ которыхъ почти всѣ впослѣдствіи на томъ или другомъ поприщѣ стяжали себѣ историческое имя, и была возложена разработка новаго устава и проведеніе въ жизнь учебной реформы.



Графъ П. А. Строгановъ.

24 января 1803 г. были утверждены выработанныя комиссіей „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія“, законодательный актъ, излагавшій основы новой учебной системы, а 5 ноября 1804 г. — почти совершенно тожественные между собою уставы университетовъ Московскаго, Харь-

ковскаго и Казанскаго и „уставъ училищъ, подвѣдомственныхъ университетамъ“, т. е. гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Всѣ уставы извѣстны подъ общимъ названіемъ „Устава 1804 г.“, въ которомъ подробно развивались основныя положенія „Предварительныхъ правилъ“ въ отношеніи къ учебнымъ заведеніямъ разныхъ категорій.

Эти законодательные акты, которымъ обычно приписывается исключительное значеніе въ исторіи русской школы, въ сущности своей не даютъ какихъ-либо новыхъ коренныхъ началъ въ сравненіи съ законодательствомъ Екатерины II въ области народнаго просвѣщенія. Главнѣйшіе принципы, на которыхъ они покоятся, были формулированы еще въ эпоху кипучей дѣятельности Янковича де-Миріево. *Государственная школа*, дающая *общее свѣтское образованіе*, доступная *всѣмъ классамъ населенія*, школа, слѣдовательно, *безсословная*—таковъ выработанный предыдущей эпохой фундаментъ, на которомъ строили зданіе народнаго просвѣщенія дѣятели александровскаго времени. Правда, принципъ безсословности на практикѣ при Екатеринѣ былъ значительно урѣзанъ и пострадалъ въ своей чистотѣ и цѣльности, но подобная же метаморфоза произошла позже и съ александровской школой. Новое въ этихъ актахъ состояло въ другомъ: въ установленіи опредѣленной административной іерархіи руководительства школой и надзора за ней, іерархіи самостоятельной и независимой отъ общихъ гражданскихъ властей; въ переконструированіи старой школьной системы, т. е. въ организаціи ея на новый, болѣе цѣлесообразный ладъ; далѣе, въ сплетеніи бывшихъ отдѣльныхъ школьныхъ звеньевъ, стоявшихъ независимо одно отъ другого, въ преемственную систему, въ одну цѣпь; въ распространеніи области функціонированія школъ на массу населенія—на крестьянство; наконецъ, въ томъ свободномъ и просвѣщенномъ духѣ, которымъ проникнуты эти законодательные акты и благодаря которому за уставомъ 1804 г. на долгое время сохранилась память свѣтлаго явленія въ исторіи русскаго народнаго образованія.

Взаимная связь новыхъ училищныхъ типовъ.

„Предварительными правилами“ были установлены четыре рода училищъ: училища *приходскія*, *уѣздныя*, *губернскія* или *гимназіи* и *университеты*. Бывшія „малыя“ и „главныя“

училища были всецѣло поглощены новой системой. Первый классъ малаго и равный ему первый классъ главнаго училища, дававшій начатки грамоты, превратился въ приходскую школу. Второй классъ этихъ училищъ сталъ первымъ классомъ уѣзднаго училища, курсъ котораго былъ дополненъ еще однимъ новымъ классомъ. Два высшихъ класса главнаго училища, третій и четвертый, составили первый и второй классы гимназіи, и къ нимъ вновь были прибавлены два старшихъ класса, вовсе не существовавшихъ прежде. Такимъ образомъ, два рода прежнихъ училищъ были смѣнены тремя, а 4-лѣтній курсъ главнаго училища, своими первыми двумя годами захватывавшаго цѣликомъ курсъ малаго, превратился въ 7-лѣтній: одинъ годъ въ приходскомъ училищѣ, два—въ уѣздномъ и четыре—въ гимназіи. Къ прежней цѣпи были прибавлены новыхъ три звена. Послѣдней ступенью училищной системы былъ университетъ, связанный преемственно съ гимназіей.

О взаимной связи этихъ четырехъ родовъ училищъ, изъ которыхъ къ народной школѣ въ тѣсномъ смыслѣ могутъ быть отнесены только первые два, и объ объемѣ проходимаго въ каждомъ изъ нихъ курса мы скажемъ нѣсколько ниже, теперь же обратимся къ училищно-административной системѣ, установленной новыми законодательными актами— „Предварительными правилами“ 1803 г. и уставомъ 1804 г.

Административное управленіе, новыя цѣли и новая программа школы.

Первый параграфъ „Предварительныхъ правилъ“ гласилъ, что „народное просвѣщеніе въ Россійской имперіи составляетъ *особенную государственную часть*, ввѣренную министру сего отдѣленія и подъ его вѣдомствомъ распоряжаемую Главнымъ училищъ правленіемъ“, преобразованнымъ позже, какъ уже говорилось, въ совѣтъ министра. Центральный органъ, вѣдавшій народнымъ просвѣщеніемъ, формально существовалъ и раньше въ лицѣ „Главнаго училищнаго правительства“, но не было того, что здѣсь названо „особенной государственной частью“, не было особаго самостоятельнаго вѣдомства съ его развѣтвленіями по мѣстамъ. Этотъ пробѣлъ вполнѣ былъ заполненъ „Предварительными правилами“ особой школьно-административной схемой, су-

щественнѣйшія черты которой сохранились и донынѣ. Дальнѣйшіе параграфы этихъ правилъ устанавливали и всѣ послѣдующія ступени учебной іерархіи.

Вся Россія въ отношеніи къ учебному управленію была раздѣлена на „полосы“ или „*округи*“, которыхъ на первое время было установлено шесть. Во главѣ каждаго округа стоялъ *попечитель*, онъ же членъ Главнаго правленія училищъ, по этому своему званію находящійся въ Петербургѣ и въ округъ выѣзжающій для личнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два года. Попечитель является представителемъ въ Петербургѣ своего округа и соотвѣтственнаго послѣднему университета, отъ котораго онъ и получаетъ періодическія донесенія о положеніи дѣлъ въ округѣ. На мѣстахъ во главѣ округа былъ поставленъ *университетъ*. Въ трехъ округахъ университеты уже существовали (Московскомъ, Виленскомъ и Дерптскомъ), въ остальныхъ трехъ, Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ, предстояло ихъ еще учредить. Университеты получили весьма своеобразный характеръ. Это были не только высшія учебныя заведенія съ опредѣленной цѣлью—дать своимъ питомцамъ науку въ ея послѣднемъ развитіи и готовить образованныхъ дѣятелей для государственной и общественной службы, но къ этому были приданы имъ еще особыя функціи—вѣдать, путемъ преподанія опредѣленныхъ указаній и путемъ надзора, административную, хозяйственную и учебную части во всѣхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ даннаго округа. Такимъ образомъ, университетъ, стоявшій раньше внѣ учебной системы, вошелъ въ ея цѣпь въ качествѣ необходимаго сочлененія, занялъ опредѣленное мѣсто въ ея цѣломъ, будучи связанъ съ низшими школьными ступенями не только со стороны учебной, образовательной, но и въ другомъ, новомъ отношеніи—въ отношеніи административно-распорядительномъ. Передъ попечителемъ округа, бывшимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его попечителемъ, университетъ былъ обязанъ отчетностью и представленіемъ подробныхъ свѣдѣній состоянія дѣлъ въ подвѣдомственномъ ему округѣ, а относительно послѣдняго въ лицѣ особаго, состоящаго изъ профессоровъ училищнаго комитета пользовался полномочіями „направлять весь ходъ учебной жизни“.

Каждый изъ губернскихъ городовъ округа долженъ былъ

имѣть свое „губернское училище или гимназію“, находившуюся подъ наблюденіемъ университета. Ближайшимъ руководителемъ гимназіи былъ ея *директоръ*, который вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ и *директоромъ уѣздныхъ училищъ* въ губерніи. Каждый уѣздный городъ долженъ былъ имѣть, по крайней мѣрѣ, по одному такому училищу, которымъ непосредственно завѣдовалъ его *смотритель*, являвшійся въ свою очередь *начальникомъ приходскихъ училищъ* въ своемъ уѣздѣ. Кромѣ городовъ, эти училища должны были заводиться во „всякомъ церковномъ приходѣ или двухъ приходахъ вмѣстѣ“. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ они находились подъ наблюденіемъ *помѣщика*, а въ казенныхъ селеньяхъ— подъ наблюденіемъ священника и „одного изъ почетнѣйшихъ гражданъ“.

Какъ видно изъ этой схемы, всѣ учебныя заведенія находились въ извѣстной административной связи. Каждая низшая ступень подчинялась слѣдующей высшей, находилась въ ея вѣдѣніи, и наоборотъ—каждая высшая руководительствовала сѣтью низшихъ. Связь между отдѣльными видами учебныхъ заведеній была установлена, однако, не только въ административномъ отношеніи, но и со стороны учебнаго курса. Распредѣленіе учебнаго матеріала между курсами разныхъ родовъ училищъ было урегулировано и стало существенно инымъ, чѣмъ въ маломъ и главномъ училищахъ. Въ послѣднихъ курсы расходились, такъ сказать, концентрическими кругами, т. е. главное училище своими первыми двумя классами цѣликомъ включало въ себѣ курсъ малаго училища, являясь его полнымъ двойникомъ и тѣмъ самымъ предоставляя учащимся начать ученіе въ маломъ училищѣ и изъ него перейти прямо въ третій классъ главнаго или же курсъ перваго пройти въ первыхъ двухъ классахъ второго. Съ другой стороны, наряду съ главными училищами самостоятельно и внѣ всякой съ ними связи существовали и гимназіи съ курсомъ, даже меньшимъ по объему, чѣмъ въ главныхъ училищахъ, но дававшимъ свободный доступъ въ университетъ, въ то время какъ права питомцевъ главнаго училища на поступленіе въ послѣдній являлись неясными и даже спорными. Новое законодательство каждому разряду общеобразовательной школы (гимназіи, уѣздному и приходскому училищу) поставило двѣ опредѣленныя цѣли: 1) подготовлять

къ поступленію въ слѣдующую высшую ступень школы и 2) давать законченное образованіе тѣмъ, кто не желаетъ или не можетъ продолжать его дальше. Установленіе первой изъ нихъ и ввело полную ясность въ распредѣленіе учебнаго матеріала между разными звеньями школьной цѣпи. Весь учебный матеріалъ, который относится къ области низшаго и средняго образованія, проходился въ послѣдовательномъ порядкѣ изъ класса въ классъ, изъ училища въ училище, безъ скачковъ и повтореній, такъ, какъ онъ могъ бы проходиться въ случаѣ, если бы приходское и уѣздное училища и гимназіи слить въ одно учебное заведеніе съ числомъ классовъ, равнымъ суммѣ ихъ въ слившихся частяхъ. То, что составляло предметъ обученія въ приходскихъ школахъ, уже не повторялось въ уѣздныхъ, и то, что проходилось въ послѣднихъ, уже не включалось въ кругъ предметовъ гимназіи. Такимъ образомъ, нужно было послѣдовательно пройти курсъ приходскаго училища, затѣмъ уѣзднаго, потомъ гимназіи, и только тогда можно было попасть въ университетъ, въ которомъ учебный матеріалъ уже вѣтвился по спеціальностямъ или факультетамъ.

Новая система распредѣленія предметовъ между отдѣльными разрядами училищъ и приведеніе послѣднихъ въ послѣдовательную связь имѣло огромное значеніе для низшей, народной школы. Вмѣсто прежней обособленности съ опредѣленнымъ, въ ней самой завершающимся кругомъ образованія, она теперь связывается съ послѣдующими ступенями, включая и университетъ. Съ другой стороны, она не только связывается съ гимназіями и университетомъ, но и становится необходимой предварительной къ нимъ ступенью, безъ прохожденія черезъ которую нельзя попасть въ послѣднія. Первое условіе открывало въ принципѣ доступъ къ среднему и высшему образованію низшимъ слоямъ населенія, второе же—принуждало пройти черезъ горнило низшей школы дѣтей высшихъ сословій, если они намѣревались завершить свое образованіе въ университетѣ. Какъ увидимъ ниже, эти положенія въ цѣломъ правильны только въ принципѣ, потому что для массъ населенія по пути къ университету и въ немъ самомъ на практикѣ были созданы довольно серьезныя препятствія, высшіе же слои населенія длинному и трудному общему пути образованія предпочитали обходныя тропинки, скорѣе ведущія

къ цѣли — служебнымъ и инымъ привилегіямъ, и эти тропинки для нихъ—и только для нихъ—и были созданы.

Какъ указано выше, каждый изъ школьныхъ видовъ служилъ двумъ цѣлямъ: подготовить своихъ питомцевъ къ переходу въ училище слѣдующаго высшаго типа, съ одной стороны, и съ другой — дать имъ въ предѣлахъ даннаго школьнаго типа законченный кругъ знаній на случай, если бы воспитанники не пожелали продолжать образованія. Соотвѣтственно этимъ видамъ была выработана и программа предметовъ для каждаго разряда училищъ. Приходскія училища съ однолѣтнимъ курсомъ, служившія подготовительною ступенью къ уѣзднымъ, своей самостоятельной цѣлью имѣли — „доставить дѣтямъ земледѣльческихъ и другихъ состояній свѣдѣнія, имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію". Эта формула по своему смыслу имѣетъ въ виду преимущественно, конечно, крестьянъ, что вполнѣ естественно. По общему правилу предполагалось, что дѣти высшихъ сословій не ограничатся этой школьной ступенью и продолжатъ свое образованіе дальше, и только крестьянскія дѣти въ громадномъ большинствѣ останутся съ тѣми знаніями, которыя вынесутъ изъ приходскихъ школъ. Дѣти въ нихъ обучаются чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, т. е. предметамъ, необходимымъ даже въ самомъ примитивномъ быту; сверхъ этого, чтобы „сдѣлать дѣтей лучшими", имъ преподаются главныя начала Закона Божія и нравоученія и, наконецъ, чтобы „искоренить въ нихъ предразсудки", объясняется имъ особая книга—„Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ". При однолѣтнемъ курсѣ всѣ предметы преподаетъ и одинъ учитель въ одномъ же отдѣленіи. Если бы, однако, учащихся оказалось много, то рекомендуется открывать параллельныя отдѣленія, причемъ остается неяснымъ, долженъ ли тотъ же учитель управиться со всѣми отдѣленіями или могутъ быть приглашены и другія лица.

Цѣль двухклассныхъ уѣздныхъ училищъ въ связи ихъ съ общей школьной системой состояла въ принятіи въ свои стѣны учениковъ изъ приходскихъ и въ подготовкѣ ихъ къ гимназіямъ. Самостоятельная же ихъ задача опредѣлялась

тѣмъ, что они должны „открыть дѣтямъ различныхъ состояній необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и промышленности". Послѣднее слово достаточно опредѣленно говоритъ, что контингентъ дѣтей, ограничивающихся образованіемъ въ этой школѣ, долженъ былъ преимущественно относиться къ торговымъ и ремесленнымъ слоямъ населенія уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, въ каждомъ изъ которыхъ полагалось имѣть по меньшей мѣрѣ одно такое училище. Въ программу входили слѣдующіе предметы: Законъ Божій и Священная исторія (продолженіе того, что проходилось въ приходскихъ училищахъ), русская грамматика, а въ губерніяхъ и уѣздахъ съ преобладающимъ не-русскимъ населеніемъ также грамматика мѣстнаго языка, затѣмъ чистописаніе, рисованіе, продолженіе ариѳметики, всеобщая географія, географія Россіи, всеобщая и русская исторія, начатки физики, естественной исторіи и технологіи, „имѣющіе отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности", наконецъ, какъ дань екатерининской эпохѣ, проходилась „Книга о должностяхъ человѣка и гражданина". Учителей полагалось два, по одному на каждый классъ.

Эти два типа училищъ — приходскія и уѣздныя — собственно и составляютъ народную школу въ тѣсномъ смыслѣ, ибо дальнѣйшая ступень, гимназіи, по характеру своей программы должна быть отнесена уже къ среднему образованію и разсмотрѣнію съ точки зрѣнія нашей задачи не подлежитъ. Но гимназіи, какъ и уѣздныя училища, кромѣ обычныхъ двухъ цѣлей преслѣдовали еще и третью, имѣющую близкое отношеніе къ нашей задачѣ. Гимназіи наравнѣ съ уѣздными училищами не только готовили учениковъ къ переходу въ высшую школьную ступень,—уѣздныя училища въ гимназіи, послѣднія въ университетъ,—не только также имѣли въ виду дать законченное образованіе дѣтямъ и юношамъ, дальше образованія не продолжающимъ, но и готовили въ лицѣ своихъ воспитанниковъ учителей для предыдущихъ, низшихъ ступеней школъ. Изъ воспитанниковъ гимназіи вербовались учителя для уѣздныхъ училищъ, изъ воспитанниковъ послѣднихъ — для приходскихъ. Вѣнецъ же этой системы, университетъ, давалъ учителей для гимназій. Это была, дѣйствительно, стройная и внутренне связанная школьная система: низшіе разряды давали слѣдующимъ высшимъ учениковъ, высшіе же поставляли слѣдующимъ

низшимъ учителей. Учитель приходскаго училища зналъ то, что проходилось въ уѣздномъ. Что же зналъ учитель последняго? То, что преподавалось въ гимназіи.

Гимназическій курсъ былъ удивительно обширенъ и энциклопедиченъ. Изъ всѣхъ курсовъ онъ былъ наименѣе удовлетворителенъ. Законъ Божій и русскій языкъ совсѣмъ не проходились, что создавало странное положеніе, по которому учитель въ уѣздномъ училищѣ преподавалъ съ тѣми лишь знаніями, которыя онъ вынесъ изъ этого же училища. Взамѣнъ того освобождалось мѣсто для цѣлаго ряда предметовъ, проходимыхъ въ наше время въ составѣ университетскаго курса. Сюда относились прежде всего философскія науки: логика (проходившаяся въ первомъ классѣ), психологія и этика (во 2 классѣ), эстетика (въ 3 классѣ); въ 4 классѣ преподавались общія науки: естественное и народное право, политическая экономія; расширена была программа и физико-математическихъ и естественныхъ наукъ; преподавались, наконецъ, коммерція и технологія.

Эта громоздкая и мало отвѣчающая возрасту учениковъ программа вызывала впослѣдствіи частыя и справедливыя нареканія и давала поводъ къ попыткамъ реформировать ее.

Матеріальныя средства.

При новомъ уставѣ существованіе школы уже менѣе зависѣло отъ того, насколько она нужна была обществу, т. е. насколько послѣднее хотѣло поддерживать ее матеріальными средствами. Университеты и гимназіи и прежде мало зависѣли отъ этого источника, но зато содержаніе главныхъ и малыхъ училищъ было всецѣло отнесено на счетъ средствъ приказовъ общественнаго призрѣнія, городскихъ обществъ и на счетъ добровольныхъ пожертвованій. Теперь и эти расходы государство приняло на себя. Передъ началомъ реформы разсчитывали, что содержаніе новыхъ учебныхъ заведеній обойдется въ 1.319.450 руб. (4 университета—520.000 руб., 42 гимназіи—236.000 р., 405 уѣздныхъ училищъ—563.450 руб.), почти на милліонъ дороже, чѣмъ казна тратила при Екатеринѣ II (392.700 руб.). Въ дѣйствительности министру пришлось расходовать значительно больше. Предполагалось, что приказы общественнаго призрѣнія и городскія общества попрежнему будутъ нести часть, хотя бы и относительно го-

раздо меньшую, расходовъ на низшую школу, но и приказы и городскія думы рады были случаю отказаться отъ уплаты субсидій на школы и фактически не вносили почти ничего. Поэтому на казну цѣликомъ упали всѣ расходы по содержанію высшей и средней школы и значительная доля на низшую. Только приходскія училища, какъ увидимъ ниже, оставались на попеченіи населенія, и въ этомъ заключалась ахиллесова пята реформы. Во всякомъ случаѣ, и въ хозяйственномъ отношеніи русская школа съ этого времени въ значительной мѣрѣ сдѣлалась государственной.

Осуществленіе устава 1804 года.

Открытіе новыхъ университетовъ и преобразованіе другихъ школьныхъ типовъ.

Осуществленіе новаго учебнаго плана по уставу 1804 г. началось съ верховъ, т. е. съ университетовъ. Этотъ именно путь, а не обратный, путь сверху внизъ, изъ центра къ периферіи, вызывался самой сущностью и внутреннимъ содержаніемъ всей новой системы. „Что сначала были учреждены высшія учебныя заведенія, — писалъ академикъ А. К. Шторхъ,—можетъ удивлять лишь людей, незнакомыхъ съ положеніемъ дѣла. Для цѣлесообразнаго устройства низшихъ учебныхъ заведеній сперва должны были существовать университеты, ибо какимъ инымъ путемъ Главное правленіе училищъ могло бы ознакомиться съ мѣстными обстоятельствами разнородныхъ частей имперіи, на которыя при устройствѣ школъ слѣдовало обратить вниманіе, и кому другому оно могло бы поручить исполненіе своихъ начертаній?“ Для нормальной жизни среднихъ и высшихъ школьныхъ ступеней, конечно, чрезвычайно важно имѣть опредѣленный, изъ году въ годъ непрерывно притекающій контингентъ слушателей, подготовленный низшими училищами. На первое время тогдашніе дѣятели по министерству народнаго просвѣщенія этотъ вопросъ сочли второстепеннымъ въ виду того, что наличность указаннаго условія можно было съ нѣкоторой натяжкой считать обезпеченной для университетовъ притокомъ въ нихъ слушателей изъ воспитанниковъ уже существовавшихъ гимназій. Главное внима-

ніе пришлось обратить на другую сторону—на правильное обезпеченіе учительскимъ персоналомъ среднихъ, а затѣмъ и низшихъ народныхъ школъ. Университетъ долженъ былъ прежде всего дать учителей для гимназій, а черезъ послѣднія—народнымъ училищамъ. И это было тѣмъ болѣе важно, что программа гимназій была значительно расширена и требовала совершенно иныхъ учителей, чѣмъ прежнія гимназіи и главныя училища, съ значительно болѣе солиднымъ багажомъ познаній. Обезпеченіе учителями гимназій—только первое условіе, вынуждавшее начать осуществленіе реформы съ университетовъ. Кромѣ этого, университету были присвоены еще особыя функціи, которыя уже безусловно требовали осуществленія учебнаго плана въ этомъ направленіи. Университетъ, по уставу, стоялъ во главѣ округа, вѣдалъ всѣ учебныя заведенія и руководилъ ими. Понятно, что нормальное теченіе жизни среднихъ и низшихъ училищъ при этомъ условіи могло итти лишь тогда, когда въ каждомъ округѣ уже функціонировало бы вѣдающее ихъ учрежденіе.

Уставомъ было намѣчено 6 учебныхъ округовъ. Изъ нихъ университеты существовали только въ Московскомъ, Дерптскомъ и Виленскомъ. Первой задачей было учредить ихъ въ остальныхъ округахъ--Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ. 5 ноября 1804 г. были утверждены уставы университетовъ въ Казани и Харьковѣ. Въ Казани давно уже существовала гимназія, уступившая было мѣсто „главному народному училищу", но при Павлѣ возобновленная съ расширенной программой. Благодаря этой программѣ, она была единственнымъ въ своемъ родѣ среднимъ учебнымъ заведеніемъ, и превратить ее въ „Педагогическій институтъ", а затѣмъ въ университетъ означало почти исключительно—измѣнить названіе. Вмѣсто Харькова университетъ сначала предполагалось основать въ Кіевѣ, гдѣ была старинная духовная академія, но случайное обстоятельство измѣнило дѣло въ пользу перваго. Извѣстный энтузіастъ и ревнитель просвѣщенія В. Н. Каразинъ, чтобы добиться университета для своего родного города, рѣшился на весьма рискованное средство: онъ сообщилъ государю о пожертвованіи 400 тыс. руб. на университетъ харьковскаго дворянства, раньше чѣмъ получилъ согласіе самихъ дворянъ, чѣмъ склонилъ и государя отдать предпочтеніе Харь-

кову и заставилъ дворянъ быть щедрыми. Наконецъ, третій изъ новыхъ университетовъ долженъ былъ основаться въ Петербургѣ. Учительская семинарія, основанная въ столицѣ Янковичемъ и дававшая учителей для главныхъ и малыхъ училищъ, окончила свою роль и, выпустивъ въ 1801 г. послѣднихъ своихъ воспитанниковъ, существовала только по имени. Въ маѣ 1803 г. она была возобновлена, а 16 апрѣля 1804 г. переименована въ Педагогическій институтъ, что было первымъ шагомъ къ превращенію въ университетъ и чѣмъ непосредственная задача—подготовка учителей — пока была разрѣшена.

В. Н. Каразинъ.

Преобразованіе бывшихъ гимназій и главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи новаго типа и малыхъ училищъ въ уѣздныя началось тоже вскорѣ послѣ изданія устава 1804 г., но велось далеко не энергично и продолжалось почти 20 лѣтъ. Заключительнымъ актомъ всей реформы являлось устройство приходскихъ училищъ. Но эта самая важная часть народнаго образованія была осуществлена наименѣе удовлетворительно. Можно сказать даже, что Главное правленіе училищъ, сосредоточивъ свое вниманіе на высшихъ и среднихъ школахъ, не довело до конца реформы начальнаго образованія. Въ то время какъ университету данъ былъ либеральный уставъ, обезпечившій ему автономію, выборныя должности и пр., въ то время какъ для гимназій была создана энциклопедическая программа,—приходской школѣ было отказано въ самомъ важномъ, въ матеріальныхъ сред-

ствахъ изъ казны. „Предварительныя правила“ и уставъ 1804 г. попрежнему ввѣряли ее съ этой стороны „благонамѣренной попечительности“ помѣстнаго дворянства, сельскаго духовенства и сельскихъ обществъ, тѣмъ самымъ поставивъ ее въ неблагопріятныя условія. Къ характеристикѣ того, къ чему вела „благонамѣренная попечительность“, историкъ Петербургскаго учебнаго округа А. С. Вороновъ говоритъ слѣдующее: „Въ устройствѣ хозяйственной части сельскихъ училищъ заключались, между прочимъ, и препятствія къ распространенію ихъ въ такой степени, въ какой можно было бы ожидать того. Жители казенныхъ селеній не чувствовали еще особенной потребности къ ученію, не охотно соглашались на заведеніе училищъ, которыя должны были содержаться на ихъ счетъ; помѣщики съ своей стороны также весьма не многіе заботились объ этомъ. Одно только духовенство... старалось заводить сельскія школы, жертвуя въ пользу ихъ трудомъ и нерѣдко имуществомъ своимъ... Были еще случаи, впрочемъ рѣдкіе, что сельскія училища возникали на счетъ пожертвованій частныхъ лицъ. Но вообще всѣ сельскія училища не имѣли прочнаго существованія и закрывались въ скоромъ времени послѣ открытія“. Если это было такъ въ столичномъ округѣ, близко къ центральнымъ управленіямъ, то, конечно, еще хуже того дѣло должно было обстоять въ далекихъ провинціяхъ. И Главное правленіе училищъ, возложивъ заботы объ устройствѣ и содержаніи начальныхъ народныхъ училищъ на помѣщиковъ и духовенство и само ставъ какъ бы въ сторонѣ отъ этой школьной области, тѣмъ самымъ обрекло ее на роль паріи.

Отношеніе населенія къ новой школѣ.

Какой же успѣхъ встрѣтила въ жизни школа по уставу 1804 г.? Въ общемъ онъ былъ весьма незначителенъ. Главныя причины, препятствовавшія широкому развитію народнаго образованія и по новой системѣ, оставались прежнія— малое сочувствіе населенія къ школамъ, ограниченность матеріальныхъ средствъ, отпускаемыхъ на школы, недостаточность педагогическаго персонала и незавидное положеніе учителя, наконецъ, все тѣ же неискоренимыя сословныя ограниченія, которыя и теперь на практикѣ примѣнялись въ широкомъ масштабѣ, несмотря на то, что уставъ гово-

рилъ о всесословности школы и о доступѣ на высшія ея ступени всѣхъ, безъ различія происхожденія.

„Ни въ какой губерніи, спустя пять лѣтъ по устроеніи въ округѣ, къ которому она принадлежитъ, на основаніи сихъ правилъ училищной части, никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общемъ или частномъ училищѣ"—такова принудительная мѣра къ обученію, изложенная еще въ „Предварительныхъ правилахъ". Помимо нея былъ созданъ цѣлый рядъ понудительныхъ и поощрительныхъ мѣръ. И однако населеніе весьма равнодушно, скорѣе даже отрицательно относилось къ школѣ, особенно къ болѣе высокимъ ея ступенямъ. Гимназія была необходимымъ преддверіемъ къ университету, но ее, а слѣдовательно и университетъ, усиленно избѣгали, одни слои населенія по однимъ, другіе по другимъ причинамъ. Дворянство къ той же цѣли, къ полученію должностей и чиновъ, стремилось или испытаннымъ издавна путемъ, путемъ протекціи, связей и покровительства, или же путемъ укороченнаго образованія. Гимназіи можно было достигнуть лишь послѣ трехъ лѣтъ предварительнаго обученія въ приходскомъ и уѣздномъ училищахъ, въ самой гимназіи нужно было провести четыре года, наконецъ слѣдовалъ университетъ—все это требовало затраты въ десять и болѣе лѣтъ времени, что дворянству, привыкшему къ льготамъ и привилегіямъ, совсѣмъ не улыбалось. И по его настояніямъ были созданы особые типы общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній—лицеи, куда принимались только дворяне и курсъ которыхъ съ начала до конца можно было пройти въ значительно болѣе короткое время. Купечество къ университету и даваемымъ имъ привилегіямъ не особенно и стремилось, если хотѣло оставить дѣтей въ своей профессіи. Слѣдовательно, гимназія, какъ предварительная ступень къ университету, этому сословію не была настоятельно нужна. Но не нужна была она ему и какъ самодовлѣющій законченный кругъ образованія, ибо курсъ гимназіи въ высокой степени не удовлетворялъ потребностямъ жизни, утилитарнымъ запросамъ, которые вообще часто предъявляются къ школѣ, а въ періоды недостаточной просвѣщенности общества—въ особенности. Съ другой стороны, гимназическій курсъ, и безотносительно къ запросамъ и

нуждамъ времени, былъ слишкомъ и обширенъ и отвлечененъ. Предметы, нынѣ включающіеся въ область университетскаго курса, во множествѣ фигурировали въ курсѣ гимназій, гдѣ обучались почти дѣти, въ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ.

Оставалось заполнить гимназіи и университеты ремесленнымъ и вообще людомъ болѣе низкаго происхожденія. Но если для дворянства и купечества гимназія была *не нужна*, то для низшихъ слоевъ населенія она была *недоступна*, прежде всего въ силу общаго обстоятельства, по которому среднее и высшее образованіе всегда мало доступно для небогатыхъ слоевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ именно для этихъ слоевъ, и въ особенности для крѣпостного населенія, былъ созданъ рядъ препятствій и ограниченій къ доступу въ университеты; въ 1813 г., напримѣръ, было разъяснено, что дѣти несвободныхъ состояній могутъ быть принимаемы въ гимназіи каждый разъ только съ особаго разрѣшенія министра. Если университеты еще могли манить къ себѣ разночинцевъ и крестьянъ и тѣмъ побуждать нѣкоторыхъ изъ нихъ отдавать дѣтей въ гимназіи, то съ ограниченіемъ доступа въ нихъ прекращалась и побудительная причина, заставлявшая учиться въ гимназіяхъ. Такимъ образомъ, гимназіи въ сущности были пусты.

Но разъ не было побужденія отдавать дѣтей въ гимназіи, то не было его и держать ихъ въ уѣздныхъ училищахъ до окончанія курса. Большинство продолжало, какъ и прежде, ограничиваться прохожденіемъ элементарной грамоты, насколько потребность въ ней ощущалась въ практической жизни. Смотритель Валдайскаго малаго училища писалъ, напримѣръ, въ 1817 г., передъ предстоявшимъ преобразованіемъ его въ уѣздное: „Родители учащихся 1-го, а особенно 2-го класса просятъ, дабы дѣтей ихъ обучать только чтенію и письму, отнюдь не занимая никаковыми предметами, положенными въ уставѣ, потому что не признаютъ оныхъ для дѣтей своихъ нужными, объявляя при этомъ, что въ противномъ случаѣ они не будутъ ихъ пускать въ училище, и доказываютъ сіе самымъ дѣломъ“. И такое отношеніе къ школѣ и ожидаемой отъ нея пользѣ обнаруживаютъ не только купечество и мѣщанство уѣзднаго города, но зачастую и чиновничество губернскихъ городовъ. Директоръ пермскихъ училищъ, напримѣръ, пишетъ: „Чиновники болѣе достаточные

спѣшатъ поскорѣе пристроить своихъ дѣтей къ должности, не столько для полученія жалованья, сколько для ранней заслуги чиновъ; а бѣдные и матери сиротъ часто безвременно дѣтей своихъ отвлекаютъ отъ ученія, съ тѣмъ, чтобы снискать пособіе въ хозяйствѣ, и иногда и самое пропитаніе".

Въ 1809 г. вышелъ извѣстный указъ объ экзаменахъ на чинъ. Указъ находилъ, что „дворянство, обвыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ сословіямъ..., менѣе другихъ пріемлетъ участія" въ школьномъ обученіи своихъ дѣтей,—и объяснялъ это „удобностью достигать чиновъ не заслугами и отличіями, но однимъ пребываніемъ и счисленіемъ лѣтъ службы". Этотъ широко раскрытый передъ дворянствомъ путь къ чинамъ помимо школы Сперанскій и думалъ преградить своимъ указомъ объ экзаменахъ, сущность котораго сводилась къ тому, что всякій желавшій получить чинъ коллежскаго ассесора долженъ былъ выдержать экзаменъ въ университетѣ. Но эта мѣра еще болѣе усилила развитіе лицеевъ и мало помогла процвѣтанію университетовъ.

Такимъ образомъ, отношеніе разныхъ слоевъ населенія къ новой школѣ осталось такимъ же, какимъ оно было при существованіи главныхъ и малыхъ училищъ. И въ видѣ уступки дворянскимъ вкусамъ и требованіямъ приходилось гимназіямъ усиливать практику французскаго языка, вводить танцы и фехтованіе; однако эти мѣры дворянства не привлекали, и оно отдавало для „пріятныхъ занятій" дѣтей въ пансіоны, но за то еще болѣе отталкивали купечество и мѣщанство.

Сословность школы на практикѣ.

Идея безсословной и общеобразовательной школы, положенная въ основу устава 1804 г., на практикѣ претерпѣла значительныя ограниченія. Раньше уже упоминалось, что низшимъ слоямъ населенія былъ затрудненъ доступъ въ университеты. Впослѣдствіи неодинаковое отношеніе правительственной власти къ разнымъ слоямъ населенія со стороны обезпеченія за ними образованія было возведено въ систему, надолго и упорно примѣнявшуюся на практикѣ. Поэтому не безполезно обратить вниманіе на то, какими аргументами поддерживалась эта яко бы историческая необходимость.

Въ началѣ царствованія Александра I, когда въ правительственныхъ сферахъ господствовали еще либеральныя воззрѣнія, ограниченія эти не были возведены въ принципъ, и правительственные круги не задумывались надъ созданіемъ соотвѣтственной аргументаціи. Съ этой точки зрѣнія вопросы народнаго просвѣщенія трактовались пока еще только въ извѣстной части публицистики. Самое видное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ сочиненіе Пнина: „Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи“, появившееся въ 1802 г. и давшее фундаментъ послѣдующимъ какъ теоретикамъ, такъ и практикамъ по проведенію въ жизнь сословно-профессіональнаго образованія. По убѣжденію Пнина, „просвѣщеніе... состоитъ въ томъ, когда каждый членъ общества, въ какомъ бы званіи онъ ни находился, совершенно знаетъ и исполняетъ свои должности, то есть, когда начальство съ своей стороны свято исполняетъ обязанности ввѣренной ему власти, а нижняго разряда люди ненарушимо исполняютъ обязанности своего повиновенія. Есть ли сіи два состоянія не преступаютъ своихъ мѣръ, сохраняя должное въ отношеніяхъ своихъ равновѣсіе, тогда просвѣщеніе достигло своей цѣли“. Общество для своего сохраненія требуетъ „неравенства состояній“, и отъ мудрости законодателя зависитъ „каждому изъ сихъ состояній внушить нужду взаимной зависимости, положить каждому изъ оныхъ предѣлы, изъ которыхъ выходить было бы ужасно, опредѣлить каждому состоянію его права, предписать его обязанности“... Россія же, „будучи державой монархической, по сей причинѣ имѣетъ тѣмъ большую надобность въ неравенствѣ состояній, поелику оное служитъ для нея подпорой“. Задача политики просвѣщенія поэтому „должна имѣть главнѣйшей цѣлью доставленіе каждому нужныхъ знаній, дабы приличнымъ образомъ исполнять должности, для которыхъ онъ призванъ въ общество. Но какъ сіи должности не могутъ быть одинаковы, потому что общество заключаетъ въ себѣ различные классы гражданъ, то изъ сего слѣдуетъ, что каждый общественный классъ долженъ имѣть просвѣщеніе соотвѣтственно состоянію, въ которомъ онъ находится, ремеслу, которымъ онъ занимается, и роду жизни, который онъ ведетъ“.

Такимъ образомъ, образованіе низшихъ классовъ населенія не вовсе отрицается, а ему присваивается сословно-профессіональный характеръ. Къ этому же выводу клонится и

своеобразная теорія Пнина о „главнѣйшихъ и исключительныхъ добродѣтеляхъ“ каждаго сословія. „Трудолюбіе и трезвость для земледѣльческаго состоянія, исправность и честность для мѣщанскаго, правосудіе и готовность пожертвовать собою для дворянства“—вотъ эти исключительныя и главныя добродѣтели каждаго сословія, „долженствующія служить средоточіемъ его просвѣщенія и изъ круга коихъ не должно оно выходить“. Въ виду этого для каждаго сословія нужно *нравственное образованіе*, дѣлающее членовъ его „добродѣтельными“ въ смыслѣ привитія имъ „исключительныхъ“ сословныхъ добродѣтелей, и *образованіе профессіональное*, вооружающее ихъ практическими знаніями соотвѣтственно интересамъ, нравамъ и „обязанностямъ“ своего сословія.

„Для внушенія“ лицамъ каждаго сословія специфическихъ его „добродѣтелей“ Пнинъ предлагаетъ составить особые „нравственные уставы“, содержащіе въ себѣ главнѣйшія правила для „нравственнаго образованія“ даннаго сословія, являющіеся кодексами общей и сословной морали и служащіе книгами для чтенія въ школѣ и семьѣ. Утвердить „гражданъ“ въ сословныхъ „добродѣтеляхъ“—это уже „половина желаемаго дѣла“, это фундаментъ, на которомъ можно строить „величественное зданіе просвѣщенія гражданскаго“, зданіе собственно ученія, образованія. Для земледѣльца, крестьянина „гражданское просвѣщеніе“ состоитъ въ „обученіи его... предмету, предназначенію его соотвѣтственнѣйшему“—земледѣлію, основы котораго, а также начатки чтенія, письма и ариѳметики и должны, по мнѣнію Пнина, проходиться въ *приходскихъ* или *земледѣльческихъ* училищахъ. Для мѣщанъ и ремесленниковъ Пнинъ проектируетъ *уѣздныя* училища съ обученіемъ въ нихъ грамотѣ, ремесламъ и „искусствамъ и художествамъ“, а для купцовъ—нѣчто въ родѣ *коммерческихъ* училищъ, гдѣ, кромѣ предметовъ, необходимыхъ для торговли, преподается также „сокращеніе всего человѣческаго познанія“, наконецъ для дворянъ—учредить училища, „пріуготовляющія людей способныхъ къ службѣ военной и гражданственной“.

„Общее благо“ требуетъ, чтобы просвѣщеніе согласовалось съ обязанностями и правами отдѣльныхъ „состояній“. Эту мысль особенно рѣзко подчеркиваетъ другой защитникъ сословно-профессіональнаго образованія, анонимный авторъ статьи „Изображеніе просвѣщенія россіянъ“ въ „Сѣверномъ

Вѣстникѣ“ за 1804 г. „Чѣмъ обширнѣе кругъ дѣйствія какого состоянія либо лица, тѣмъ болѣе и обширнѣе надлежитъ быть ихъ познаніямъ; чѣмъ ограниченнѣе ихъ кругъ, тѣмъ менѣе могутъ приносить пользы такія познанія, которымъ имъ ни на что употребить не можно. Сіе правило непреложно. И весь общественный порядокъ и благоустройство разрушились бы, если бы когда-нибудь преступлена была черта, полагающая таковые предѣлы. Напримѣръ, поселянину нужно сообщать только такія познанія, которыя сопряжены съ его отношеніями и нуждами состоянія его; все, что не принадлежитъ къ его званію, будетъ для него излишнимъ. Поправить соху, употребить простое механическое средство къ уменьшенію числа рукъ въ работѣ есть для него неоцѣненное пріобрѣтеніе, умножающее его благосостояніе и развивающее способности ума; но онъ долженъ довольствоваться однимъ только практическимъ произведеніемъ въ дѣйство и выгодою изобрѣтенія, поученіе же ведущихъ къ тому математическихъ истинъ, сопряженное съ многочисленными предварительными свѣдѣніями, не должно лишать его времени, столь нужнаго для воздѣлыванія земли. Вообще всякій человѣкъ, снискивающій себѣ пропитаніе тяжелой работой, выходитъ изъ своего состоянія, если возбуждается въ немъ наклонность къ умственнымъ упражненіямъ... Сія теорія простирается на всѣ состоянія людей; каждое имѣетъ свою приличность“.

Въ подобныхъ статьяхъ, которыхъ появилась цѣлая серія, особенно въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, выразилась реакція извѣстныхъ круговъ противъ общеобразовательныхъ школъ по уставу 1804 г. Вскорѣ и въ правительственныхъ кругахъ стали обнаруживаться симпатіи къ сословно-профессіональному образованію. Въ наказахъ визитаторамъ, посылаемымъ университетами для обозрѣнія училищъ, предписывалось, въ числѣ другихъ задачъ, „разсматривать народныя въ разныхъ мѣстахъ упражненія и родъ промышленности, дабы къ усовершенствованію ихъ можно было наклонять и приноравливать самое ученье тамошнихъ школъ“. Самой низшей школьной ступени, приходскихъ училищъ, новыя тенденціи не коснулись, но онѣ явственно обнаружились въ примѣненіи къ уѣзднымъ училищамъ и гимназіямъ, при которыхъ стали устраиваться особые классы для преподаванія предметовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ мѣстной

торговлѣ и промышленности. Такъ, при смоленской гимназіи открылись въ 1804 г. классы коммерческихъ наукъ, при херсонской гимназіи въ 1814 г.—мореходный классъ, при ревельскомъ уѣздномъ училищѣ въ 1815 г.—коммерческій классъ. Въ этихъ случаяхъ профессіональная сторона еще не поглощала общеобразовательной, но иногда спеціальнымъ курсамъ давалось такое развитіе въ ущербъ общеобразовательнымъ предметамъ, что гимназіи и уѣздныя училища попросту превращались въ профессіональныя школы. Къ этому типу относятся коммерческая гимназія въ Таганрогѣ и водоходное училище въ Ригѣ. Во всѣхъ такихъ училищахъ интересы торгово-промышленныхъ классовъ вносили новую тенденцію, тенденцію профессіональную, но здѣсь не измѣнился по крайней мѣрѣ всесословный характеръ школы. Доступъ въ нее попрежнему былъ открытъ для всѣхъ и каждаго.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ типами училищъ, возникшими для удовлетворенія сословныхъ интересовъ дворянства. Къ нимъ относятся пансіоны, какъ низшія и среднія учебныя заведенія, и лицеи, какъ высшія. Пансіоны частные и казенные—при гимназіяхъ—одни въ число своихъ учениковъ допускаютъ еще всѣ сословія, кромѣ крестьянскаго, другіе же, такъ называемые благородные пансіоны, принимаютъ лишь дѣтей дворянъ. Въ преподаваніи постепенно начинаютъ преобладать съ одной стороны „пріятныя искусства“, танцы, рисованіе и проч., съ другой—предметы, готовившіе къ службѣ военной и гражданской: фортификація, артиллерія, тактика, фехтованіе и „тѣ науки, которыя указомъ 6 августа 1809 г. предписаны гражданскимъ чиновникамъ для производства ихъ въ 8-й классъ.“ Вначалѣ эти пансіоны, какъ упоминалось, были при гимназіяхъ, но потомъ выдѣлились въ совершенно самостоятельныя учебныя заведенія, заключавшія въ себѣ полный курсъ низшаго, средняго и высшаго образованія.

Стремленіе дворянства проходить въ короткій по возможности срокъ предметы, дающіе привилегіи на военной или гражданской службѣ, не могло остановиться на благородныхъ пансіонахъ, а естественно приводило къ мысли о соединеніи въ одной школѣ гимназическаго и сокращеннаго университетскаго курса. Реальнымъ воплощеніемъ этого стремленія явились „гимназіи высшихъ наукъ“ или лицеи.

Таковы Демидовскій лицей въ Ярославлѣ, Безбородкинскій лицей въ Нѣжинѣ и Царскосельскій лицей въ Царскомъ Селѣ. Если въ первыхъ двухъ въ видѣ исключенія еще принимались лица не-дворянскаго происхожденія, то пріемъ въ послѣдній ограничивался исключительно дѣтьми изъ дворянъ. Нѣчто среднее между высокой аристократичностью Царскосельскаго и не столь большой строгостью въ этомъ отношеніи Демидовскаго и Безбородкинскаго лицеевъ составлялъ Ришельевскій лицей въ Одессѣ.

Въ исторіи возникновенія благородныхъ пансіоновъ и лицеевъ въ первыя два десятилѣтія XIX вѣка ярко выразилась реакція противъ далеко еще не окрѣпшей системы просвѣщенія по уставамъ 1804 г. По своимъ задачамъ—служить потребностямъ привилегированнаго класса, сокращать и сглаживать дворянской молодежи пути служебной карьеры,—по воспитательнымъ идеаламъ, проникнутымъ сословными традиціями, наконецъ, по своей учебной организаціи, стремившейся объединить въ рамкахъ одной школы элементы средняго и высшаго, общаго и профессіональнаго образованія,—благородные пансіоны и лицеи были истинными дворянскими дѣтищами. Въ данную эпоху эти школьные типы стояли еще особнякомъ, ихъ принципы еще мало проникли въ другіе разряды училищъ. Школа въ своихъ глубинахъ продолжала еще носить безсословный и общеобразовательный характеръ. Настоящій кризисъ наступилъ уже въ царствованіе Николая I, когда охрана сословныхъ привилегій стала краеугольнымъ камнемъ внутренней политики, когда устами цесаревича Константина Павловича было заявлено, что „сохраненіе древняго порядка въ раздѣленіи на главныя состоянія подданныхъ государства есть одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ сохраненію для отдаленнѣйшихъ родовъ твердости самаго существованія имперіи и прочнаго благосостоянія ея по всѣмъ отношеніямъ политической и гражданской жизни“.

Недостатокъ учителей.

Однимъ изъ чрезвычайно серьезныхъ препятствій успѣшнаго распространенія училищъ продолжалъ оставаться недостатокъ педагогическаго персонала. Университеты готовили учителей для гимназій, гимназіи—для уѣздныхъ училищъ и послѣднія—для приходскихъ, и не въ подготовлен-

ныхъ къ учительской должности собственно лицахъ ощущался недостатокъ. Учителей было мало потому, что окончившіе курсъ университетовъ, гимназій и уѣздныхъ училищъ только по принужденію брались за педагогическую дѣятельность. Матеріальная необезпеченность учителя и низкое соціальное положеніе его отвращали учащуюся молодежь отъ педагогической карьеры и заставляли ее искать другой родъ службы. Педагогическій трудъ къ тому же менѣе, чѣмъ всякій другой, встрѣчалъ сочувствіе и со стороны сословныхъ традицій общественныхъ слоевъ. Дворянство еще не освободилось отъ вѣковыхъ предразсудковъ противъ гражданской службы, особенно видовъ ея, сопряженныхъ съ необходимостью научныхъ знаній и затратой дѣйствительнаго труда, и въ его глазахъ педагогическая профессія менѣе всего совмѣщалась съ дворянскимъ достоинствомъ. Лицамъ изъ податныхъ сословій само правительство ставило препятствія къ достиженію учительскихъ правъ, и только въ 1812 г. состоялось разрѣшеніе принимать на государственную учительскую службу тѣхъ изъ податныхъ состояній, „кои отличались талантомъ и знаніемъ наукъ или изящныхъ искусствъ“. Наконецъ, что касается крѣпостныхъ, то именно изъ этихъ элементовъ, казалось бы, обильнѣе всего можно было вербовать учительскую армію, по крайней мѣрѣ для низшихъ училицъ (учителями въ высшихъ школьныхъ ступеняхъ они, конечно, быть не могли въ виду закрытія для нихъ доступа къ высшему образованію). Но когда въ 1807 г. возникъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ вопросъ, могутъ ли крѣпостные быть учителями въ сельскихъ школахъ, то попечитель выразилъ опасеніе, какъ бы „при низкомъ мнѣніи къ сему состоянію (т. е. крѣпостному) не произвести купно презрѣнія къ публичному учительскому званію“. Этотъ странный мотивъ приняло во вниманіе и Главное правленіе училищъ, которое весь вопросъ разрѣшило такъ: „помѣщики могутъ употреблять крѣпостныхъ людей своихъ для обученія юношества въ приходскихъ училищахъ, но таковаго состоянія учители не должны по общимъ узаконеніямъ почитаться въ дѣйствительной государственной службѣ, ниже пользоваться правами и преимуществами, съ оною соединенными“.

Такимъ образомъ, привилегированные классы сами не шли въ учителя, непривилегированные не допускались въ

большинствѣ къ этой дѣятельности. При такихъ условіяхъ мало удивительнаго въ томъ, что преобразованіе старой школы и насажденіе новой подвигалось лишь весьма медленно. Слѣдующая таблица краснорѣчиво иллюстрируетъ состояніе гимназій и уѣздныхъ училищъ въ 1808 г. по отношенію къ числу русскихъ городовъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГА.	Число губернскихъ городовъ.	Число гимназій.	Число учениковъ.	Число уѣздныхъ городовъ.	Число уѣздныхъ училищъ.	Число учениковъ.
С.-Петербургскій	5	3	294	43	5	1.066
Московскій	10	10	447	116	44	2.356
Виленскій	8	6	1.305	89	54	7.422
Харьковскій	11	8	477	109	18	1.747
Казанскій	13	5	315	129	5	248
	47	32	2.838	486	126	12.839

Убогое состояніе уѣздныхъ училищъ бросается въ глаза съ перваго взгляда на эти цифры. Меньше четвертой части довольно населенныхъ городовъ имѣло эти элементарныя школы. И только Виленскій округъ съ не-русскимъ населеніемъ имѣлъ и значительное число школъ, и значительное въ нихъ число учениковъ, составляющее болѣе половины всего учащихся въ Россіи.

О состояніи сельскихъ школъ начала XIX вѣка по отсутствію соотвѣтственныхъ данныхъ судить можно только предположительно. Разъ въ такомъ плачевномъ видѣ находились уѣздныя училища, содержавшіяся на государственныя средства, то состояніе приходскихъ школъ должно было быть еще менѣе удовлетворительнымъ. Средствъ на нихъ государство не отпускало, ассигновки сельскихъ обществъ были болѣе чѣмъ скудны, „пожертвованія благомыслящихъ особъ въ пользу народнаго просвѣщенія", на которыя возлагало большія, совершенно неоправдавшіяся надежды пра-

вительство, не притекали. Учителя, неохотно шедшіе въ уѣздныя училища и даже въ гимназіи, тѣмъ менѣе охотно могли итти въ глухія села на полную зависимость отъ мѣстнаго помѣщика или мѣстныхъ сельскихъ властей и на полную матеріальную необезпеченность. При такихъ условіяхъ одно только сельское духовенство могло вести и вело съ нѣкоторымъ успѣхомъ дѣло образованія народа въ его нѣдрахъ. На этомъ поприщѣ оно подчинялось руководительству не только министерства народнаго просвѣщенія, но и своего собственнаго центральнаго вѣдомства, св. синода. Призванный указомъ 24 января 1803 г. къ „содѣйствію благоуспѣшному теченію" народнаго образованія, синодъ въ сентябрѣ 1804 г. составилъ „Положеніе объ участіи священно и церковно-служителей въ устроеніи сельскихъ приходскихъ школъ". Главное управленіе училищъ, на разсмотрѣніе котораго перешло „Положеніе", признало его „на первое время достаточнымъ". Этимъ „Положеніемъ" въ извѣстной мѣрѣ былъ восполненъ важный пробѣлъ, допущенный министерствомъ — полное необезпеченіе сельской школы учительскимъ персоналомъ и школьными зданіями. Синодъ прямо указалъ на сельскихъ учителей въ лицѣ дьяконовъ и причетниковъ, обучавшихся въ духовныхъ семинаріяхъ; гдѣ такихъ лицъ не оказалось бы, архіереямъ предписывается назначать ихъ туда. Школьныя зданія, согласно „Положенію", должны отводиться отъ „свѣтскаго правительства".

Сельская школа, т. е. образованіе низшихъ слоевъ населенія, была отдана, такимъ образомъ, всецѣло въ руки духовенства. Учителя-причетники весьма мало подходили къ своей роли. Но все же это было больше чѣмъ ничто, къ чему свелась бы сельская школа „заботами" одного лишь министерства и безъ участія духовенства. Духовенство когда-то одно на своихъ плечахъ выносило русское просвѣщеніе вообще; постепенно устраняемое правительствомъ отъ высшаго и средняго образованія, сдѣлавшагося свѣтскимъ, оно въ началѣ XIX вѣка осталось все же единственнымъ государственнымъ элементомъ, хотя нѣсколько серьезно заботившемся о школѣ для народныхъ низовъ. Заслуги духовенства въ этомъ отношеніи, несмотря ни на что, должны цѣниться исторіей очень высоко.

Періодъ мистической реакціи. Министерство кн. Голицына.

По окончаніи наполеоновскихъ войнъ въ русской политикѣ совершилась глубокая перемѣна, явившаяся отраженіемъ общаго идейнаго кризиса въ политической и культурной жизни Европы—наступило торжество реакціи противъ результатовъ французской великой революціи и просвѣщенія XVIII вѣка.

Въ Россіи идеи западно-европейской реакціи нашли благопріятную почву въ тѣхъ кругахъ общества, которые несочувственно относились къ либеральнымъ реформамъ первой половины царствованія Александра I. Послѣ Отечественной войны эти реформы стали подвергаться рѣзкому открытому осужденію.

Русское общество, особенно высшіе его слои переживали тяжелую пору умственнаго броженія и смуты. Въ письмѣ къ знаменитому прусскому реформатору Штейну тогдашній попечитель Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уваровъ характеризовалъ положеніе слѣдующими рѣзкими штрихами это время: „Состояніе умовъ теперь таково, что путанница мысли не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія неопаснаго, т. е. огня, который бы не жегъ; другіе (а ихъ всего болѣе) кидаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа, бредни Ш... и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франмасонъ, фанатикъ и т. п.; словомъ—полное безуміе...“

Покаянное настроеніе находило исходъ у однихъ въ ученіи православія, у другихъ—въ іезуитизмѣ, у третьихъ—въ увлеченіи мистицизмомъ и проповѣди „внутренней церкви“. Послѣднее теченіе на первое время захватило самого государя, придворные круги и высшіе слои общества и сдѣлалось господствующимъ, оффиціально чуть ли не обязательнымъ. Священный Союзъ явился актомъ торжественнаго выраженія этого настроенія, отразившагося въ значительной

мѣрѣ и на всѣхъ областяхъ государственной жизни, въ томъ числѣ и на направленіи народнаго образованія.

Вмѣсто прежняго главнаго начала: „образованіе народа основывается на свободной наукѣ“—теперь выдвинулось новое начало: „основать народное образованіе на благочестіи“. Для осуществленія этой цѣли, тѣсно связанной съ духомъ акта Священнаго Союза, во главу вѣдомства народнаго просвѣщенія былъ поставленъ кн. А. Н. Голицынъ, раньше человѣкъ религіозно индифферентный, но къ этому моменту, подъ вліяніемъ духа времени и по должности оберъ-прокурора синода, сдѣлавшійся горячимъ мистикомъ. Манифестомъ 24 октября 1817 г. вѣдомства, которыми руководилъ кн. Голицынъ—главное управленіе иностранными исповѣданіями, оберъ-прокурорство синода и министерство народнаго просвѣщенія—были слиты въ одно, въ учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. „Желая, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія,—гласилъ манифестъ,—признали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Само собою разумѣется, что къ оному присовокупляются и дѣла св. правительствующаго синода съ тѣмъ, чтобы министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія находился по дѣламъ симъ въ такомъ точно къ синоду отношеніи, въ каковомъ состоитъ министръ юстиціи къ правительствующему сенату, кромѣ, однако же, дѣлъ судныхъ“.

Князь А. Н. Голицынъ.

Новыя вѣянія потребовали и новыхъ людей, такихъ, которые на почвѣ народнаго просвѣщенія повели бы рѣшительную борьбу противъ политическаго либерализма и религіознаго вольнодумства конца XVIII и начала XIX вѣковъ.

Самыми яркими изъ представителей новаго теченія были оставившіе по себѣ печальную память М. Л. Магницкій (попечитель Казанскаго учебнаго округа) и Д. П. Руничъ (попечитель Петербургскаго округа) и нѣсколько болѣе умѣренный А. С. Струдза. Религіозно-мистическая атмосфера сдѣлалась настолько тяжелой, что гр. С. С. Уваровъ принужденъ былъ покинуть свой постъ попечителя Петербургскаго округа, передъ самымъ уходомъ добившись у реакціи послѣдней уступки—открытія университета въ Петербургѣ, преобразованнаго изъ Главнаго педагогическаго института.

Преобразованіе системы народнаго образованія согласно новымъ началамъ, положеннымъ въ основу Священнаго Союза, не коснулось ея внѣшней организаціи: дѣленіе государства на учебные округа, іерархія учебныхъ заведеній, положеніе университетовъ, какъ учебно-административныхъ центровъ, остались тѣ же; не были отмѣнены по существу и уставы 1804 г. Реформаторскій пылъ новыхъ дѣятелей сосредоточился на учебныхъ планахъ, на содержаніи предметовъ и направленіи преподаванія, на „гражданскихъ и нравственныхъ обязанностяхъ" учащихъ и учащихся. Принятыя мѣры въ этомъ отношеніи всѣ клонились къ изгнанію „опаснаго философскаго вольномыслія" и установленію „спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью".

Болѣе всего отъ религіозно-мистическаго духа, охватившаго центральныя власти, пострадали университеты; впереди другихъ — Казанскій. Магницкій нашелъ чуть ли не всѣхъ профессоровъ „неблагонадежными", студентовъ „распущенными", преподаваніе ведущимся въ „опасномъ духѣ", учебныя пособія „жалкими", хозяйственное состояніе „безпорядочнымъ" и вывелъ заключеніе, что такой университетъ, „причинившій очевидный вредъ не только отъ себя непосредственно, но и въ обширномъ округѣ, по непреложной справедливости и по всей строгости правъ, подлежитъ уничтоженію". Эта свирѣпость Магницкаго, впрочемъ, какъ выяснилось позже, не вытекавшая даже изъ его убѣжденій и бывшая прямо недобросовѣстной, не была, однако, до конца раздѣлена центральными властями. Въ 1819 г. Магницкій получилъ разрѣшеніе уволить всѣхъ „неблагонадежныхъ" профессоровъ, что, конечно, не замедлилъ и сдѣлать, затѣмъ ввести преподаваніе особыхъ предметовъ—богопознанія и христіанскаго ученія, учредить нѣкоторыя должности

для „надзора по экономической, полицейской и нравственной части“ и пр.,—но университетъ все же былъ сохраненъ. Цѣлыхъ семь лѣтъ производилъ Магницкій свои операціи надъ университетомъ, восхваляя въ отчетахъ непомѣрно свою дѣятельность и свои успѣхи, пока, наконецъ, ревизія г.-м. Желтухина обнаружила и дутость успѣховъ, и громадныя злоупотребленія въ хозяйствѣ, и полный упадокъ преподавательской и научной дѣятельности. Магницкій, одинъ изъ главнѣйшихъ столповъ реакціи, потерпѣлъ крушеніе и въ 1826 г. былъ уволенъ отъ своей должности.

Довольно сильно пострадалъ въ эту пору и молодой Петербургскій университетъ, гдѣ хозяйничалъ Руничъ, вѣрный союзникъ Магницкаго. Въ 1820 г. былъ уволенъ профессоръ Куницынъ, по поводу книги котораго „Право естественное“ Руничъ поднялъ громкое дѣло, найдя въ ней „сборъ пагубныхъ лжеумствованій“ и „святотатственное нападеніе на божественность св. Откровенія, тѣмъ болѣе опасное, что оно покрыто широкимъ плащомъ философіи“. Въ слѣдующемъ году Руничъ возбудилъ преслѣдованіе противъ профессоровъ Германа, Арсеньева, Раупаха и Галича, обвинивъ ихъ въ томъ, что они „философскія науки преподаютъ въ университетѣ въ духѣ, противномъ христіанству, и въ умахъ студентовъ вкореняютъ идеи разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія“. Руничъ намѣревался „преобразовать“ Петербургскій университетъ по той же системѣ, какъ Магницкій исковеркалъ Казанскій, но предъ глазами центральнаго правительства ему не удалось осуществить свои желанія въ полномъ объемѣ.

Слабѣе отразилось дѣйствіе новаго режима на остальныхъ университетахъ, но безъ увольненія „неблагонадежныхъ“ профессоровъ и безъ нѣкоторой ломки системы преподаванія, не говоря уже объ иномъ освѣщеніи предметовъ, почти нигдѣ не обошлось. Свобода преподаванія теперь повсюду смѣнилась самымъ бдительнымъ надзоромъ за нимъ. „Всякое ограниченіе излишняго произвольства умствованій, зависящихъ отъ частнаго образа мыслей, водимыхъ страстями или заблужденіями,—гласитъ одно изъ постановленій Главнаго правленія училищъ отъ 1821 г.,— существенно полезно, необходимо и должно быть обязанностью власти управляющей“. Нѣкоторые предметы были сильно исковерканы и чуть совершенно не исключены изъ

университетскаго курса; напримѣръ, „курсъ философскихъ наукъ“ былъ оставленъ при условіи, что онъ будетъ „очищенъ отъ нелѣпостей новѣйшихъ философовъ, основанъ на истинахъ христіанскаго ученія и сообразованъ съ правилами монархическаго правленія“.

Отразилась пора мистической реакціи и на средней и низшей школахъ. Какъ и при всякой политической реакціи, ничего не было создано новаго, творческаго, положительнаго, всѣ же мѣры сводились къ уничтоженію или, по меньшей мѣрѣ, парализованію всего того, что было достигнуто предыдущимъ временемъ и что новымъ вѣяніямъ казалось недопустимымъ и вреднымъ. Къ этому времени, правда, было осознано значеніе низшаго образованія, но и эта заслуга принадлежитъ одному изъ плеяды либеральныхъ дѣятелей, С. С. Уварову, впослѣдствіи ставшему министромъ народнаго просвѣщенія и въ этой должности значительно пожертвовавшему своими убѣжденіями или измѣнившему имъ. „Извѣстно и неоспоримо,—писалъ Уваровъ въ 1817 г.,—что нижнія народныя училища служатъ существеннымъ основаніемъ народнаго образованія и тѣмъ необходимѣе, что предметъ обученія въ оныхъ долженъ необходимо простираться на самыя обширнѣйшія состоянія народа, распространять между онымъ истинное просвѣщеніе, развивать первоначальныя способности и открывать путь дарованіямъ къ употребленію ихъ на пользу во всякомъ родѣ познаній. По сему самому и въ общей системѣ нашего народнаго просвѣщенія училища таковыя состоятъ въ тѣсной связи съ высшими учебными заведеніями. Слѣдовательно, хорошія народныя училища способствуютъ къ цвѣтущему состоянію гимназій, приготовляя имъ способныхъ учениковъ... въ достаточномъ всегда числѣ. Гимназіи тѣмъ же самымъ служатъ университетамъ, а отъ сихъ могутъ пріобрѣтать и академіи мужей съ талантами и основательными познаніями.

Графъ С. С. Уваровъ.

Такимъ образомъ, нижнія народныя училища, яко первоначальные разсадники просвѣщенія, должны необходимо быть предохранены отъ конечнаго разстройства", ибо, какъ говоритъ Уваровъ въ другомъ мѣстѣ, „безъ надлежащей постановки воспитанія простого народа вся система народнаго просвѣщенія—зданіе на пескѣ". Впрочемъ, нѣсколько позже, именно, въ 1820 г. и самъ министръ, кн. Голицынъ, призналъ важность первоначальныхъ школъ, заявивъ въ одной инструкціи, что „народныя училища важнѣе академій и университетовъ и гораздо непосредственнѣе дѣйствуютъ на счастье народовъ и твердость государства". Этотъ афоризмъ — единственное свѣтлое пятно въ дѣятельности этого министра, и если онъ являлся выраженіемъ искренняго убѣжденія, то за него ему многое должно исторіей проститься.

Нѣсколько ненормальная программа среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, ея теоретичность и несоотвѣтствіе жизненнымъ потребностямъ къ этому времени достаточно выяснились самой практикой. „Во всѣхъ почти гимназіяхъ число учащихся весьма не велико, а высшіе классы въ нѣкоторыхъ и вовсе пусты,—доносилъ попечитель Московскаго учебнаго округа въ 1819 г.—Причина сему та, что въ гимназіяхъ обучаются дѣти или однихъ бѣдныхъ чиновниковъ, или купцовъ и мѣщанъ. Ни тѣ, ни другіе не оканчиваютъ всего курса наукъ: первые потому, что принуждены бываютъ скорѣе опредѣляться на службу..., а послѣдніе для того, что, научившись читать и писать столько, чтобъ умѣть вести торговые счеты, обыкновенно оставляютъ училище; въ гимназію же переходятъ весьма немногіе". И дѣйствительно, обычное явленіе того времени, что въ низшихъ классахъ было 100 и болѣе учениковъ, въ старшихъ же едва набиралось до десятка. Считаясь съ этими явленіями, Главное правленіе училищъ волей-неволей должно было пересмотрѣть программы средняго и низшаго образованія. Этотъ пересмотръ совершился въ 1819 г. Изъ гимназическаго курса были исключены миѳологія, всеобщая грамматика, начальный курсъ философіи и изящныхъ наукъ, основанія политической экономіи, коммерческихъ наукъ и технологіи, взамѣнъ чего было усилено преподаваніе древнихъ языковъ; изъ курса уѣздныхъ училищъ исключены начала естественной исторіи и технологіи и сокращены курсы гео-

графіи и исторіи, зато сдѣланы обязательными латинскій и нѣмецкій языки; преподаванія въ приходскихъ училищахъ пересмотръ не коснулся. Неудачность этой реформы не подлежитъ сомнѣнію. Вмѣсто наукъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ, мѣсто которыхъ не въ средней, а въ высшей школѣ, реформаторы ввели предметы, въ высокой степени безполезные. Реформа, однако, этимъ не ограничилась. Согласно новымъ вліяніямъ, царившимъ въ придворныхъ и вообще аристократическихъ слояхъ, особенное вниманіе было обращено на религіозное образованіе. Во всѣхъ гимназіяхъ, уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ училищахъ, „какого бы рода оныя ни были", предписано было ввести чтенія изъ св. писанія по книгамъ, изданнымъ департаментомъ народнаго просвѣщенія. Онѣ должны были замѣнить книгу „О должностяхъ человѣка и гражданина", которую изгнали изъ числа школьныхъ руководствъ на томъ основаніи, что она изложена „по философскимъ началамъ, всегда слабымъ". Проведеніе христіанскаго благочестія сдѣлалось главной задачей школьной политики. Изъ прописей были изгнаны всѣ нравственно-философскія сентенціи и замѣнены выдержками изъ книги „Подражаніе Христу", при чемъ имѣлось въ виду „и въ прописяхъ знакомить учащихся съ единою на потребу истинною нравственностію христіанскою".

Были вполнѣ опредѣленно выяснены къ этому времени и вопросы о недостаткѣ учителей и скудномъ ихъ обезпеченіи. Недостатокъ педагогическаго персонала самъ министръ объяснялъ этой необезпеченностью и соціальной приниженностью учительской профессіи. „Чего можно ожидать отъ людей,—писалъ онъ,—находящихся въ столь бѣдственномъ положеніи? Въ случаяхъ смерти учителей въ народныхъ училищахъ, по пространству имперіи разсѣянныхъ, нѣтъ возможности замѣщать ихъ. Никто не избираетъ добровольно сего рода службы; всѣ стремятся къ другимъ, выгоднѣйшимъ и болѣе уважаемымъ". А графъ С. О. Потоцкій, попечитель Харьковскаго учебнаго округа, еще рѣзче очертилъ этотъ вопросъ. „Учителя,—говорилъ онъ, — при многотрудной и изнурительной должности, не получая ни отъ правительства, ни отъ частныхъ людей достаточныхъ средствъ къ содержанію себя и семейства, должны наконецъ возненавидѣть носимое ими званіе и искать случая перейти въ другой родъ службы... Скудное состояніе сихъ

чиновниковъ произвело нынѣ столь неблагопріятное послѣдствіе, что не только иностранцы, но и одноземцы наши, изъ коихъ многіе могли бы съ пользою занять учительскія мѣста, не иначе какъ изъ одной крайности рѣшаются поступать въ оныя... Посему онъ (попечитель) за достовѣрное полагаетъ, что никакія мѣры, принимаемыя училищнымъ начальствомъ для усовершенствованія учебной части, не могутъ быть успѣшными, если прежде всего не будетъ обращено попеченіе о доставленіи учительскому званію большихъ выгодъ и уваженія“. Однако министерство не рѣшалось на общую радикальную мѣру—повысить вознагражденіе преподавательскаго труда. „Сколько съ одной стороны ни представляется необходимымъ умноженіе содержанія учителей во время ихъ службы и вознагражденія ихъ по окончаніи оной, но съ другой—предпринять общую мѣру для лучшаго обезпеченія вдругъ всего многочисленнаго класса народныхъ учителей... правительству крайне было бы затруднительно и едва ли возможно. Министерство просвѣщенія давно поэтому помышляло о способѣ, посредствомъ котораго, не выходя изъ штатнаго положенія, возможно было бы улучшить нѣкоторымъ образомъ состояніе сихъ чиновниковъ“.

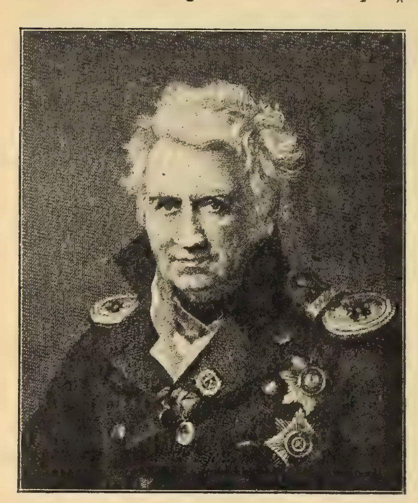
Въ чемъ же состоялъ этотъ способъ? Это было—установленіе платы за ученіе, самое неудачное средство, которое можно было изобрѣсти въ тотъ школьно-историческій моментъ, если, конечно, преслѣдовать успѣхи народнаго образованія, а не быть къ нимъ равнодушнымъ. До тѣхъ поръ ученіе въ правительственныхъ школахъ было безплатно, и тѣмъ не менѣе числомъ учениковъ, какъ указывалось выше, послѣднія не могли похвалиться. Понятно, какихъ успѣховъ нужно было ожидать отъ новой мѣры, особенно для низшихъ слоевъ населенія, которыхъ она касалась чувствительнѣе, чѣмъ другихъ. И это сознавали и многіе попечители учебныхъ округовъ, допуская еще плату для крупныхъ городовъ и безусловно отрицательно относясь къ распространенію ея на мелкіе города, села и деревни. Тѣмъ не менѣе установленіе платы за ученіе 1 февраля 1819 г. въ принципѣ было Высочайше одобрено, и министру поручалось назначать размѣръ ея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ зависимости отъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Въ министерство кн. Голицына былъ впервые примѣненъ въ русскихъ начальныхъ школахъ методъ взаимнаго обученія или ланкастерскій, возникшій въ концѣ XVIII вѣка и быстро распространившійся въ Западной Европѣ. На этотъ методъ возлагались большія надежды; задуманъ былъ онъ въ широкихъ размѣрахъ. Въ 1816 г. для его изученія были командированы въ Англію 4 студента Главнаго педагогическаго института. Главное правленіе училищъ посвятило ему нѣсколько засѣданій, въ Петербургѣ образовалось особое „Общество для заведенія училищъ по методѣ взаимнаго обученія", въ 1820 г. былъ учрежденъ особый „комитетъ для устройства и наблюденія за училищами взаимнаго обученія"; учительскій институтъ при Петербургскомъ университетѣ былъ обязанъ подготовлять опытныхъ учителей, стали издаваться соотвѣтственныя руководства и пр. Однако, осуществленіе задачи на практикѣ еще не началось, а между многочисленными учрежденіями, имѣвшими отношеніе къ новому методу, возникли несогласія и тренія, въ результатѣ которыхъ пылъ къ ланкастерскому методу значительно остылъ, и стали даже раздаваться голоса противъ него. Въ концѣ концовъ, именно въ 1822 г., принято было окончательное рѣшеніе примѣнить этотъ методъ только при обученіи чтенію, письму и четыремъ правиламъ ариѳметики, Законъ же Божій и другіе предметы должны были преподаваться обыкновеннымъ способомъ.

Начало національно-православной реакціи и уставъ 1828 года.

Новыя теченія въ исторіи русской школы проявились въ самомъ концѣ царствованія Александра I и еще болѣе усилились съ воцареніемъ Николая I. Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія просуществовало до 1824 г., когда вышелъ въ отставку кн. Голицынъ. Онъ былъ побѣжденъ людьми, которые уже давно въ его мистицизмѣ видѣли элементъ, враждебный интересамъ господствующей церкви. Дѣйствительно, религіозный мистицизмъ этотъ, въ чистомъ его видѣ, признавая вѣру прежде всего какъ вѣру и не придавая особаго значенія догматамъ, ставилъ въ одну плоскость и православіе, и католичество, и лютеранство, и

магометанство, и іудейство. На эту слабую сторону съ точки зрѣнія русской политики и обрушились на Голицына его враги, одни искренно, другіе по честолюбивымъ соображеніямъ. Изъ недавняго столпа государства Голицынъ превратился въ „слѣпотствующаго министра", „явнаго клятвеннаго врага церкви и государства", питающаго замыслы революціи и „разоренія Россіи". Навѣты временщика Аракчеева, грубыя сцены, устроенныя мрачнымъ фанатикомъ архимандритомъ Фотіемъ, предавшимъ министра проклятію, жалобы митрополита Серафима (къ этимъ лицамъ примкнулъ и „нравственный феноменъ" Магницкій) повели къ тому, что Голицынъ палъ. На министерскомъ посту его смѣнилъ адмиралъ А. С. Шишковъ, извѣстный въ исторіи русской литературы какъ поборникъ „стараго штиля", поклонникъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина и одинъ изъ основателей литературнаго общества— „Бесѣды любителей русскаго слова". Съ 15 мая 1824 г., когда Шишковъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, можно датировать новую эпоху въ исторіи русской школьной политики—эпоху національно-православной реакціи. При Александрѣ I лишь намѣтились общія ея очертанія; своего же полнаго развитія она достигла уже въ новое царствованіе и продолжалась, не только не смягчаясь, но постепенно даже усиливаясь, вплоть до начала 60-хъ годовъ XIX вѣка.



А. С. Шишковъ.

Народное образованіе должно быть національнымъ и православнымъ — таково было основное начало новаго направленія. Подъ этимъ разумѣлась прежде всего нещадная борьба съ либеральнымъ духомъ, который въ значительной мѣрѣ отразился на уставѣ 1804 г. Воспитаніе юношества, согласно словамъ Шишкова, должно оберегать его отъ заразы „лжемудрыми умствованіями, вѣротлѣнными мечтаніями, пухлою гордостью и пагубнымъ самолюбіемъ". „Науки,

изощряющія умъ,—полагалъ министръ,—не составятъ безъ вѣры и безъ нравственности благоденствія народнаго... Науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, *смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ.* Излишество ихъ, равно какъ и недостатокъ, противны истинному просвѣщенію. *Обучать грамотѣ весь народъ* или несоразмѣрное числу онаго количество людей *принесло бы болѣе вреда, нежели пользы*".

Эта цитата изъ рѣчи Шишкова въ засѣданіи Главнаго правленія училищъ довольно полно и не менѣе опредѣленно формулируетъ тѣ положенія, которыя сдѣлались основными для всей послѣдующей почти 40-лѣтней школьной политики. Тутъ есть и „лжемудрыя умствованія", и „вѣротлѣнныя мечтанія", и необходимость строго сословной школы, и боязнь всенароднаго просвѣщенія. Въ послѣдній годъ царствованія Александра I эти взгляды выводились еще изъ необходимости бороться съ вольномысліемъ прошлаго, послѣ же подавленія возстанія декабристовъ въ декабрѣ 1825 г. они получили подкрѣпленіе и общеполитическими соображеніями даннаго момента. Съ этихъ поръ школа перестаетъ разсматриваться просто какъ средство просвѣщенія, и начинаетъ преобладать взглядъ на нее какъ на средство проводить черезъ нее въ среду юношества опредѣленное политическое міровоззрѣніе, оправдывающее существующій порядокъ въ его цѣломъ и связанныя съ нимъ частности. Школа дѣлается орудіемъ политики.

Новая общая реформа школы въ Николаевскую эпоху произведена была подъ вліяніемъ не педагогическихъ, а именно, главнымъ образомъ, политическихъ соображеній,—чтобы очистить общество „отъ дерзновенныхъ мечтаній", чтобы „употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось". Рескриптомъ 14 мая 1826 г. былъ назначенъ особый „комитетъ устройства учебныхъ заведеній", цѣлью котораго было „безъ всякаго отлагательства" ввести единообразіе въ учебную систему, „дабы уже за совершеніемъ сего воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ". Передъ этимъ комитетомъ во исполненіе желаній государя

Шишковъ и выступилъ съ обширнымъ планомъ общей реформы.

Этотъ планъ былъ построенъ на двухъ основныхъ идеяхъ: 1) реформировать программу каждой школьной ступени такимъ образомъ, чтобы она давала болѣе или менѣе законченное образованіе, наиболѣе пригодное для большинства учащихся, ограничивающихся курсомъ данной школы; 2) придать школѣ, кромѣ общеобразовательнаго, еще характеръ воспитательный.

Императоръ Николай I.

Осуществленіемъ первой идеи, расположеніемъ „ученія въ каждомъ изъ учебныхъ заведеній такимъ образомъ, чтобы оно могло служить окончательнымъ образованіемъ того класса людей, для котораго таковыя училища преимущественно учреждаются“,—предполагалось создать вмѣсто одной безсословной школы съ одинаковой программой для всѣхъ нѣсколько типовъ сословныхъ училищъ съ различными программами. Екатерининская школа была одна для всѣхъ, но во всякой ея ступени можно было начать училище сначала и оставить его, когда кто хотѣлъ. Александровская система, напротивъ, всѣ учебныя заведенія связывала въ одну непрерывную цѣпь, въ которой каждое звено не являлось самостоятельнымъ цѣлымъ, а необходимой связкой съ предшествующимъ и послѣдующимъ. Система, проектированная Шишковымъ, стремилась занять среднее положеніе, преслѣдуя и цѣли подготовки для высшихъ разрядовъ училищъ, и цѣли законченнаго образованія въ каждомъ изъ нихъ, послѣднему отдавая однако предпочтеніе. Шишковъ исходилъ изъ провѣреннаго опытнымъ путемъ и несомнѣннаго факта, что изъ воспитанниковъ, учащихся въ уѣздной школѣ, „развѣ сотый человѣкъ поступитъ въ университетъ, между тѣмъ какъ 99 окончатъ ученіе свое въ семъ училищѣ и частью въ гимназіи“, откуда Шишковъ выводилъ, что „при назначеніи постепенности учебныхъ заве-

деній отнюдь не должно исключительно имѣть въ виду приготовленіе учениковъ къ переходу изъ одного заведенія въ другое высшее, но потребности тѣхъ состояній, которыя должны были получить въ нихъ окончательное образованіе. Приходскія школы должны существовать у насъ преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса; уѣздныя—для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ; гимназіи преимущественно для дворянъ, не лишая, впрочемъ, и другія состоянія права поступать въ нихъ". На педагогическихъ соображеніяхъ, такимъ образомъ, строился политическій выводъ, по которому никто не долженъ получать образованія выше своего сословія.

Воспитательный характеръ школы, по идеямъ Шишкова, долженъ былъ выразиться прежде всего въ томъ, что воспитаніе находится всецѣло въ рукахъ государства, которое посредствомъ него стремится лѣпить изъ юношества необходимый ему по своимъ соображеніямъ матеріалъ. Воспитаніе дается всѣмъ, кто коснется школы, по одной мѣркѣ и по одному шаблону. Частныя школы съ ихъ различными методами должны поэтому быть подавлены. Только правительственная школа можетъ по единообразному типу воспитывать молодежь, и только черезъ нее должны проходить молодыя поколѣнія. А чтобы привлечь въ школу молодежь, преимущественно дворянскую, министръ предлагаетъ особыя мѣры—поощрительныя въ отношеніи правительственныхъ учебныхъ заведеній и запретительныя въ отношеніи частныхъ. Первыя состояли въ гарантіи для дворянъ, что дѣти ихъ не испортятся въ гимназіи и учебные годы ихъ пройдутъ не безъ пользы по выслугѣ чиновъ, для чего проектировалось при гимназіяхъ и даже при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ учредить особыя воспитательныя заведенія, пансіоны спеціально для дѣтей-дворянъ, а служебныя привилегіи выражались въ предоставленіи окончившимъ курсъ гимназій права на XIV классъ. Запретительныя же мѣры должны были заключаться въ закрытіи всѣхъ частныхъ мужскихъ пансіоновъ, — политика, обратная стремленіямъ предшествующей эпохи,—въ обязательствѣ со стороны родителей не брать дѣтей изъ казенныхъ заведеній до окончанія курса и въ запрещеніи принимать на канцелярскую службу безъ диплома хотя бы уѣзднаго училища.

Осуществленіе этого плана реформы, вопреки первоначаль-

нымъ намѣреніямъ, растянулось на долгое время. Важнѣйшими на немъ основанными преобразованіями были: „уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ“, утвержденный 8 декабря 1828 г., „положеніе объ учебныхъ округахъ“—22 іюня 1835 г. и „общій уставъ университетовъ“—26 іюля 1835 г. Самъ Шишковъ только подготовилъ реформу, проведеніе же въ жизнь ея, даже первой ея части—устава 1828 г.—было осуществлено уже при его преемникахъ, кн. Ливенѣ и гр. С. С. Уваровѣ.

Уставъ 1828 г. сохранилъ бывшія три степени общеобразовательной школы—приходское училище, уѣздное училище, и гимназію, сохранилъ и административную связь между ними, подчиненіе низшихъ школъ гимназіямъ, лишь болѣе усиливъ его и превративъ директора губернской гимназіи въ полнаго хозяина какъ гимназіи, такъ и всѣхъ казенныхъ училищъ въ губерніи, съ подчиненіемъ ему и всѣхъ частныхъ учебныхъ заведеній.

Какъ выше было указано, Александровская школьная система каждому разряду училищъ ставила двоякую цѣль; и готовить учениковъ къ переходу въ слѣдующій высшій разрядъ, и давать вмѣстѣ съ тѣмъ законченное образованіе. Теперь же, въ виду того преобладанія, которое получила вторая цѣль, должна значительно была измѣниться и программа проходимыхъ предметовъ въ каждомъ разрядѣ училищъ. Къ этому присоединились еще политическія соображенія, по которымъ многое изъ преподававшагося не могло болѣе быть терпимымъ, почему программу пришлось урѣзывать. Наконецъ, и предназначеніе каждаго школьнаго типа преимущественно для того или иного сословія тоже сыграло не малую роль въ переконструированіи объема программы и ея качества. Самыя важныя измѣненія сдѣланы для уѣздныхъ училищъ и гимназій. Курсъ приходскихъ училищъ остался почти тотъ же, заключая въ себѣ Законъ Божій, чтеніе гражданской и церковной печати, чистописаніе и четыре правила ариѳметики; въ селахъ съ промышленнымъ населеніемъ къ приходскому училищу разрѣшалось добавлять особый классъ съ курсомъ низшаго класса уѣздныхъ училищъ. Методъ преподаванія допускался или обычный, или ланкастерскій—по системѣ взаимнаго обученія. Приходскія училища сохранили и свой подготовительный характеръ къ переходу учениковъ въ уѣздныя, поэтому въ

послѣднихъ, какъ и прежде, элементарная грамота не проходилась. Зато въ остальномъ программа уѣздныхъ училищъ претерпѣла значительныя перемѣны. Къ бывшимъ двумъ прибавленъ еще третій классъ, и число учителей съ двухъ увеличено до пяти. Изъ числа предметовъ, положенныхъ уставомъ 1804 г., исключены физика, естественная исторія и технологія, другіе предметы оставлены, но въ сокращенномъ видѣ. Соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ промышленности и торговли, при училищахъ допускалось открытіе дополнительныхъ курсовъ по законовѣдію и торговому судопроизводству, по бухгалтеріи, коммерческимъ наукамъ, механикѣ, технологіи, архитектурѣ, сельскому хозяйству и садоводству. За исключеніемъ языковъ, это была почти вся программа гимназій, проходимая лишь въ меньшемъ объемѣ по каждому предмету.

Въ гимназіяхъ курсъ былъ сдѣланъ семилѣтнимъ. Этимъ удлиненіемъ срока, во-первыхъ, имѣлось въ виду дать „перекипѣть страстямъ“ молодежи, выпуская ее лишь къ 18-ти годамъ изъ стѣнъ гимназій, во-вторыхъ, это было необходимо и по другой причинѣ. Дѣло въ томъ, что элементарная грамота, т. е. предметы приходской школы, предполагалась знакомой поступающимъ въ гимназію, но все проходимое въ уѣздныхъ училищахъ проходилось также и въ гимназіи, слѣдовательно, по сравненію съ уставомъ 1804 г., вводились многіе предметы, которые раньше проходились въ уѣздномъ училищѣ, а для этого нужно было извѣстное время. Раньше ученикъ могъ достигнуть гимназіи обязательно черезъ уѣздное училище, теперь онъ могъ поступить въ нее непосредственно изъ приходскаго училища или, по крайней мѣрѣ, съ знаніемъ его предметовъ. Это было возвращеніемъ къ екатерининской школѣ. Въ остальномъ программа гимназій получила довольно своеобразный характеръ. Всѣ члены комитета были согласны, что энциклопедизмъ учебныхъ плановъ 1804 г.—явленіе ненормальное, излишняя роскошь, и что при составленіи новой программы нужно имѣть въ виду „болѣе основательное, нежели обширное образованіе“; о сохраненіи въ гимназическомъ курсѣ философскихъ и общественныхъ наукъ не могло быть и рѣчи, какъ въ силу этого соображенія, такъ и по политическимъ мотивамъ. Но относительно ближайшаго содержанія этой программы, не считая, конечно, элементар-

ныхъ предметовъ, мнѣнія разошлись. Сначала предполагалось въ основаніе ея положить опыты Уварова по усиленію древнихъ языковъ, произведенные въ петербургской гимназіи. Однако, вмѣстѣ съ такимъ усиленіемъ древнихъ языковъ—до 70 часовъ на латинскій и 50 на греческій—гимназія имѣла бы лишь преобладающій характеръ заведенія, готовящаго къ поступленію въ университетъ, между тѣмъ ей въ не меньшей мѣрѣ предполагалось придать и характеръ училища, дающаго законченное образованіе. Этого требовали общіе принципы реформы, на этомъ настаивали и нѣкоторые члены комитета, особенно гр. Сиверсъ и кн. Ливенъ (сдѣлавшійся скоро министромъ народнаго просвѣщенія), напомнивъ сочленамъ объ интересахъ „тѣхъ, кои не имѣютъ намѣренія изучать университетскій курсъ". Этими лицами были выдвинуты на первый планъ математика и живые языки, особенно французскій. Въ результатѣ комитетъ остановился на компромиссѣ, допустивъ раздѣленіе гимназическаго курса, начиная съ 4-го класса, на двѣ вѣтви; на долю латинскаго языка было оставлено 39 часовъ, греческому отводилось 30 часовъ, причемъ этотъ предметъ вводился только въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, въ остальныхъ же эти часы отдавались математикѣ и новымъ языкамъ. Окончательно программа гимназій выразилась въ слѣдующихъ предметахъ: Законъ Божій, Священная и церковная исторія, русская грамматика и словесность, логика, языки латинскій, нѣмецкій и французскій, математика „до коническихъ сѣченій включительно", географія и статистика, исторія, физика, чистописаніе, черченіе и рисованіе, а въ гимназіяхъ въ университетскихъ городахъ—еще греческій языкъ.

По уставамъ 1804 г. и 1828 г. низшее и среднее образованіе находилось въ вѣдѣніи университета соотвѣтственнаго учебнаго округа. Этотъ порядокъ былъ измѣненъ вторымъ актомъ намѣченной Шишковымъ реформы—„Положеніемъ объ учебныхъ округахъ", утвержденнымъ 25 іюня 1835 г. при министрѣ С. С. Уваровѣ. Сущность положенія, ближайшимъ авторомъ котораго слѣдуетъ считать М. М. Сперанскаго, заключалась въ передачѣ всѣхъ обязанностей и правъ университетовъ по управленію учебными заведеніями ихъ округовъ въ руки попечителей, которые должны были жить не въ Петербургѣ, а на мѣстахъ. Вмѣсто университетовъ, за которыми оставалась только ихъ прямая

цѣль—давать высшее образованіе, теперь во главѣ учебнаго округа сталъ попечитель, чѣмъ предполагалось достигнуть „единства власти и отвѣтственности, простоты и, слѣдовательно, достовѣрности управленія и возможности чаще и съ большею пользою обозрѣвать училища". Низшая и средняя школы теперь перешли въ вѣдѣніе спеціальной учебной администраціи. Попечителямъ подчиняются директора и попечители гимназій и лицеевъ и инспектора частныхъ училищъ и пансіоновъ. Для низшей школы, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, новый порядокъ, въ сущности, не внесъ какихъ-либо важныхъ измѣненій, такъ какъ ближайшимъ образомъ она осталась подъ вѣдѣніемъ директоровъ губернскихъ гимназій.

Усиленіе сословности школы.

Уставъ 1804 г. не зналъ сословности образованія. Если позже (1813 г.) для дѣтей несвободныхъ состояній и былъ ограниченъ доступъ въ гимназіи и въ университеты, то это были распоряженія, съ самимъ уставомъ не имѣвшія ничего общаго, изъ его основныхъ началъ не вытекавшія и съ ними совершенно не гармонировавшія. Даже во второй половинѣ царствованія Александра I сословность школы, несмотря на практическія стремленія къ ней, не была возведена еще въ догматъ. Зато сдѣлать образованіе строго сословнымъ, пригвоздить каждое сословіе къ опредѣленной для него школѣ и доступу въ другія училища ставить или полный запретъ или всевозможныя затрудненія—было основнымъ стремленіемъ школьной политики николаевскаго времени. Общее образованіе, клонящееся не къ изощренію „сословныхъ добродѣтелей", а просто къ развитію ума, казалось не только безполезнымъ, но и вреднымъ. И Шишкову, ярому стороннику сословной школы, казалось, что всѣ общеобразовательныя и безсословныя училища александровскаго времени „какъ будто превратились въ школы развратовъ, и кто оттуда ни выйдетъ, тотчасъ покажетъ, что онъ совращенъ съ истиннаго пути и голова у него набита пустотою, а сердце—самолюбіемъ..." „Образованіе, приспособленное къ потребностямъ разныхъ состояній", вотъ главный недостатокъ, по мнѣнію Шишкова, прежняго устава, и на этомъ именно началѣ долженъ быть построенъ новый уставъ.

Дѣйствительно, въ уставѣ 1828 г. сословный принципъ проведенъ очень рѣзко въ томъ смыслѣ, что каждое сословіе должно довольствоваться опредѣленной для него школой; еще рѣзче осуществлялось это начало на практикѣ путемъ разныхъ циркуляровъ, толкованій, разъясненій и добавленій.

По уставу 1828 г. каждый разрядъ училищъ, давая законченный кругъ образованія, пріурочивалъ этотъ кругъ къ потребностямъ опредѣленнаго класса населенія: приходскія училища предназначались для людей „самыхъ нижнихъ состояній“, уѣздныя „въ особенности предназначены для того, чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія, доставить тѣ свѣдѣнія, кои по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ могутъ быть имъ наиболѣе полезны“; для гимназій главнѣйшая цѣль состоитъ въ „доставленіи средствъ приличнаго воспитанія дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ“. Замкнутыхъ вполнѣ сословныхъ школъ уставъ не создалъ, но остановился на весьма растяжимомъ началѣ, выраженномъ опредѣленіемъ „по преимуществу“. Не было, впрочемъ, недостатка въ пожеланіяхъ сдѣлать школу именно замкнутой, кастовой. Такъ, одинъ изъ членовъ комитета, гр. Ламбертъ, особенно настаивалъ на томъ, что „дѣти, принадлежащія разнымъ сословіямъ, не могутъ быть воспитываемы вмѣстѣ“, ибо „смѣсь сія не можетъ быть допущена въ разсужденіи нравственныхъ свойствъ“; впрочемъ, „что касается до познаній, то и тутъ различія необходимы“. Противъ этого мнѣнія возсталъ кн. Ливенъ, не либеральный, но просто справедливый человѣкъ, не разъ и прежде протестовавшій противъ чрезмѣрнаго охранительнаго усердія нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ чиновниковъ. „Въ государствахъ, гдѣ состоянія строго отдѣлены одно отъ другого,—говорилъ онъ,—гдѣ переходъ изъ одного въ другое, наипаче изъ средняго въ дворянское, чрезвычайно труденъ, и очень рѣдко когда бываетъ, что тому или другому предоставляется дворянство только за долговременныя и весьма отличныя заслуги,—въ такихъ государствахъ очень легко завести таковой порядокъ. Но въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ средняго или гражданскаго состоянія, гдѣ одно только купеческое сословіе нѣкоторымъ образомъ представляетъ оное, гдѣ ремесленникъ по всѣмъ отношеніямъ равенъ земледѣльцу..., гдѣ достаточный крестья-

нинъ во всякое время можетъ сдѣлаться купцомъ, а часто бываетъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, гдѣ линія дворянскаго сословія столь имѣетъ необозримое протяженіе, что однимъ концомъ касается до подножія престола, а другимъ почти въ крестьянствѣ теряется, гдѣ ежегодно многіе изъ гражданскаго и крестьянскаго сословій, черезъ полученіе военнаго или гражданскаго офицерскаго чина, поступаютъ въ дворянство, — въ Россійскомъ государствѣ таковое устройство училищъ затруднительно". Комитетъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и опредѣлилъ, что сообщеніе образованія соотвѣтственно сословію учащихся есть „преимущественное, но не исключительное назначеніе" учебныхъ заведеній. Та же мысль была проведена и въ Высочайшемъ рескриптѣ 19 августа 1827 г. на имя министра. Въ рескриптѣ говорилось, что для полнаго соотвѣтствія правилъ народнаго воспитанія потребностямъ и положенію государства необходимо, „чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были, по возможности, соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился черезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться". Возможность стремиться къ высшимъ степенямъ образованія допускалась, хотя и не поощрялась, однако только для дѣтей свободныхъ состояній, не исключая и вольноотпущенныхъ, крѣпостнымъ же и дворовымъ доступъ въ гимназіи и университеты былъ совершенно закрытъ; учиться они могли только въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, а также въ разныхъ техническихъ и промышленныхъ школахъ.

Рядомъ послѣдующихъ законодательныхъ актовъ и практическихъ мѣропріятій правительство всемѣрно стремилось сдѣлать гимназіи и университеты учебными заведеніями исключительно дворянскими, оставивъ для остальныхъ свободныхъ сословій уѣздныя училища, а для крѣпостныхъ только приходскія. Средствомъ привлечь симпатіи дворянъ къ гимназіямъ должны были служить благородные пансіоны, не частные, а находящіеся въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства, устраиваемые на добровольныя пожертвованія дво-

рянства и субидируемые казною. Къ 1849 г. такихъ пансіоновъ было открыто 47. Это были преимущественно воспитательныя заведенія, гдѣ дворянскія дѣти учились главнымъ образомъ французскому языку, танцамъ, музыкѣ, фехтованію и верховой ѣздѣ и вообще „учебнымъ предметамъ, ближе принадлежащимъ къ образованію высшаго сословія“. Сначала пансіоны были при гимназіяхъ, и собственно настоящій курсъ ученія долженъ былъ проходиться именно въ послѣднихъ, пансіоны же прививали лишь „изящныя манеры“. Однако скоро въ одной губерніи за другой стали открываться „дворянскіе институты“ — тѣ же пансіоны, но существовавшіе самостоятельно, отдѣльно отъ гимназій и съ курсомъ значительно укороченнымъ сравнительно съ гимназическимъ. Позже появились особыя пятиклассныя дворянскія училища, что-то въ родѣ прогимназій, дававшія на самомъ дѣлѣ окончательное образованіе, ибо, какъ видно изъ оффиціальнаго отчета, „на сто учениковъ дворянскихъ училищъ приходилось довершающихъ образованіе въ гимназіи не болѣе одного“. Сдѣлать однако гимназію исключительно дворянскимъ учебнымъ заведеніемъ плохо удавалось, и на ряду съ дворянами въ нихъ обучались и лица другихъ сословій. По Петербургскому округу въ 1853 г. соотношеніе прочихъ сословій къ дворянскому выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Всего учащихся.	Изъ нихъ дворянъ.	Остальныхъ сословій.
Въ университетахъ	424	299	125
„ гимназіяхъ	2.831	2.265	566
„ уѣздныхъ училищахъ . . .	4.686	1.814	2.872
„ приходскихъ (городскихъ) училищахъ.	7.613	883	6.730
„ частныхъ пансіонахъ и школахъ.	6.153	2.960	3.192

Дворянство въ значительномъ числѣ стремилось попрежнему въ частныя учебныя заведенія. Замѣчательно, что въ послѣднихъ замѣчается и значительный наплывъ не-дворянъ— что должно быть приведено въ связь отчасти съ тѣми препятствіями, которыя министерство ставило этимъ сословіямъ при поступленіи въ казенныя гимназіи, отчасти съ недовѣріемъ къ послѣднимъ зажиточныхъ общественныхъ круговъ.

Наибольшій страхъ питало министерство передъ образованіемъ крестьянъ, особенно крѣпостныхъ. Послѣдніе по-

указу 1827 г. не имѣли доступа въ гимназіи, а слѣдовательно и въ университеты, но правительство забыло озаботиться еще объ одномъ родѣ училищъ, о такъ называемыхъ „реальныхъ училищахъ", подъ которыми въ то время разумѣлись всякія техническія школы, а также обыкновенныя низшія учебныя заведенія, подчиненныя не министерству народнаго просвѣщенія, а другимъ вѣдомствамъ—финансовому, удѣловъ, Императорскаго двора и пр. [1]). И въ 1837 г. вдругъ возникъ вопросъ—какъ быть съ такими училищами, особенно техническими, гдѣ, съ одной стороны, преподаются такіе предметы, какъ исторія литературы, статистика, языки и т. п., а съ другой, по непростительному недосмотру обучаются дѣти крестьянъ, въ томъ числѣ даже крѣпостныхъ. Былъ для этой цѣли учрежденъ особый комитетъ изъ министра внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудова и бывшихъ либе-

[1]) Довольно энергичную дѣятельность по заведенію школъ элементарной грамоты обнаружили горное вѣдомство и министерство удѣловъ. Въ вѣдѣніи перваго изъ нихъ къ 1837 г. въ Пермской губерніи насчитывалось 27 такихъ школъ съ весьма высокой для того времени цифрой учащихся—2.442 человѣкъ—дѣтей заводскихъ мастеровъ, рабочихъ и крѣпостныхъ вѣдомства. Министерство удѣловъ еще шире развило свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Оно началось съ учрежденія въ 1829 г. двухъ „главныхъ" сельскихъ училищъ, имѣвшихъ цѣлью готовить учителей для низшихъ училищъ. Одно изъ нихъ было основано въ Красномъ Селѣ—на 30 учениковъ и другое въ Москвѣ—на 50 учениковъ. Каждое имѣло 2 класса; въ первомъ преподавались, по методу взаимнаго обученія, чтеніе, письмо, краткій катехизисъ, Священная исторія и четыре правила ариѳметики; во второмъ—болѣе пространно катехизисъ и Священная исторія, русская грамматика и ариѳметика полностью; съ 1831 г. воспитанники стали обучаться нѣкоторымъ ремесламъ (сапожному, портновскому и проч.) и практически изучать огородничество, садоводство и полевыя работы. Оба училища просуществовали до 1836 г., когда были безъ особыхъ уважительныхъ причинъ закрыты, успѣвъ за 8 лѣтъ выпустить свыше сотни учителей. Низшія училища удѣльнаго вѣдомства или „приказныя" (такъ какъ они числились при приказахъ вѣдомства; обычно ихъ называли еще „кисилевскими", по имени министра Кисилева), распространялись очень быстро: въ 1828 г. ихъ было только 5, въ 1837 г. уже 40 съ 850 учащимися, затѣмъ къ 1841 г. число ихъ дѣлаетъ рѣзкій скачокъ вверхъ, достигая 194 съ 6.312 учащимися, и, наконецъ, въ 1844 г. они, числомъ 200, были заведены уже при всѣхъ приказахъ. Обучались въ нихъ дѣти удѣльныхъ крестьянъ. Программа состояла изъ чтенія, письма, краткихъ свѣдѣній по Закону Божію и четырехъ правилъ ариѳметики, причемъ преподаваніе велось по методу взаимнаго обученія или ланкастерскому. Училища удѣльнаго вѣдомства въ 1865 г. перешли къ министерству народнаго просвѣщенія; къ этому времени ихъ было 376 съ 11.394 учащимися.

раловъ—М. М. Сперанскаго (онъ же и предсѣдатель) и министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова. Памятникомъ этого комитета осталось объемистое архивное „дѣло", центральную часть котораго составляетъ сводъ мнѣній комитета; авторомъ его является, безъ сомнѣнія, Сперанскій, что ясно замѣтно по кодификаторскому стилю, какимъ написанъ этотъ документъ. Послѣдній даетъ ясную картину какъ системы тогдашней школы, такъ и законоположеній о допущеніи въ нее разныхъ сословій, поэтому мы остановимся на этомъ документѣ болѣе подробно, тѣмъ болѣе что онъ еще нигдѣ не напечатанъ.

М. М. Сперанскій.

Всѣ училища Сперанскій классифицируетъ прежде всего по ихъ главной цѣли на *словесныя* и *реальныя*; къ первымъ относятся всѣ учебныя заведенія, главными предметами преподаванія которыхъ являются словесныя, математическія и естественныя науки; ко вторымъ — всѣ учебныя заведенія, дающія профессіональную подготовку: агрономическія школы, училища садоводства, технологическіе институты, коммерческія училища, а также, какъ уже указано, обыкновенныя элементарныя школы, находящіяся въ вѣдомствѣ другихъ министерствъ. Первая группа, словесныя училища, „по степени преподаваемаго въ нихъ ученія" подраздѣляется на три разряда: *высшія* учебныя заведенія—университеты, лицеи; *среднія* — гимназіи, благородные пансіоны; *низшія*—уѣздныя и приходскія училища; такое же подраздѣленіе для реальныхъ училищъ установить невозможно, такъ какъ каждое изъ нихъ „имѣетъ свою законченную цѣль" (тогда не было еще высшихъ, среднихъ и низшихъ, напримѣръ, земледѣльческихъ школъ).

Какъ же регламентируетъ законодательство вопросъ о

допущеніи лицъ разныхъ состояній въ эти учебныя заведенія? Придерживаясь кодификаторскаго метода, Сперанскій продолжаетъ: Въ *словесныя* училища допускаются: *дворяне* во *всѣ три степени*, причемъ переходъ изъ низшихъ въ высшія обусловленъ лишь опредѣленнымъ испытаніемъ; *лица свободныхъ состояній* допускаются только въ *низшія* и *среднія* школы; доступъ въ высшія для нихъ затрудненъ 1) необходимостью представлять увольнительныя свидѣтельства отъ обществъ съ дозволеніемъ избрать другой родъ занятій и съ гарантіей, что общества принимаютъ на себя за увольняемаго платежъ податей и отправленіе рекрутской повинности; 2) по окончаніи курса высшей школы лица свободныхъ состояній обязаны просить объ исключеніи ихъ изъ оклада и податного состоянія для вступленія въ военную или гражданскую службу; тѣ же ограниченія относятся къ вольноотпущеннымъ крестьянамъ; *крѣпостнымъ* законъ разрѣшаетъ поступать только въ *низшія* училища, приходскія и уѣздныя, и въ тѣ частныя, въ которыхъ степень преподаванія равна курсу низшихъ; переходъ въ среднія и высшія для нихъ вовсе *воспрещенъ*. Что же касается реальныхъ училищъ, то въ виду отсутствія дѣленія ихъ на высшія, среднія и низшія категоріи законъ разрѣшаетъ поступленіе въ нихъ лицамъ всѣхъ состояній, въ томъ числѣ и крѣпостнымъ, которымъ для этого требуется лишь дозволеніе помѣщиковъ; въ видѣ исключенія крѣпостные не допускаются въ академію художествъ, технологическій институтъ и коммерческія училища.

Далѣе комитетъ задумался надъ тѣмъ, нормально ли это законодательство, причемъ интересовался вопросомъ не съ точки зрѣнія необходимости расширить доступъ въ учебныя заведенія разныхъ сословій, а исключительно въ виду противоположныхъ соображеній—не слѣдуетъ ли еще болѣе сузить его. Порядокъ допущенія въ словесныя училища лицъ свободнаго состоянія комитетъ нашелъ удовлетворяющимъ потребностямъ государства и соотвѣтствующее законодательство не требующимъ измѣненій по слѣдующимъ основаніямъ. Дѣйствующіе законы объ образованіи являются послѣдствіемъ *коренныхъ* русскихъ законовъ о состояніяхъ, согласно которымъ каждое состояніе пользуется присвоенными ему правами и несетъ возложенныя на него обязанности. „Но при сей главной мысли другая мысль, не менѣе существенная, состоитъ въ томъ, чтобы ни одно состояніе не

отдѣлялось другъ отъ друга недоступною преградою; напротивъ, если, съ одной стороны, состояніе каждаго опредѣляется его родомъ и происхожденіемъ, то, съ другой—каждому вмѣстѣ съ тѣмъ открытъ и путь перехода изъ низшаго состоянія въ высшее, путь болѣе или менѣе дальній и затруднительный, но для способностей и службы всегда отпертый. Нѣтъ нужды доказывать преимущества сего порядка; столѣтній опытъ оправдалъ его превосходство". Если еще труденъ переходъ лицамъ свободныхъ состояній въ дворянство, то въ другія сословія, напримѣръ, въ купеческое, онъ обусловливается лишь извѣстнымъ имущественнымъ состояніемъ и совершается безпрепятственно. Поэтому „нельзя положить предѣловъ въ образованіи юношества (свободныхъ, конечно, состояній); нельзя запретить сыну искать возвышенія въ наукахъ, когда законъ дозволяетъ отцу искать возвышенія въ его состояніи".

Совершенно иначе обстоитъ дѣло, по мнѣнію членовъ комитета, съ крѣпостными. „...Крѣпостные составляютъ особое сословіе, отличающееся отъ прочихъ тѣмъ, что люди сіи не имѣютъ свободы переходить изъ своего сословія въ другое, развѣ будутъ отпущены на волю. Сія неподвижность состоянія должна была по необходимости ограничить и стѣснить ихъ образованіе. Какая могла быть цѣль расширить кругъ ихъ познаній, когда кругъ ихъ дѣйствій опредѣленъ неподвижными границами крѣпостного состоянія?" Это повело бы лишь „къ глубокому чувству огорченія или къ отчаянной предпріимчивости разорвать эти тяготѣющія ихъ узы". Поэтому въ самыхъ первоначальныхъ постановленіяхъ министерства народнаго просвѣщенія появляются уже нѣкоторые „слѣды ограниченій, но слѣды неявственные, правила нерѣшительныя и потому легко нарушаемыя", и, чтобы положить этому конецъ, рескриптъ 19 августа 1827 г. на имя министра совершенно воспретилъ доступъ крѣпостнымъ не только въ университеты, но и въ гимназіи. Съ тѣхъ поръ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія могли происходить нарушенія этого порядка только по недосмотру. Но бѣда въ томъ, что дѣйствіе рескрипта не распространялось на частныя училища и школы, находящіяся въ вѣдѣніи другихъ министерствъ, „реальныя" училища. Для частныхъ пансіоновъ этотъ „непорядокъ" устраненъ съ подчиненіемъ ихъ въ 1834 г. наблюденію об-

щаго училищнаго начальства, однако „реальныя“ училища находятся внѣ такого надзора. А въ этихъ училищахъ, куда принимаются и крѣпостные, преподаются иногда и такія науки, которыми, по мнѣнію комитета, совершенно не слѣдовало искушать крѣпостныхъ; напримѣръ, „при самомъ первоначальномъ ихъ учрежденіи допущено было преподаваніе наукъ *высшей словесности*, между тѣмъ какъ въ нихъ надлежало ограничиться одною необходимостью и отстранить все, что принадлежитъ къ кругу училищъ высшихъ и среднихъ“. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній комитетъ нашелъ нужнымъ „поручить повсемѣстному и строгому наблюденію: 1) чтобы крѣпостные допускались въ среднія и высшія учебныя заведенія лишь по полученіи вольной отъ ихъ помѣщиковъ, въ противномъ случаѣ они могутъ обучаться только въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ; 2) чтобы частные пансіоны были раздѣлены на низшіе и средніе разряды и въ послѣдній изъ нихъ крѣпостные ни подъ какимъ видомъ не допускались; 3) чтобы въ тѣхъ реальныхъ училищахъ, куда принимаются крѣпостные, кругъ словесныхъ наукъ былъ приведенъ въ мѣру училищъ уѣздныхъ и приходскихъ и исключено все то, что относится къ среднему образованію; 4) чтобы послѣднюю мѣру распространить и на частныя школы, содержимыя нѣкоторыми помѣщиками при своихъ имѣніяхъ“.

9 мая 1837 г. на имя министра С. С. Уварова послѣдовалъ рескриптъ съ утвержденіемъ только что приведенныхъ пожеланій.

До чего доходили вытекавшія изъ этого постановленія претензіи министерства къ „реальнымъ“ училищамъ, особенно ярко видно на примѣрѣ школы земледѣлія и горнозаводскихъ наукъ гр. Строгановыхъ въ Петербургѣ. Инспекторъ частныхъ учебныхъ заведеній Буняковскій, которому поручено было обревизовать это училище, въ результатѣ своихъ „трудовъ“ представилъ попечителю Петербургскаго учебнаго округа своеобразныя соображенія, найденныя какъ попечителемъ, такъ и министромъ Уваровымъ вполнѣ правильными. „Вредное вліяніе нѣкоторыхъ предметовъ обученія на умы воспитанниковъ крѣпостного состоянія,—разсуждалъ инспекторъ,—слишкомъ очевидно, и нѣтъ надобности подтверждать эту истину какими-либо доводами. Къ этой категоріи должно отнести *иностранные языки*. Воспитанники

по выходѣ изъ школы могутъ почерпнуть въ сочиненіяхъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ, понятія или вовсе превратныя, или по крайней мѣрѣ такія, которыя дадутъ ихъ умамъ ложное направленіе и, можетъ быть, отклонятъ нѣкоторыхъ отъ исполненія обязанностей, возложенныхъ на нихъ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ они родились. *Число* предметовъ и *объемъ*, въ которомъ они преподаются, ведутъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Развивая понятія и умственныя способности, они расширяютъ кругъ дѣятельности ума, вызываютъ любознательность. И не могутъ ли въ средѣ многочисленныхъ воспитанниковъ найтись такіе, которые удовлетворятъ этой потребности ума и по своему образованію станутъ на ступень выше той, на которую поставлены своимъ происхожденіемъ? Скажу болѣе: можетъ быть иной, сознавая свое превосходство передъ тѣмъ, отъ кого находится въ полной зависимости, будетъ или томиться своей долею, покоряясь закону необходимости, или, что еще хуже, забудетъ долгъ повиновенія... и не послужитъ ли это ко вреду, и не будетъ ли онъ роптать на этотъ даръ...“ „Конечно, такіе случаи не могутъ быть часты, но одна возможность ихъ уже оправдываетъ мѣры, предпринимаемыя неутомимою попечительностью начальства къ устраненію этого зла“. Въ виду этихъ соображеній Буняковскій предложилъ исключить нѣмецкій языкъ изъ программы; затѣмъ, найдя ее вообще слишкомъ обширной и „сообразивъ относительную пользу каждаго предмета“, рѣшилъ, что „отмѣненіе *общей географіи и физики не принесетъ вреда* плану заведенія“. Это оригинальное даже для того времени заключеніе инспекторъ мотивировалъ не менѣе оригинально. „Само собою разумѣется,— писалъ онъ,—что поводомъ къ исключенію сихъ наукъ я не считаю вредное, по сущности ихъ, вліяніе на умы воспитанниковъ, но эту мѣру предлагаю только *для уменьшенія итога познаній*, пріобрѣтаемыхъ учащимися крѣпостного состоянія“. Попечитель и министръ согласились съ этимъ, несмотря на рѣзкій протестъ директора школы кн. С. Голицына [1]).

Первая мѣра, въ которой выражалась сословность школы въ Николаевскую эпоху, состояла, такимъ образомъ, въ прямомъ запретѣ для нѣкоторыхъ сословій учиться въ высшихъ

---

[1]) Свѣдѣнія о Комитетѣ 1837 года сообщены С. В. Рождественскимъ.

учебныхъ заведеніяхъ, а для крѣпостныхъ—и въ среднихъ. Второй практической мѣрой служило суженіе по возможности программы тѣхъ училищъ, куда низшія сословія еще имѣли доступъ. Наконецъ, третья мѣра, преслѣдовавшая цѣли ограниченія доступа въ высшіе разряды училищъ для малоимущихъ классовъ, заключалась въ постепенномъ возвышеніи платы за ученіе. Это начало, впервые введенное еще при Александрѣ I министромъ Голицынымъ и имѣвшее въ виду тѣмъ самымъ найти средства для улучшенія матеріальнаго положенія учителей, въ Николаевскую эпоху преслѣдовало другую цѣль, именно указанную выше—затруднить пребываніе въ среднихъ и высшихъ училищахъ дѣтямъ недостаточныхъ классовъ. Въ докладѣ министра 2 іюня 1845 г. о возвышеніи платы за ученіе въ университетахъ и гимназіяхъ прямо говорилось, что дѣлается это „не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій“. Императоръ Николай I не только утвердилъ повышеніе платы, но запросилъ министра, „нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ“. Средства, конечно, нашлись и скоро были введены въ практику въ видѣ разныхъ увольнительныхъ свидѣтельствъ и т. п. Еще нѣсколько раньше этого, именно 31 декабря 1840 г., министръ Уваровъ предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ при пріемѣ студентовъ обращать вниманіе какъ на происхожденіе ихъ, такъ и на „открывающуюся передъ ними будущность“. Хотя „просторное развитіе“, какъ выражался министръ, умственныхъ способностей и полезно, но оно „должно быть соразмѣряемо съ будущимъ назначеніемъ въ жизни гражданской“. „При возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію“,— гласитъ циркуляръ—„наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій“.

Школа какъ орудіе политики.

Рядомъ съ сословными ограниченіями должно поставить еще одну черту, особенно характерную для исторіи школы въ николаевскую эпоху, это—вплетеніе въ школу полити-

ческихъ соображеній. Школа разсматривается какъ орудіе политики, и соотвѣтственно этому ей ставится опредѣленная цѣль—всѣми средствами служить созданію въ учащихъ и учащихся благонадежнаго политическаго духа, соотвѣтствующаго данному политическому и соціальному устройству. Въ воспитаніи именно такого духа должна выразиться активная сторона дѣятельности школы, и эта цѣль преслѣдовалась довольно упорно; но еще упорнѣе преслѣдовалась другая цѣль—невоспитаніе, такъ сказать, иного духа, контрастирующаго съ политическими условіями времени. Поэтому роль школы должна быть не только активной, выражаясь въ стремленіи вселить извѣстные положительные съ точки зрѣнія господствовавшихъ условій взгляды въ умы учениковъ, но и пассивно-охранительной; въ послѣднемъ случаѣ задача сводилась къ недопущенію учениковъ усвоить нежелательные взгляды, болѣе того — къ недопущенію ихъ знакомиться съ иными взглядами. Даже полемическая литература и обличительное преподаваніе, оспаривавшія тѣ или иные взгляды, но вмѣстѣ съ тѣмъ все же дававшія нѣкоторое о нихъ представленіе, считались вредными. Лучше ничего не слышать, чѣмъ слышать хоть что-нибудь неодобрительное, лучше ничего не знать, чѣмъ знать хоть что-нибудь, ведущее къ опасному или съ нимъ соприкасающееся,—таковъ былъ лозунгъ правительства того времени, осуществлявшійся имъ въ разныхъ областяхъ, въ томъ числѣ и въ школьной. Именно поэтому многіе предметы были совершенно исключены изъ программъ, и не только низшихъ училищъ, гдѣ уже одно многознаніе считалось крайне вреднымъ, но и гимназій и университетовъ,—исключены не потому, что содержаніе ихъ само по себѣ было опасно, но потому, что оно вызывало на размышленія, давало или могло дать толчокъ къ самостоятельному чтенію и вообще открывало пути, въ разсчетъ школьной политики совершенно не входившіе. „Православіе, самодержавіе, народность" — эти три кита русской политики тогда были въ особенной силѣ, въ особенномъ почетѣ. На нихъ и строился положительный идеалъ школьнаго воспитанія. Школьнымъ ревизорамъ рекомендовалось особенное наблюденіе за тѣмъ, внушается ли дѣтямъ при всякомъ удобномъ случаѣ преданность престолу и необходимость повиновенія властямъ, укрѣпляется ли въ ихъ сердцахъ любовь ко всему отечественному и пр. На-

блюденіе въ этомъ смыслѣ за школами было весьма строгое, а въ критическія времена политической жизни мѣры предосторожности и карательныя усугублялись. Въ 1848 г., когда Западная Европа почти сплошь была охвачена революціоннымъ движеніемъ, попечителямъ учебныхъ округовъ былъ разосланъ секретный циркуляръ, въ которомъ политика въ примѣненіи къ педагогіи выступила особенно рѣзко. Съ цѣлью парализовать вліяніе „пагубныхъ мудрованій нововводителей“ на учащуюся молодежь министръ предлагалъ попечителямъ обратить особенное вниманіе на „духъ преподаванія вообще въ училищахъ и въ особенности въ университетахъ, на поведеніе и образъ мыслей студентовъ университета и воспитанниковъ гимназій, на благонадежность начальниковъ, наставниковъ и воспитателей, употребленныхъ къ воспитанію юношества, и на частные пансіоны, особенно содержимые иностранцами“, при чемъ надежнѣйшимъ средствомъ сохранить юношество отъ заразы вольнодумствомъ министръ считаетъ прежде всего „отчетливое преподаваніе Закона Божія съ ближайшимъ указаніемъ на обязанности вѣрноподданныхъ“ и затѣмъ—недопущеніе въ преподаваніи другихъ предметовъ ничего такого, что „могло бы въ незрѣломъ еще умѣ юношей поколебать вѣру или уменьшить убѣжденіе въ необходимости и въ пользѣ основныхъ учрежденій нашего правительства“. „Чтобы достигнуть вполнѣ этой всегда важной, но по настоящимъ обстоятельствамъ еще важнѣйшей цѣли, необходимо... усугубить за учебными заведеніями надзоръ и не упускать изъ виду ни одного обстоятельства, которое могло бы благопріятствовать къ сохраненію между учащимися добраго духа, покорности властямъ и преданности правительству“. Въ этомъ циркулярѣ школа безъ всякихъ околичностей разсматривается какъ прямое орудіе политики, и въ этомъ только смыслѣ и идетъ о ней рѣчь, въ томъ время какъ объ ея непосредственныхъ задачахъ не упоминается ни слова. „Послѣ этого мало удивительнаго въ томъ,—говоритъ П. Ѳ. Каптеревъ, — что въ царствованіе Николая I дѣлались попытки подчинить школу надзору офицеровъ корпуса жандармовъ, что жандармскіе офицеры присутствовали на экзаменахъ... и писали секретныя донесенія о замѣченномъ своему начальству, что мѣстныя гражданскія власти, особенно генералъ-губернаторская, приводили въ исполненіе свои

мѣропріятія въ школахъ помимо участія учебнаго начальства".

Все это мало свидѣтельствуетъ о любви къ просвѣщенію и о желаніи распространить и углубить его. Если вспомнить еще, что къ Николаевскому времени (1849 г.) относится и знаменитая мѣра объ ограниченіи числа студентовъ въ каждомъ университетѣ 300 чел. и о допущеніи туда лишь „однихъ самыхъ отличныхъ по нравственному образованію", то нельзя не согласиться съ слѣдующимъ выводомъ П. Ѳ. Каптерева: „Если прежде, при Петрѣ и Екатеринѣ, государственные люди *боялись невѣжества* и въ интересахъ государства заботились о заведеніи училищъ, то съ умноженіемъ школъ и съ удовлетвореніемъ насущной государственной нужды въ профессіонально подготовленныхъ людяхъ, государственные дѣятели *начали косо и недовѣрчиво смотрѣть на умножающіяся въ силу необходимости школы* и... распространяющееся просвѣщеніе. Къ чему широкое распространеніе просвѣщенія, особенно въ низшихъ слояхъ народа? Не несетъ ли оно съ собой недовольства своимъ положеніемъ, помѣщиками, правительствомъ, и вообще потрясеніе основъ существующаго строя жизни? Среднее и высшее образованіе, а для крестьянъ даже и низшее, не есть ли для громаднаго большинства излишняя роскошь, выводящая людей изъ круга ихъ состоянія безъ выгоды для нихъ самихъ и для государства?"

Слабые успѣхи школы.

Незначительность успѣховъ школьнаго просвѣщенія рельефно выступаетъ и изъ статистическихъ данныхъ, даже оффиціальнаго происхожденія, о чемъ могутъ свидѣтельствовать нижеприводимыя двѣ таблицы, составленныя по даннымъ изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія за періодъ 1830—1858 гг. Въ 6 университетахъ, 6 другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно лицеяхъ и въ гимназіяхъ (число ихъ указано въ самой таблицѣ) учащихся было:

Годы.	Въ университетахъ.	Въ другихъ высш. учебн. завед.	Въ гимназіяхъ.	Число гимназій.	Всего учащихся въ высш. и сред. уч. завед.
1830	3.317	Не по-	Не по-	62	
1831	2.201	казано	казано	61	
1837	2.307	593	16.506	69	19.406
1838	2.446	397	17.403	70	20.246
1839	2.465	299	16.753	72	19.517
1840	2.740	1.069	16.854	73	19.663
1841	2.858	706	16.896	74	20.460
1842	2.884	604	17.006	74	20.494
1843	2.966	513	17.890	74	21.369
1844	3.274	480	19.453	74	23.207
1845	3.516	473	20.436	75	24.425
1846	3.826	513	20.820	75	25.159
1847	4.004	508	21.082	75	25.602
1848	4.006	461	19.496	75	23.963
1849	3.956	498	19.428	74	23.882
1850	3.018	503	18.764	74	22.285
1851	3.116	494	18.192	74	21.802
1852	3.112	489	18.327	76	21.928
1853	3.443	524	17.868	76	21.835
1854	3.551	446	17.827	76	21.824
1855	3.659	366	17.817	76	21.842
1856	4.168	314	19.098	77	23.580
1857	4.714	285	20.274	77	25.273
1858	4.884	317	22.270	78	27.471

Эти данныя прямо убійственны. Въ теченіе четверти столѣтія, съ 1830 по 1855 г., число учащихся въ высшихъ и среднихъ почти совершенно не увеличилось. Нѣкоторое движеніе вверхъ замѣчается только за послѣдніе 2—3 года и стоитъ въ связи съ неудачной Крымской кампаніей и начавшимся общественнымъ броженіемъ, предшествовавшимъ освобожденію крестьянъ. Не многимъ утѣшительнѣе и данныя, относящіяся къ низшей школѣ за тотъ же періодъ,— къ уѣзднымъ и приходскимъ школамъ, а также къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ. Данныя эти страдаютъ несомнѣнной неточностью и неполнотой, но пользуемся ими за отсутствіемъ иныхъ.

Годы.	Число уѣздныхъ училищъ.	Въ нихъ учащихся.	Число приходскихъ училищъ.	Въ нихъ учащихся.	Число частныхъ училищъ.	Въ нихъ учащихся.	Всего учащихся.
1830	416	Отдѣльно не показано	718	Отдѣльно не показано	402	Отдѣльно не показано	79.420 [1]
1831	392		469		345		68.367 [1]
1837	427		840		436		73.260
1838	430		873		485		74.823
1839	435		911		475		75.602
1840	439		983		486		77.898
1841	442		1.021		481		77.030
1842	445		1.067		521		79.261
1843	445		1.059		562		83.999
1844	447		1.070		607		85.447
1845	447		1.047		585		83.966
1846	449		1.011		594		85.774
1847	451		1.010		597		88.931
1848	450		1.050		601		87.012
1849	431	27.198	1.065	43.203	599	15.244	85.645
1850	433	26.262	1.062	44.397	567	20.472	91.131
1851	434	25.834	1.068	44.723	592	23.358	93.915
1852	440	27.937	1.077	47.441	602	20.518	95.896
1853	440	27.725	1.125	48.832	633	20.946	97.503
1854	439	27.992	1.140	49.937	640	19.592	97.521
1855	439	27.309	1.106	49.101	614	17.888	94.298
1856	438	27.600	1.085	49.934	615	17.781	95.315
1857	437	28.266	1.095	52.815	637	14.608	95.689
1858	431	28.358	1.129	53.659	668	15.297	97.314

Школа на окраинахъ государства.

Учебная реформа 1803—1804 гг. создала систему просвѣщенія на основахъ, общихъ для всего населенія имперіи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій. На практикѣ, однако, это единство не могло быть строго выдержано. Разнообразныя мѣстныя условія вносили болѣе или менѣе существенныя измѣненія въ типы школъ и въ ихъ учебные планы. Дѣйствіе этихъ условій особенно сильно сказалось на окраинахъ государства, гдѣ преобладало не-русское населеніе съ своимъ особымъ соціальнымъ бытомъ и особой культурой,—въ западныхъ и юго-западныхъ областяхъ

[1]) Вмѣстѣ съ учащимися въ гимназіяхъ и университетахъ.

и Прибалтійскомъ краѣ, вошедшихъ въ составъ учебныхъ округовъ Виленскаго и Дерптскаго.

Западный и юго-западный край, т. е. области, возвращенныя при Екатеринѣ II отъ Польши, въ глазахъ руководящихъ дѣятелей польской интеллигенціи оставались польскими провинціями. Обстоятельства первыхъ лѣтъ царствованія Александра I сложились необыкновенно благопріятно для плановъ польскихъ патріотовъ къ возрожденію Польши,

Князь А. А. Чарторыйскій.

однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ факторовъ котораго признавалось народное просвѣщеніе въ духѣ польской государственной идеи. Руководителемъ учебнаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ, соединенныхъ въ обширный Виленскій учебный округъ, сталъ попечитель послѣдняго, горячій патріотъ, князь Адамъ Чарторыйскій, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ въ эту пору на Александра I и полнымъ довѣріемъ министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго. При такомъ исключительномъ личномъ положеніи князь Чарторыйскій на посту попечителя Виленскаго окру-

га могъ смѣло стремиться къ культивированію идеи возстановленія политической самостоятельности Польши.

Учебная система по уставамъ 1804 г. близко совпадала съ планомъ народнаго образованія, выработаннаго въ Польшѣ Эдукаціонной комиссіей въ 1773 г., которая все государство раздѣлила на 10 учебныхъ округовъ и въ каждомъ изъ нихъ предполагала создать сѣть среднихъ и низшихъ училищъ (окружныхъ, подокружныхъ и парафіальныхъ или приходскихъ), находящихся во взаимной іерархической зависимости. За небольшими исключеніями, онъ совпадалъ съ планомъ общеимперской учебной реформы, и кн. Чарторыйскому было разрѣшено положить его въ основу своихъ преобразованій. Суть послѣднихъ должна была заключаться, по мысли Чарторыйскаго, не во внѣшней конструкціи реформы, а въ томъ содержаніи, которое будетъ вложено въ эти рамки, главнымъ образомъ—въ духѣ преподаванія и изложенія предметовъ,—и въ численности школъ.

Уставъ Виленскаго университета, утвержденный 18 мая 1803 г., предусматривалъ для этого округа, кромѣ гимназій, трехклассныя уѣздныя и обыкновенныя приходскія училища. Матеріальная сторона ихъ, согласно выработанному Чарторыйскимъ въ 1804 г. „Предначертанію устроенія училищъ въ округѣ Виленскаго университета“, обезпечивается частью доходами съ имуществъ, принадлежавшихъ раньше іезуитамъ, частью же средствами духовныхъ обществъ. Болѣе подробно организація приходскихъ училищъ была развита въ „Уставѣ для приходскихъ училищъ губерній Волынской, Кіевской и Подольской“, составленномъ по проекту одного изъ самыхъ ревностныхъ польскихъ патріотовъ, Ѳаддея Чацаго, и утвержденномъ 31 августа 1807 г. По этому уставу приходскія училища, городскія и сельскія, раздѣляются на большія и малыя, предназначаются для образованія бѣдныхъ дворянъ, ремесленниковъ и крестьянъ и находятся подъ наблюденіемъ мѣстнаго дворянства и духовенства. Что касается главнѣйшей цѣли, преслѣдовавшейся реформаторами польской школы—насажденія черезъ нее идей независимости, то о достиженіи ея могутъ свидѣтельствовать слова самого Чарторыйскаго, который въ своихъ мемуарахъ говоритъ объ этомъ времени, что „... вся Польша наполнилась училищами, въ которыхъ польское національное чувство могло совершенно свободно развиваться“.

Съ отставкой гр. Завадовскаго, который „по убѣжденію признавалъ, что юго-западный край есть законный районъ для польской школы", учебная политика въ этомъ краѣ вступила въ значительно менѣе благопріятный фазисъ въ смыслѣ стремленій польскихъ патріотовъ. Въ правительственныхъ сферахъ получили сильное вліяніе іезуиты, прямые враги учебной системы князя Чарторыйскаго. Въ 1812 г. цѣлый рядъ училищъ былъ отторгнутъ отъ Виленскаго учебнаго округа и подчиненъ Полоцкой іезуитской коллегіи, преобразованной въ академію, въ томъ же году въ Кіевѣ была учреждена гимназія, въ которой, вопреки желанію руководителей польской школы, чтобы „знатная часть наукъ... преподавалась на польскомъ языкѣ", преподаваніе было установлено на русскомъ языкѣ и велось русскими учителями. Въ 1814 г. министръ Разумовскій потребовалъ, чтобы нѣкоторыя учительскія должности въ Виленскомъ учебномъ окугѣ обязательно замѣщались лицами русскаго происхожденія. Наконецъ, указъ 23 сентября 1818 г. изъ вѣдѣнія Виленскаго университета изъялъ учебныя заведенія Кіевской губерніи и причислилъ ихъ къ Харьковскому округу.

Хотя торжество іезуитовъ было непродолжительно, и въ мартѣ 1820 г. изданъ указъ о высылкѣ ихъ изъ Россіи и объ упраздненіи Полоцкой іезуитской академіи и подвѣдомственныхъ ей училищъ, тѣмъ не менѣе неблагопріятное отношеніе правительственной власти къ собственно польскимъ школамъ отъ этого не измѣнилось.

Рядъ репрессивныхъ мѣръ послѣдовалъ въ результатѣ разслѣдованія дѣла о такъ называемой „политической пропагандѣ въ польскихъ школахъ", вызваннаго патріотическими надписями въ Виленской гимназіи и на стѣнахъ доминиканскаго монастыря. Несмотря на всѣ старанія князя Чарторыйскаго представить дѣло какъ маловажную дѣтскую шалость, командированный для слѣдствія Н. Н. Новосильцевъ и вслѣдъ за нимъ особый комитетъ изъ того же Новосильцева, Аракчеева и Шишкова пришли къ заключенію, что за дѣтской шалостью скрывается планомѣрная пропаганда въ школахъ Виленскаго округа идей независимости Польши и существованіе организованныхъ тайныхъ обществъ. „Нерадѣніе и послабленія университетскаго начальства и полицейскихъ властей,—писалъ Новосильцевъ въ рапортѣ госуда-

рю,—позволили широко распространиться главному источнику пропаганды—учебнымъ книгамъ и компендіямъ, составленнымъ согласно съ тѣми началами, кои были проповѣдуемы и распространяемы революціонными лжеучителями XVIII вѣка... Однимъ словомъ, вся система ученія имѣла только то въ предметѣ, чтобы внѣдрять въ юношество республиканскія правила и питать въ немъ надежду на возстановленіе прежней Польши". Въ результатѣ этого слѣдствія были уволены нѣкоторые профессора Виленскаго университета, изъ программъ гимназій исключены естественное право и политическія науки, усилено преподаваніе древнихъ языковъ и русскаго и установленъ строгій надзоръ за поведеніемъ учащихся. Другимъ слѣдствіемъ дѣла о политической пропагандѣ было увольненіе князя Чарторыйскаго съ поста попечителя Виленскаго округа и назначеніе на его мѣсто Новосильцева. Наконецъ, вліяніе этого округа было сужено еще болѣе: отъ него отрѣзали, съ одной стороны, Витебскую и Могилевскую губерніи и присоединили ихъ къ Петербургскому округу, а съ другой—Волынскую и Подольскую, перешедшихъ къ Харьковскому округу. По отношенію къ губерніямъ, отходившимъ отъ Виленскаго округа, задача министерства сводилась къ тому, чтобы искоренить въ школахъ „духъ полонизма" и распространить на нихъ общегосударственную учебную систему.

Особенно угнетеннымъ стало положеніе школы въ юго-западномъ краѣ послѣ возстанія 1830 г. Съ этихъ поръ рѣчь шла уже не только объ искорененіи „духа полонизма", но о руссифицированіи области. Высочайшее повелѣніе 4 апрѣля 1831 г., находя, что „способъ нынѣшняго воспитанія юношества въ Бѣлоруссіи и другихъ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, требуетъ неотлагательнаго преобразованія и совершенствованія", предписывало приложить „всевозможныя старанія къ скорѣйшему исполненію имѣющихся предположеній о постепенномъ уничтоженіи духовныхъ училищъ при римско-католическихъ монастыряхъ и о преподаваніи на русскомъ языкѣ наукъ въ долженствующихъ замѣнить оныя свѣтскихъ училищахъ, имѣя постоянною цѣлью—направленіе публичнаго воспитанія къ сближенію тамошнихъ жителей съ природными россіянами". Подобную же мысль о такомъ „сближеніи" высказалъ и государственный совѣтъ, который „разсуждалъ, что въ государ-

ствѣ самодержавномъ чѣмъ части, его составляющія, однороднѣе и чѣмъ законы единообразнѣе, тѣмъ и управленіе удобнѣе", и потому положилъ „сообщить министру просвѣщенія о принятіи мѣръ на счетъ усиленія русскаго языка въ училищахъ западныхъ губерній".

Съ 1832 г. началось разрушеніе системы, созданной княземъ Чарторыйскимъ. 1 мая закрытъ былъ Виленскій университетъ, главный центръ польскаго вліянія въ Западномъ краѣ, и упраздненъ Виленскій округъ, всѣ училища котораго присоединены къ Бѣлорусскому округу; далѣе, училища, содержимыя католическимъ духовенствомъ, были преобразованы въ свѣтскія гимназіи и уѣздныя школы; польскій языкъ изъ преподаванія почти совершенно изгнанъ учебныя программы перестроены по образцу русскихъ; даже приходскія училища при костелахъ были закрыты и замѣнены школами при православныхъ церквахъ. Однимъ словомъ, совершилось явленіе, названное С. С. Уваровымъ въ 1838 г. „генеральнымъ сраженіемъ", которое „правительство даетъ на поприщѣ вѣковой борьбы съ духомъ Польши".

С. С. Уваровъ, будучи министромъ народнаго просвѣщенія, придерживался того взгляда на школьную политику въ Западномъ краѣ, что „въ борьбѣ двухъ враждебныхъ стихій, русской и польской, должно итти среднимъ путемъ между двухъ крайнихъ линій, равно одностороннихъ и опасныхъ", и основной цѣлью этой политики ставилъ „умственное сліяніе враждебныхъ началъ", впрочемъ, „съ надлежащимъ перевѣсомъ русскаго". Въ 1833 г. въ Кіевѣ былъ основанъ университетъ, который долженъ былъ стать „знаменіемъ воскресенія русской образованности въ томъ краѣ, который наканунѣ былъ признаваемъ польскимъ", и „служить соединенію польскаго юношества съ русскимъ..., основательному изученію русскаго языка и словесности, знакомству съ учрежденіями и установленіями русскими". Въ 1835 г. былъ утвержденъ выработанный Уваровымъ планъ системы средняго и низшаго образованія въ округахъ Кіевскомъ и Бѣлорусскомъ. Министръ полагалъ необходимымъ возстановить въ Западномъ краѣ систему учебныхъ заведеденій „въ духѣ русскомъ, хотя большею частью подъ наружностью прежнихъ наименованій...; дабы не испугать съ перваго пріема умы, ослѣпленные заблужденіями продолжительными и недавними, и прежде всего овладѣть довѣрен-

ностью того края въ учрежденіи сихъ училищъ, слѣдуя твердому плану, (нужно) снисходить на первый случай къ тѣмъ мѣстнымъ требованіямъ, кои не явно противны сему плану, а между тѣмъ вводить непреклонно въ духѣ и формахъ преподаванія тѣ главныя условія, кои прямо относятся къ имѣющейся въ виду цѣли". По утвержденному штату положено было въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской и области Бѣлостокской учредить 7 гимназій, 12 уѣздныхъ училищъ для дворянъ, 6 уѣздныхъ училищъ для мѣщанъ, и въ губерніяхъ Бѣлорусскихъ—Витебской и Могилевской—3 гимназіи, 5 дворянскихъ уѣздныхъ пятиклассныхъ училищъ и 3 трехклассныя мѣщанскія училища. Для приходскихъ училищъ Западнаго края были изданы особыя постановленія; въ 1833 г. разрѣшено на средства училищныхъ фундушей, городскихъ и сельскихъ обществъ, учрежденіе одноклассныхъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ по уставу 1828 г. съ дополненіемъ программы польскимъ и жмудскимъ языками и католическимъ вѣроученіемъ; учителей должна подготовлять особая семинарія въ Витебскѣ. Въ 1854 г. это разрѣшеніе распространено и на Кіевскій учебный округъ. Преподаваніе во всѣхъ родахъ училищъ велось на русскомъ языкѣ, кромѣ преподаванія польскаго языка. Въ концѣ 30-хъ годовъ этотъ предметъ былъ найденъ опаснымъ, какъ главное орудіе воспитанія въ юношествѣ „духа полонизма", и онъ былъ вовсе исключенъ изъ программы училищъ и Кіевскаго и даже Бѣлорусскаго округовъ, освободившіеся же учебные часы были отнесены на усиленіе преподаванія русскаго языка. Дальше этого шага въ руссифицированіи бывшей польской школы итти было некуда, и Уваровъ съ чувствомъ самоудовлетворенія въ 1838 г. могъ писать, что „поле сраженія, по собственному сознанію враговъ, остается въ рукахъ правительства". Этой линіи—обрусенія школы—и держалось министерство вплоть до начала 60-хъ годовъ, когда общія реформы и новый духъ коснулись и школы Западнаго края.

Подобными же началами и стремленіями, какъ въ Западномъ краѣ, руководилось министерство въ школьномъ вопросѣ и въ Царствѣ Польскомъ. „Первый приступъ къ дѣлу и самый выборъ пути должны быть особенно осторожны", писалъ Уваровъ въ своей запискѣ о необходимости реформировать учебную систему въ Царствѣ Польскомъ. „Этотъ

путь лежитъ между двумя крайностями: ультра-русскимъ, понятнымъ, но безплоднымъ и безполезнымъ чувствомъ явнаго презрѣнія къ народу, имѣвшему мало правъ на наше сочувствіе, и между ультра-европейскою наклонностью сдѣлаться въ глазахъ этого народа предметомъ слѣпого энтузіазма. Тутъ, какъ и во всѣхъ прочихъ дѣйствіяхъ государственныхъ, средняя стезя являетъ твердость и обезпечиваетъ успѣхи". Эта золотая середина касалась на дѣлѣ, однако, не характера и сущности реформъ, а лишь ихъ постоянной послѣдовательности. Конечная цѣль ясна—польскую школу искоренить и замѣнить ее русскою, но сдѣлать это нужно постепенно, исподволь, безъ рѣзкихъ скачковъ, шагъ за шагомъ идя къ цѣли.

Указомъ 20 ноября 1839 г. учебная часть Царства Польскаго была подчинена вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. 31 августа 1840 г. изданъ „Уставъ гимназій, училищъ обводовыхъ и первоначальныхъ Варшавскаго учебнаго округа", въ основу котораго былъ положенъ уставъ 1828 г. съ допущеніемъ лишь незначительныхъ измѣненій. Первоначальныя училища учреждаются на средства помѣщиковъ, городскихъ и сельскихъ обществъ „съ участіемъ казны, принимающей на себя не свыше одной трети издержекъ". Обводовыя училища, соотвѣтствующія городскимъ школамъ по уставу 1828 г., имѣютъ 4 класса и раздѣляются на общія и реальныя. Изъ нихъ въ общихъ допускается преподаваніе польскаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ, а въ реальныхъ—предметы техническіе, коммерческіе или агрономическіе. Учебники въ школахъ постепенно замѣнялись русскими. Русскій языкъ въ преподаваніи вводился также постепенно, дабы „не слишкомъ рѣзко и преждевременно обнаружить виды правительства",—по признанію Уварова, и чтобы „нечувствительно" поселить въ умахъ польскаго юношества „уваженіе къ первенству Россіи между славянскими племенами, которое должно непринужденно и мало-по-малу перемѣнить до корня всѣ ихъ понятія".

Естественно, что при такомъ отношеніи министерства къ школѣ въ Западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ не могли быть значительны ея успѣхи. Нижеслѣдующія цифры, собранныя изъ оффиціальныхъ источниковъ того времени, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о застоѣ въ школьномъ дѣлѣ въ Западномъ краѣ.

Годы.	Виленскій округъ.						Бѣлорусскій округъ.						Кіевскій округъ.					
	Число гимназій.	Число уѣздн. у-щъ.	Число приходск. у-щъ.	Число частн. у-щъ.	Всего училищъ.	Всего учащихся.	Число гимназій.	Число уѣздн. у-щъ.	Число приходск. у-щъ.	Число частн. у-щъ.	Всего училищъ.	Всего учащихся.	Число гимназій.	Число уѣздн. у-щъ.	Число приходск. у-щъ.	Число частн. у-щъ.	Всего училищъ.	Всего учащихся.
1830	Отдѣ	льно	не по	каз.	393	19.079	Отдѣ	льно	не по	каз.	45	3.407	Н	е су	щест	вов	алъ.	
1831	„	„	„	„	91	6.654	„	„	„	„	78	4.712	„	„	„	„	„	
1837							12	31	154	50	247	12.287	8	29	48	20	106	8.307
1838							11	31	160	61	263	12.904	9	28	48	20	105	8.462
1839							11	33	164	56	264	12.776	10	46	94	19	169	10.456
1840	У	пр	аз	дн	ен	ъ	11	34	203	56	304	13.726	11	43	97	18	169	9.682
1841							11	35	195	53	294	13.069	11	43	98	19	171	9.096
1842							11	35	202	53	301	13.361	11	43	100	20	174	9.202
1843							11	35	172	46	264	13.560	11	42	103	19	175	9.551
1844							11	36	162	52	261	13.068	11	42	103	20	176	9.823
1845							11	35	152	60	258	12.813	11	42	102	20	175	10.009
1846							11	35	152	58	256	13.264	11	42	103	23	179	10.286

Годы.	Виленскій округъ.						Бѣлорусскій округъ.						Кіевскій округъ.					
	Число гимназій.	Число уѣздн. у-щъ.	Число приходск. у-щъ.	Число частн. у-щъ.	Всего училищъ.	Всего учащихся.	Число гимназій.	Число уѣздн. у-щъ.	Число приходск. у-щъ.	Число частн. у-щъ.	Всего училищъ.	Всего учащихся.	Число гимназій.	Число уѣздн. у-щъ.	Число приходск. у-щъ.	Число частн. у-щъ.	Всего училищъ.	Всего учащихся.
1847							11	35	152	59	257	13.645	11	42	106	21	180	10.759
1848	У	п р	а з	д н	е н	ъ	11	35	147	57	250	13.238	11	41	105	19	176	10.356
1849							11	35	122	38	206	11.748	11	41	104	19	175	10.061
1850	8	22	122	38	190	11.748							11	41	106	19	177	10.310
1851	8	22	117	41	188	10.654		У п	р а	з д	н е	н ъ	11	41	106	19	177	10.331
1852	8	26	116	24	174	10.018							11	41	107	24	183	10.882
1853	8	26	142	33	209	11.839							11	41	115	30	197	10.692
1854	8	24	140	31	203	10.707							11	41	116	34	202	11.537
1855	8	24	115	22	169	9.616							11	41	117	31	200	11.196
1856	8	24	95	23	160	9.203							11	41	117	27	196	11.258
1857	8	23	96	24	151	9.633							11	41	117	32	201	12.385

За двадцатилѣтіе, съ 1837 по 1857 г., число учащихся въ Кіевскомъ округѣ едва увеличилось въ $1^1/_2$ раза, что никоимъ образомъ нельзя считать положительнымъ успѣхомъ, особенно если принять во вниманіе вообще невысокій процентъ учащихся къ началу этого періода и ростъ населенія. Для Бѣлорусскаго округа же, онъ же и Виленскій, число учащихся за то же время не только не увеличилось, но значительно даже сократилось.

Не многимъ лучше обстоитъ дѣло съ школьными успѣхами и въ Царствѣ Польскомъ, что видно изъ нижеслѣдующей таблицы.

Годы.	Гимназіи.		Уѣздныя у-ща.		Начальныя у-ща.		Ремесленно-воскресныя у-ща.		Частныя у-ща.		Всего училищъ.	Всего учащихся.
	Число ихъ.	Число учащихся.	Число ихъ.	Число учащихся.	Число ихъ.	Число учащихся.	Число ихъ.	Число учащихся.	Число ихъ.	Число учащихся.		
1839	11	4.227	22	4.257	934	50.895	60	6.426	128	4.660	1.155	69.465
1840	10	4.042	21	3.132	936	42.573	69	7.195	195	4.699	1.231	61.541
1841	10	3.886	21	2.847	947	41.037	74	6.842	185	5.406	1.237	60.018
1842	10	3.821	21	2.739	965	47.856	76	6.137	187	5.109	1.259	65.662
1843	10	4.001	20	2.759	959	52.330	79	6.126	189	5.092	1.297	71.308
1844	10	4.215	21	2.884	1.006	54.544	84	6.698	197	4.900	1.318	73.201
1845	12	4.659	20	2.332	1.030	55.958	84	7.153	184	4.629	1.330	75.741
1846	12	4.262	20	2.241	1.063	61.343	86	6.717	189	4.677	1.370	79.240
1847	12	4.777	22	2.398	1.163	65.119	95	6.671	172	5.312	1.464	83.587
1848	11	2.833	22	2.525	1.189	61.018	104	6.067	155	4.871	1.481	77.314
1849	11	2.912	22	2.708	1.225	63.153	98	6.101	172	5.258	1.528	80.132
1850	9	2.815	24	3.508	1.259	62.878	97	6.437	167	5.641	1.556	84.277
1851	9	2.676	26	3.480	1.225	64.690	91	6.666	183	5.959	1.534	83.471
1852	8	2.407	26	3.407	1.213	61.052	93	6.795	165	5.539	1.505	81.170
1853	8	2.281	26	3.746	1.233	63.773	94	6.542	180	5.719	1.541	82.061
1854	8	2.130	26	3.738	1.221	64.173	92	5.928	186	5.885	1.553	81.854
1855	8	2.071	26	3.858	1.190	52.726	92	5.530	193	6.077	1.509	70.232
1856	8	2.178	26	4.008	1.140	50.954	93	5.455	180	6.986	1.447	79.581
1857	8	2.993	26	4.137	1.124	53.184	93	6.039	181	6.787	1.432	83.140

Успѣховъ и здѣсь не видно, по нѣкоторымъ же родамъ училищъ наблюдается движеніе внизъ. Если же абсолютная цифра учащихся и школъ въ Царствѣ Польскомъ высока, то это является заслугой не министерства. Тутъ—наслѣдіе прошлыхъ временъ, въ созданіи котораго министерство не принимало никакого участія.

Въ Прибалтійскомъ краѣ, раіонѣ Дерптскаго учебнаго округа, правительство не такъ рѣзко преслѣдовало націоналистическія стремленія, какъ въ Западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, и къ мѣстной школѣ относилось болѣе спокойно. Наряду съ общей реформой 1804 г. былъ преобразованъ и Дерптскій университетъ, въ вѣдѣніе котораго отданы были школы остзейскихъ губерній — 4 гимназіи и 30 уѣздныхъ училищъ. Въ программу трехклассныхъ гимназій входили слѣдующіе предметы: Законъ Божій, философія, греческая и латинская филологія, исторія, географія, статистика, математика, естественныя науки, всеобщая и нѣмецкая филологія, наконецъ, еврейскій языкъ для желающихъ поступить на богословскій факультетъ. Курсъ уѣздныхъ училищъ былъ раздѣленъ также на три класса и обнималъ русскій, нѣмецкій и латинскій языки, ариѳметику, геометрію, естественную исторію, технологію, физику, географію, исторію, антропологію, „познаніе отечественныхъ постановленій", нравоученіе, Законъ Божій, рисованіе и каллиграфію. Кромѣ этихъ уѣздныхъ училищъ, называвшихся *полными*, существовали еще малыя уѣздныя съ двухлѣтнимъ курсомъ.

Въ октябрѣ 1806 г. попечитель округа писалъ Главному правленію училищъ, что преобразованіе разнообразныхъ учебныхъ заведеній по уставу 1804 г. закончено, при чемъ вновь открыто 5 гимназій и 33 уѣздныхъ училища съ 1.535 учащимися и преобразовано изъ бывшихъ учебныхъ заведеній 53 училища съ 2.119 учащимися. Сельскія училища еще со временъ Екатерины находились въ рукахъ помѣщиковъ и духовенства. Находя это ненормальнымъ, Дерптскій университетъ въ лицѣ своего ректора Паррота разработалъ обстоятельный проектъ о постановкѣ начальнаго образованія въ селахъ и деревняхъ съ отнесеніемъ расходовъ на счетъ казны; но проектъ этотъ, главнымъ образомъ, въ виду послѣдняго обстоятельства, не получилъ одобренія Главнаго правленія училищъ и остался неосуществленнымъ.

Въ 1820 г. училища Дерптскаго округа получили новый уставъ. Трехлѣтній курсъ въ гимназіяхъ былъ замѣненъ пятилѣтнимъ съ усиленіемъ преподаванія классической филологіи; курсъ полныхъ уѣздныхъ училищъ, напротивъ, сокращенъ до двухъ лѣтъ и малыхъ—до одного года. Важнѣйшими моментами реформы было отнесеніе содержанія городскихъ училищъ на счетъ казны (по 300 руб. въ годъ на каждое) и учрежденіе въ Дерптѣ семинаріи для подготовки учителей начальныхъ училищъ. Наконецъ, сохранивъ три степени учебныхъ заведеній — гимназію, уѣздное и приходское училища, отвѣчающія потребностямъ трехъ главныхъ классовъ населенія, крестьянскаго, промышленнаго и служилаго,—уставъ, однако, сдѣлалъ слѣдующую важную оговорку: „...но какъ сіи три класса проистекаютъ не изъ особаго устройства государственнаго, но изъ произвольно избраннаго или обстоятельствами опредѣленнаго званія каждаго гражданина, то и разные роды училищъ не должны исключительно принадлежать одному какому-либо классу гражданъ, но всякій имѣетъ право пользоваться ими, т. е. правомъ продолжать дотолѣ свое образованіе, пока позволяютъ его внѣшнія обстоятельства“.

Въ 1817—1819 гг., въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ прибалтійскихъ губерній отъ крѣпостной зависимости, была сдѣлана попытка поставить на болѣе твердую почву сельскія школы, но она успѣха не имѣла. Сельскія школы попрежнему оставались въ рукахъ пасторовъ, обязанныхъ отчетомъ лишь особому комитету въ Ревелѣ, министерство же, несмотря на всѣ старанія, не добилось подчиненія этихъ школъ своему надзору.

Отношеніе министерства народнаго просвѣщенія къ школамъ въ Прибалтійстомъ краѣ наиболѣе опредѣленно формулировано С. С. Уваровымъ, который во Всеподданнѣйшемъ докладѣ 1838 г. писалъ, что политика министерства въ этомъ краѣ должна опираться на иные принципы, чѣмъ въ западныхъ губерніяхъ. „Въ Западномъ краѣ, гдѣ ошибки прежняго времени и самая сила вещей требовали измѣненій безотлагательныхъ, мѣры министерства были... рѣшительны. Въ нѣмецкихъ губерніяхъ, напротивъ, необходима большая осмотрительность, нѣкоторое даже снисхожденіе къ предразсудкамъ, вкоренившимся съ однихъ лѣтъ въ томъ краѣ“, ибо тамъ „политическимъ предразсудкамъ сопутствуетъ полити-

ческая вѣрность, и чувство преданности законному государю большею частью покрываетъ... странности обветшалыхъ понятій". Всѣ мѣры министерства касались, главнымъ образомъ, усиленія преподаванія русскаго языка и православнаго Закона Божія какъ въ университетѣ, такъ и въ среднихъ и низшихъ училищахъ.

Успѣхи школьнаго образованія въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ давленіе министерства чувствовалось не такъ сильно, какъ на другихъ окраинахъ, были значительнѣе, по крайней мѣрѣ по числу учащихся, о чемъ нѣкоторое понятіе даютъ слѣдующія оффиціальныя данныя для Дерптскаго округа.

Годы.	Число гимназій.	Число уѣздн. училищъ.	Число приходск. у-щъ.	Число частныхъ училищъ.	Всего училищъ.	Всего учащихся.
1830	Отдѣльно не показано.				232	7.310
1831	—	—	—	—	192	7.625
1837	4	25	85	149	263	8.991
1838	4	25	85	161	275	9.389
1839	4	25	85	167	281	9.633
1840	4	25	86	180	295	10.221
1841	4	25	87	173	289	9.890
1842	4	25	87	165	281	9.697
1843	4	25	87	188	304	10,156
1844	4	25	87	206	322	10.744
1845	4	25	87	185	301	10.340
1846	4	25	87	182	298	10.454
1847	4	25	86	184	299	10.853
1848	4	25	87	174	290	10.245
1849	4	25	87	174	290	10.669
1850	4	25	88	175	292	11.202
1851	4	25	88	182	299	11.686
1852	4	25	89	174	292	12.547
1853	4	25	90	172	291	11.577
1854	4	25	91	168	288	12.346
1855	4	25	91	161	282	12.646
1856	4	25	85	145	259	12.234
1857	4	25	87	145	261	17.006

Бросая ретроспективный взглядъ на судьбы школы въ теченіе почти столѣтія, съ 1760-хъ годовъ по 1850-е годы, приходится сдѣлать выводы далеко не утѣшительные: школьное дѣло за это время шагнуло весьма мало впередъ. Дѣятели екатерининскаго времени и начала царствованія Александра I, стоявшіе вплотную къ этой великой задачѣ, въ большинствѣ, несомнѣнно, были воодушевлены самыми благими намѣреніями, ихъ усилія имѣли прекрасную цѣль—дать народу, по крайней мѣрѣ высшимъ и среднимъ его слоямъ, извѣстный уровень образованія. Первые шаги во всякомъ дѣлѣ трудны, и малый успѣхъ начальныхъ попытокъ въ достаточной мѣрѣ можетъ быть объясненъ какъ новизной дѣла, такъ и невоспріимчивостью, даже враждебностью малокультурнаго населенія къ средствамъ, назначеніе которыхъ—уменьшить некультурность. Многочисленныя вольныя или невольныя ошибки ихъ въ виду тѣхъ же соображеній исторія должна судить мягко и снисходительно. Гораздо серьезнѣе отвѣтственность дѣятелей послѣдующаго періода, особенно николаевской эпохи. Къ этому времени уже выяснились и были осознаны содѣянныя ошибки и причины ихъ, а самое главное—къ этому времени были уже сдѣланы первые шаги, самые трудные, было положено начало великому дѣлу. Оставалось продолжать его, по мѣрѣ возможности исправляя и всѣми силами расширяя его. Однако, ни сколько-нибудь серьезныхъ исправленій, ни—что гораздо важнѣе — искреннихъ стремленій распространить школьное дѣло у этихъ дѣятелей не замѣчается. Если оно кое-какъ и улучшается и распространяется, то заслуга въ этомъ должна быть отнесена не на счетъ усилій лицъ, стоявшихъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, а болѣе на счетъ тѣхъ общихъ законовъ, по которымъ важное и жизненное общественное дѣло живетъ и развивается не только благодаря такимъ усиліямъ, но даже вопреки имъ. Судя же строго, должно признать, что за всѣми этими внѣшними преобразованіями, реформами, обсужденіями въ различныхъ комиссіяхъ и комитетахъ этого времени скрывается больше противодѣйствія, чѣмъ содѣйствія процвѣтанію всѣхъ видовъ школы. Если судить о дѣятельности лицъ, руководившихъ въ ту пору школой, съ точки зрѣнія правительственныхъ интересовъ и повелительныхъ требованій господствовавшаго крѣпостническаго сословія, то эта дѣятельность,

угнетавшая молодой школьный организмъ, вполнѣ, пожалуй, отвѣчаетъ тому, что отъ нея требовалось, и въ этомъ смыслѣ ей нельзя отказать ни въ планомѣрности ни въ сознательности. Но здѣсь мы судимъ съ точки зрѣнія интересовъ школы, народнаго образованія, народнаго прогресса, и съ этой стороны такая дѣятельность заслуживаетъ нелестныхъ эпитетовъ. Когда на 50 милліоновъ населенія приходится едва 100 тысячъ учащихся, когда численность населенія неудержимо растетъ, а число учащихся остается тѣмъ же или движется впередъ черепашьими шагами, если даже не поворачиваетъ вспять, когда, слѣдовательно, отношеніе грамотныхъ къ темному люду становится скорѣе болѣе неблагопріятнымъ, а не наоборотъ,—конечно, при такихъ условіяхъ руководителей великимъ дѣломъ остается считать дѣятелями печальной памяти.

Время 1820—1855 годовъ составляетъ наиболѣе грустную и мрачную страницу въ исторіи русской школы. На смѣну ему пришла болѣе свѣтлая эпоха 60-хъ годовъ, прозванная „эпохой великихъ реформъ"; на ряду со многими другими недочетами общественной жизни она исправила и крупнѣйшіе недочеты народной школы, созданные кормчими предшествующаго времени.

Источники и пособія:

„Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія", т. I, Спб., 1825 г.; т. II, Спб., 1864 г. (подлинные тексты уставовъ, напечатанныхъ также и въ „Полномъ Собраніи Законовъ").—*П. Ѳ. Каптеревъ*, „Исторія русской педагогіи", Спб., 1910 г.—*П. Н. Милюковъ*, „Очерки по исторіи русской культуры", ч. II, Спб., 1902 г.—*С. В. Рождественскій*, „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, 1802—1902 гг.", Спб., 1902 г.—*Е. Шмидъ*, „Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи", пер. съ нѣмецкаго А. Ѳ. Нейлисова, Спб., 1876 г.—*В. С. Иконниковъ*, „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія", „Вѣстникъ Европы", 1876 г., №№ 9—11.—*П. Ферлюдинъ*, „Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи", вып. I, Саратовъ, 1894 г.—*Алешинцевъ*, „Сословный вопросъ и политика въ исторіи нашихъ гимназій въ XIX в.", Спб., 1908 г. — *М. И. Сухомлиновъ*, „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе импер.

Александра I", въ „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ", т. I, Спб., 1889 г.—*Θеоктистовъ*, „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи", т. I.— *С. В. Рождественскій*, „Университетскій вопросъ въ царствованіе импер. Екатерины II и система народнаго просвѣщенія по уставамъ 1804 г.", „Вѣстникъ Европы" 1907 г.—*A. Krusenstern*, „Précis du systême de progrés et de l'état de l'Instruction publique en Russie," Varsovie, 1837. — *Е. Лихачева*, „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, 1796—1828 гг.", Спб., 1893 г.—*Шильдеръ*, „Императоръ Александръ I", тт. II и III.—*Богдановичъ*, „Исторія царствованія импер. Александра I".—*Чистовичъ*, „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи", Спб., 1894 г.—*Благовидовъ*, „Оберъ-прокуроры св. синода", Кіевъ, 1899 г.—*Goetze*, „Fürst Al. Nik. Galitzin und seine Zeit", Leipzig, 1882 г.—*Стоюнинъ*, „А. С. Шишковъ" въ „Историческ. сочиненіяхъ", Спб., 1880 г.—*В. В. Григорьевъ*, „Императ. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія", Спб., 1870 г.—*В. Д. Спасовичъ*, „Пятидесятилѣтіе С.-Петербургскаго университета" въ сборникѣ „За много лѣтъ" и въ „Собраніи сочиненій".—*Шевыревъ*, „Исторія императ. Московскаго университета", М., 1855 г.—*Владимірскій - Будановъ*, „Исторія императ. университета св. Владиміра"- Кіевъ, 1884 г.—*Н. Буличъ*, „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета. 1805—1819 гг." въ „Ученыхъ Запискахъ Казанск. Универс.", 1875, 1880, 1886, 1890—1891 гг. и отд. въ 2-хъ частяхъ, Казань, 1887 и 1891 гг.—*А. Погодинъ*, „Виленскій учебный округъ, 1803—1831 гг." (Введеніе къ IV тому „Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи"), Спб., 1901 г.—*Селезневъ*, „Историческій очеркъ импер., бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея", Спб., 1861 г.—*К. Головщиковъ*, „П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища", „Временникъ Демид. Юридич. Лицея", № 53.—„Десятилѣтіе министерства народнаго просвѣщенія, 1833—1843 гг." (записка, представленная государю Уваровымъ), Спб., 1864 г.—*Вороновъ*, „Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1829 г. по 1853 г.", Спб., 1854 г.—„Извлеченіе изъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія" за 1831 г., 1837—1857 гг.—„Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія", т. II, Спб. 1902 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

BINDING LIST MAR 1 1946

niversity of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED